

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Н.В. Перцов, И.А. Пильшиков (Москва). О лингвистических аспектах текстологии.....	3
Е.Р. Добрушина (Москва). К проблеме семантической целостности русских глагольных приставок	31
П.М. Аркадьев (Москва). Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке	44
К.В. Антонян (Москва). Глагольные категории прилагательного в китайском языке	76

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

М.Л. Гаспаров. Стихосложение последних стихотворений И. Бродского	90
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

С.А. Бурлак, И.Б. Иткин (Москва). <i>A. Carstairs-McCarthy. The evolution of morphology</i>	104
В.Ю. Апресян (Москва). <i>А.И. Гладкова. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки</i>	110
В.Ю. Гусев (Москва). <i>R. Venacchio. Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ</i>	113
М.В. Ослон (Москва), В. Ринкявичюс (Вильнюс). <i>F. Kortlandt. Baltica & Balto-Slavica</i>	116
Ф.Р. Миндос (Москва). <i>Ф.И. Рожанский. Редупликация: Опыт типологического исследования</i>	121
А.Ю. Русаков (Санкт-Петербург). <i>B. Demiraj (Hrsg.). Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte, dem Gedenken an Martin Camaj (1925-1992) gewidmet</i>	125
Н.С. Бабенко (Москва). Новый большой немецко-русский словарь в трех томах. Около 500 000 лексических единиц / Под общ. рук. Д.О. Добровольского	134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

В.В. Тимофеев (Москва). VI Международная научная конференция «Фонетика сегодня»	140
Е.Г. Борисова (Москва). Язык в основе взаимопонимания (итоги конференции «Понимание в коммуникации-5»)	144
И.А. Седакова (Москва). XI Балканские чтения «Балканский спектр: от света к цвету».....	146
М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская, С.С. Сай (Санкт-Петербург). «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»	150

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, П.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, П.П. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкату

Зав. редакцией Н.В. Ганус

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:

www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© Российская академия наук, 2011 г.

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2011 г.

© 2011 г. Н.В. ПЕРЦОВ, И.А. ПИЛЬЩИКОВ

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ТЕКСТОЛОГИИ*

В статье детально обсуждаются основные принципы предлагаемой авторами текстологической концепции. Особое внимание уделено вопросу сохранения аутентичного режима правописания.

В настоящей работе излагается текстологическая концепция, ориентированная преимущественно на издания русской художественной классики XVIII–XX вв. Эта концепция имеет в виду подготовку изданий, рассчитанных на специалистов-гуманитариев (лингвистов, литературоведов, историков), которые стремятся постичь во всех тонкостях язык произведения и приблизиться к его тексту (и стоящему за ним смыслу), а не приблизить текст к современным языковым и общекультурным привычкам (ср. [М. Гаспаров 1979а; Шанир 2001: 47]). Сразу хотим подчеркнуть, что наша текстологическая концепция никоим образом не дискредитирует другие, нацеленные на издания иного типа, привычные для большинства филологов. Мы лишь настаиваем на правомерности и необходимости изданий того типа, о котором пойдет речь в нашей статье. Цель ее – не столько предложить практические эвристические решения для сложных текстологических ситуаций, сколько поставить и обсудить ряд важных для текстологии проблем.

Чтобы предотвратить возможное недоумение, необходимо сделать одно существенное замечание. В названии статьи говорится о лингвистических аспектах текстологии, между тем как принципы нашей концепции к одной лингвистике не сводятся. Дело в том, что в заглавии мы стремились подчеркнуть ту составляющую текстологической проблематики, которая в современной практике нередко недооценивается или вовсе игнорируется. Текстология имеет дело с продуктами языковой письменной деятельности человека; письменный язык, на котором написан подлежащий изучению и публикации текст, – это важнейший аспект существования последнего, а лингвистика является основной научной дисциплиной, изучающей естественный язык в его устной и письменной ипостасях. По нашему мнению, лингвистические аспекты текстологии составляют костяк ее проблематики.

* Исследование выполнено при поддержке Европейского социального фонда (European social fund) по программе «Mobilitas» (проект MJD84) и Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-06-00197).

За последние несколько лет (2007–2011) авторы выступали с докладами по тематике настоящей работы на конференциях и семинарах в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Государственном историко-литературном музее-заповеднике А.С. Пушкина (усадьба Вязьмы), МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте высших гуманитарных исследований РГГУ, Тартуском университете, Доме-музее Ф.М. Достоевского в Старой Руссе. В ходе обсуждений по нашим докладам было высказано немало полезных для нас критических замечаний. При подготовке статьи мы постарались учесть поправки и соображения наших первых читателей: А.С. Бодровой, С.Г. Болотова, А.А. Добрицына, Б.Ф. Егорова, А.Ф. Журавлева, В.П. Захарова, Д.Э. Кузовкина, А.М. Левашова, С.Е. Ляпина, И.С. Сидорова, С.В. Старкиной, Н.А. Тарасовой, М.В. Трунина, И.О. Шайтанова. При обсуждении нашего доклада на заседании Текстологической комиссии Пушкинского Дома (26 апреля 2010 г.) особенно значимыми были для нас замечания С.И. Николаева. Всех упомянутых лиц, а также не названных здесь участников дискуссий мы просим принять нашу искреннюю признательность.

1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕДЛАГАЕМОЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Главной задачей текстологического исследования произведения письменной культуры традиционно считается установление, во-первых, «эдиционного» текста произведения, то есть текста, подлежащего воспроизведению в научной публикации в качестве основного¹, и, во-вторых, дополнительных текстов, сопровождающих «эдиционный» в качестве его редакций и вариантов. Однако, как писал Д.С. Лихачев,

для того чтобы изучить историю текста, необходимо его прочесть. <...> Обязательное условие правильного прочтения текста – хорошее знание языка эпохи. К сожалению, огромное количество неправильных прочтений в современных изданиях и исследованиях текстов происходит именно из-за плохого знания языка, на котором написано произведение. Одной начитанности в произведениях эпохи недостаточно: нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи [Лихачев 1964: 19–20].

Таким образом, текстология связана тесными узами с языком автора произведения и – шире – вообще с языком того времени, когда произведение было создано. Мы исходим именно из такой тесной связи текстологии произведения с языком автора и его эпохи. Основные принципы нашей концепции таковы:

(1) неукоснительное сохранение аутентичного режима правописания, то есть той системы правописания, в которой текст был создан;

(2) отказ от «селекции текста», то есть произвольной контаминации разных источников и вариантов текста в соответствии со вкусовыми и идеологическими предпочтениями исследователя;

(3) необходимость подробного и тщательного текстологического комментирования и обоснования выбора основных вариантов при установлении аутентичного текста (особенно в спорных случаях);

(4) необходимость точной подачи источников текста (как рукописных, так и печатных), причем не только в дипломатических, но и в критических изданиях;

(5) отказ от принципа единственности («каноничности») эдиционного текста и допустимость текстологически равновероятных вариантов (то есть такой ситуации, которую предлагается именовать «текстологической неопределенностью»).

Обсудим эти принципы.

1.1. Сохранение аутентичного режима правописания

В отечественной текстологии лингвистическая составляющая занимает весьма скромное место. Прежде всего это выражается в нигилистическом отношении к режиму правописания, в котором произведение создано, и в оправдании модернизации орфографии и пунктуации даже в изданиях сугубо научного характера. Иногда допускается модернизация не только правописания, но и тех особенностей языка, которые к нему не сводятся. Обратимся к примеру.

В первой (так называемой рукописной «михайловской») редакции «Бориса Годунова» (1825) в сцене «Ночь. Келья в Чуловомъ монастырѣ» лексема ИГУМЕНЪ представлена в косвенных падежах с гласной *e* (как и в современном языке): «<...> А грозный Царь Игуменомъ смирсѣнымъ»²; «Онъ говорилъ Игумену и братьи: <...>» [ПД № 891: л. 9, 9 об.]. В единственной прижизненной публикации пьесы (1831) соответствующим

¹ Под «основным» мы здесь и далее имеем в виду тот текст, который в издании помещается первым. Мы отнюдь не настаиваем на том, что такой текст во *всех* его фрагментах имеет какое-то явное и безусловное преимущество перед дополнительными (см. раздел 1.5 о ситуациях текстологической неопределенности).

² Первая буква в четвертой словоформе читается неясно: то ли *И* прописное, то ли *и* строчное. Чертой над согласной Пушкин обозначал удвоение буквы.

щие строки были переделаны: «<...> А грозный Царь Игумномъ богомольнымъ»; «Онъ говорилъ Игумну и всей братьѣ: <...>» [Пушкин 1831: 19; Винокур 1935: 428–429]. В одной из заметок Болдинской осени 1830 года Пушкин – незадолго до выхода «Бориса Годунова» – отметил это среди тех «5 грамматических ошибок», которые он исправил в своих текстах под влиянием критических замечаний [Пушкин 1937–1949, т. 11: 148]; то есть тем самым он счел неправильными «полновокальные» косвенно-падежные формы этого слова. Пушкин заблуждался: такой ригоризм не отвечал языковой реальности того времени, поскольку для слова ИГУМЕНЪ в косвенных падежах имела место вариантность форм, о чем свидетельствует, например, словарная статья в первом издании «Словаря Академии Российской»: «ИГУМЕНЪ, мна, мена. с. м. Греч. Настоятель, начальникъ въ монастырѣ мужескомъ, саномъ ниже Архимандрита» [САР III: стб. 202]. Допустимы были оба варианта, и поэтому приведенные исходные версии двух строк можно было и не менять. В Большом академическом издании исправления Пушкина, пусть и сделанные на основе заблуждения автора, были проигнорированы, и указанные строки даны в основном тексте не по прижизненному изданию, а по рукописной «михайловской» редакции. В связи с этим возникла полемика между В.И. Чернышевым и Г.О. Винокуром: первый справедливо отмечал языковую правильность вариантов этих строк в прижизненном издании, второй настаивал на том, что Пушкин якобы «испортил» строки ненужными поправками [Чернышев 1941: 453–456; Винокур 1935: 431–432; 1941: 489; Пушкин 2008: 239–240]. Думается, печатные варианты – без гласной *e* – не лучше и не хуже рукописных; но дело вовсе не в эстетическом качестве этих строк. Печатные варианты отвечают литературному языковому узусу того времени, в них нет языковой ошибки; при этом автор подтвердил свой выбор в критической заметке (пусть и не опубликованной при его жизни). В данном случае игнорирование авторского выбора представляется едва ли не текстологическим самоуправством, в котором, вероятно, немалую роль играло желание приблизить звучание строк к современному, то есть модернизировать текст.

Если модернизация подчас охватывает факты, связанные со звуковой ипостасью языка (как в приведенном примере: ведь формы *Игумену* и *Игумну* различаются фонетически), то что же говорить о модернизации правописания? В отечественной текстологии графическая, письменная ипостась языка нередко считается чисто внешней его оболочкой; со времени статьи акад. Н.С. Державина долго превалировала тенденция резко «разводить» язык писателя и орфографию, в которую «писатель втискивает поневоле свой язык» [Державин 1920: 15]. Со второй половины 30-х до начала 80-х годов минувшего века господствовало нигилистическое отношение к воспроизведению классических текстов в исходном режиме правописания и считалась самоочевидной целесообразность модернизации письменной формы старых источников и нахождения для старых орфограмм и пунктограмм эквивалентов, удовлетворяющих современным нормам. При этом полагалось вполне правомерным выборочное сохранение орфографических и пунктуационных особенностей текста, что в ряде случаев приводит к своего рода стилистической «какофонии». Между тем особенности правописания могут быть в тех или иных ситуациях «мобилизованы» авторской волей.

Более сорока лет назад В.П. Григорьев в проблемной статье «Язык, орфография и писатель» на ярких примерах из Блока, Хлебникова, Маяковского, Сельвинского, Багрицкого, Кирсанова, Вознесенского и других убедительно продемонстрировал значимость правописания в поэтическом тексте [Григорьев 1966]. Он показал, что поэты могут весьма активно использовать выразительные возможности графики, орфографии и пунктуации (ср. также [Григорьев 1979: 264–265, 291–294; Векшин 2006: 40–50]). В последующем движении русской поэзии эта тенденция получила дальнейшее развитие: поэты все чаще экспериментируют с графическим материалом, вносят в текст индивидуальные написания, отходят от обычных условностей поэтического письма, в результате чего стихотворная речь нередко оказывается ориентированной не только на слуховое, но и на зрительное восприятие.

В последние десятилетия ситуация в текстологии начала постепенно меняться. В 1981 г. появилась программная статья Ю.М. Лотмана, Н.И. Толстого и Б.А. Успенского, в которой была продемонстрирована значимость некоторых особенностей правописания для литературных текстов XVIII века и была поставлена проблема более широкого учета этих особенностей при публикации литературных памятников того времени и более сдержанной модернизации правописания, чем практиковалось ранее [Лотман и др. 1981]. Сформулированные в этой статье принципы были реализованы в 1984 г. при публикации Лотманом и Успенским «Писем русского путешественника» Карамзина в академической серии «Литературные памятники». При этом орфография подлинника все же подверглась существенной модернизации: были заменены упраздненные буквы, устранен конечный *ep*, окончание род. пад. ед. числа прилагательных *-ого/-яго* везде заменено на *-ого/-его* и др. М.Л. Гаспаров, принявший в качестве члена редколлегии указанной серии участие в обсуждении этих принципов, писал, что «они — программный минимум теоретической текстологии, и если все или почти все существующие издания русских классиков держатся “ниже минимума”, то тем хуже для них <то есть изданий. — И. П., И. П.>» [М. Гаспаров 1979б: л. 1 об.].

Свою текстологическую позицию Ю.М. Лотман резюмировал в письме к Б.Ф. Егорову от 15 октября 1979 г.: «В XVIII в. графика, орфография, пунктуация — не формальные, отделенные от текста аспекты, а органическая часть смыслового и стилистического целого» [Лотман 1997: 283–284] (ср. также [Лихачев 1983: 128–129]). В дальнейшем этот тезис был распространен и на позднейшую эпоху: в 1987 г. Лотман в статье «К проблеме нового академического издания Пушкина» ратовал также за сохранение Пушкинского правописания, за вычетом «чисто технических» преобразований типа вышеупомянутых [Лотман 1987].

В 1980-х годах И.О. Шайтанов в издании произведений Батюшкова [Батюшков 1987] и в книге [Шайтанов 1989] говорил о необходимости восстановить какие-то элементы орфографии, в которой создавались старинные тексты. В частности, он совершенно справедливо настаивал на сохранении прописных букв в таких случаях, как, скажем, название стихотворения «Мой Гений»: «<...> для Батюшкова Гений — персонаж мифологический, тот дух, который, по представлениям древних, сопровождает человека в течение всей его жизни, охраняет его» [Шайтанов 1987: 7]. Это касается вообще написаний в текстах XVIII–XIX вв. мифологических имен (*Гений*, *Музы*, *Хариты* и т. п.) с прописной буквы [Батюшков 1987: 302]. И.О. Шайтанов и другие исследователи Батюшкова приводили примеры вопиющего нарушения смысла в случае выправления исходных написаний прямопадежных³ прилагательных муж. рода ед. числа, когда окончание *-ой* в них заменялось современным *-ый* [Шайтанов 1987: 7]⁴. Так, в строках Батюшкова: «Величественъ сей понть! Лазурной царь пустыни, / О солнце! Чудно ты среди небесныхъ чудь» [Батюшков 1887: 296] — прилагательное *лазурной* в большинстве изданий советского времени печаталось с нелепым окончанием *-ый*, так что лазурным оказывалось солнце, а не пустыня неба. «Эта текстологическая ошибка возникла в связи с переводом на новую орфографию прилагательных со старинной формой окончания именительного падежа» [Семенко 1977: 576]. Другой пример: в катрене из «Моего Гения» — «Моей па-

³ Прямопадежной мы называем либо форму им. падежа, либо такую форму вин. падежа, которая внешне совпадает с формой им. падежа той же лексемы.

⁴ Впрочем, в издании Батюшкова, подготовленном И.О. Шайтановым, исправлены не все случаи такого рода. Например, в переводе из Тассова «Освобожденного Иерусалима» об одном из военачальников христианского войска говорится, что этот «вождь мудрости избранной <то есть исключительной мудрости, исключительного ума> / Четыреста мужей ведеть на подвигъ бранной» [Батюшков 1808: 71]; однако все критические издания, начиная с юбилейного, вышедшего в 1887 г. под редакцией Л.Н. Майкова, печатают «вождь мудрости избранный» (с рифмой «на подвиг бранный»). Это дефектное чтение не только не соотносится с итальянским оригиналом, но и не имеет смысла: словосочетание «вождь мудрости» не поддается никакой интерпретации [Пильщиков 1997: 28, 51 примеч. 68; 2003: 43 примеч. 198].

штушки несравненной / Я помню весь наряд простой, / И образ милой, незабвенной, / Повсюду странствовать со мной» [Батюшков 1817: 46] – третья строка передается в некоторых изданиях «И образ милый, незабвенный» – а в этой строке в дореформенной орфографии мы имеем неоднозначность (эпитеты либо относятся как прилагательные к слову *образъ*, либо представляют собой субстантивированные прилагательные жен. рода ед. числа род. пад.) – эта неоднозначность жестко снимается при переходе от *-ой* к *-ый*. Шайтанов пишет: «<...> старые поэты писали по старой орфографии, и, выправляя их стихи, мы порой уничтожаем рифмы, искажаем смысл или, по крайней мере, не замечаем чего-то важного» [Шайтанов 1987: 7; 1989: 161]. Однако, высказав эти замечания, И.О. Шайтанов, как и многие другие, не сделал решительного шага и не счел нужным перейти к воспроизведению старого правописания во всей полноте.

В 1990-е годы инициатива упомянутых исследователей была поддержана некоторыми другими – например, В.Е. Холшевниковым [Холшевников 1996], В. Лефельдом [Лефельдт 1998], Б.М. Гаспаровым [Б. Гаспаров 2001]. На страницах журнала «Новое литературное обозрение» на рубеже двух веков развернулась оживленная дискуссия по вопросам авторского правописания в связи со статьями В. Лефельдта и Б.М. Гаспарова (первому возражал В.Э. Вацуро, а второму – М.В. Строганов и С.А. Фомичев [Вацуро 1999; Строганов 2002; Фомичев 2002]).

В 1990–2000-х годах М.И. Шапир поставил вопрос более кардинально: в серии работ, преимущественно на примерах текстов Пушкина, он ярко и убедительно продемонстрировал, что всякая модернизация орфографии (в том числе чисто графическая, внешне «техническая») неизбежно влечет искажения в семантике, прагматике и поэтике художественного текста, лишает его исторической достоверности [Шапир 1994; 1999; 2001; 2002а; 2002б; Пильщиков 2004]⁵. Свою текстологическую концепцию Шапир реализовал совместно с одним из авторов настоящей статьи в издании баллады «Тень Баркова» [Пушкин 2002]⁶.

Тем самым в 1980–2000-е годы наместился определенный сдвиг в сторону признания изданий классических текстов в аутентичном правописании. Появились фототипические издания классических произведений: в частности, вышли «Евгений Онегин» 1837 года (дважды), «Руслан и Людмила» 1820 года, «Повести Белкина» 1831 года (последние – с сопроводительными комментариями и статьями). В 1987 г. были фототипически переизданы все четыре тома Пушкинского «Современника», сопровождавшиеся пятым томом со вступительной статьей и комментариями (которые, впрочем, не касались ни текстологических, ни лингвистических сторон издания). Помимо фототипических изданий, начали появляться научно-критические издания классических авторов, сохраняющие дореформенную орфографию и пунктуацию. В Петрозаводском государственном университете под руководством профессора В.Н. Захарова выходит собрание сочинений Достоевского, строго сохраняющее правописание источников и снабжающее основной текст произведений подробными вариантами [Достоевский 1995–2010]. В Петрозаводске вообще ведется активная работа по электронному изданию текстов в оригинальном правописании, отражаемая на сайте кафедры русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета (www.philolog.ru). Аутентичное правописание сохраняется во всех публикациях Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» (feb-web.ru) и в ряде других сетевых библиотек. В 2002 г. вышли две книги (том 1-й и часть 1-я тома 2-го) собрания сочинений Баратынского под общей редакцией А.М. Пескова – в них воспроизведено правописание источников, а тексты снабжены подробными текстологическими и лингвистическими комментариями [Баратынский 2002]. В подготовке первого тома самое деятельное

⁵ Основные работы этой серии собраны в разделе «Текстология» посмертного издания [Шапир 2009].

⁶ Даже противники авторства Пушкина, которое нам представляется несомненным, вряд ли станут отрицать определенную значимость этого текста в культуре того времени, сколь бы он ни был скабрёзен.

участие принял И.А. Пильщиков, и это издание наиболее близко к текстологической концепции настоящей статьи⁷. Наконец, в 2007 и 2008 гг. в рамках российско-американского проекта были выпущены две книги с фототипическими воспроизведениями прижизненных изданий Пушкина: это «Поэмы и повести Александра Пушкина. Часть первая» 1835 года (готовится издание Части второй) и прижизненный «Борис Годунов» 1831 года [Пушкин 2007; 2008]; оба тома снабжены обширными историко-литературными очерками и детальными построчными комментариями. Правда, текстология и лингвистика в обеих книгах этого проекта представлены лишь выборочно (и в общем довольно скудно) — это обстоятельство осознается самими редакторами издания и специально отмечено в предисловии «От комментаторов» к первому выпуску [Пушкин 2007: 9]⁸.

Функциональная нагруженность старого правописания, ввиду особой важности его сохранения в научных изданиях, будет более подробно освещена в нашей статье далее — в разделе II.

1.2. Отказ от «селекции текста»

В аутентичном тексте не должна допускаться произвольная (то есть осуществляемая в соответствии с эстетическим вкусом или идеологическими пристрастиями текстолога) контаминация фрагментов, взятых из разных источников (ср. [Прохоров 1966: 58; Крайнева, Филатова 2008: 362]). Такой метод подбора основного текста и его вариантов получил в свое время наименование «селекция текста» [Винокур 1927: 85–109]. О непозволительности подобной селекции так писал в свое время Д.С. Лихачев:

Совершенно недопустимо в любом издании смешивать различные тексты, различные слои текста, различные редакции. Сводные тексты, в которых текст якобы восстанавливается в его первоначальном или авторском облике, должны быть решительно отвергнуты. Поэтому особенное значение при наличии нескольких текстов произведения приобретает выбор основного списка для издания [Лихачев 1964: 85].

Исключением из этого правила являются ситуации, когда ни один из списков не восходит напрямую к автографу и не может претендовать на аутентичность — именно так, например, обстоит дело с той же «Тенью Баркова». В подобных случаях текстологу по необходимости приходится идти на контаминацию [Пушкин 2002: 25–30].

Как станет ясно из последующей характеристики ситуаций текстологической неопределенности (см. раздел 1.5), не во всех случаях выбор основного и вариантных текстов произведения может быть обоснован с высокой степенью точности. Здесь допустима аналогия с хронологической привязкой того или иного историко-литературного или бытового факта: даже для «точечного» события, ограниченного, допустим, пределами одного-двух дней, нередко приходится указывать достаточно обширный временной интервал или набор допустимых дат. Аналогичным образом приходится признавать, что в том или ином текстологическом казусе у нас нет возможности с полной определенностью указать основной текст и его варианты; в таком случае допустима неоднозначность в подаче того и других. Важно допускать научную правомерность существования в культурном сознании того, что можно было бы назвать «**текстовым ореолом**» литературного произведения. В текстовом ореоле могут закрепляться не только тексты, появившиеся в печати при жизни автора или относящиеся к беловым рукописям с малым

⁷ К настоящему времени в печать сдана 1-я часть 3-го тома этого собрания. Текстологические принципы издания обоснованы в кандидатской диссертации одного из редакторов тома [Бодрова 2010].

⁸ Отметим также огорчительный разнобой в орфографическом режиме указанного проекта: в первой книге рукописные и печатные варианты текстов поэм, разрозненно приводимые в комментариях, даны в исходном правописании; во второй же — правописание полностью приводимой рукописной «михайловской» редакции «Бориса Годунова» модернизировано, что противоречит самому духу проекта.

числом поправок, но и текстологически вторичные фрагменты, то есть черновые тексты или тексты, отвергнутые автором и не пропущенные им в печать. При этом текстологически вторичные фрагменты могут быть весьма важны как по эстетическим достоинствам, так и по их значимости для истории культуры⁹.

Таким образом, понятие «текстового ореола» сближается с понятием «авантекста» во французской генетической критике [Дмитриева 1999а; 1999б]. Термин «l'avant-texte» (буквально «пред-текст») обозначает «совокупность материалов, предшествующих законченному произведению (разные редакции, черновые рукописи, наброски, планы и т. п., составляющие его “генетическое досье”» [Неклюдов 2001: 3]. Однако в предлагаемом нами терминологическом словосочетании не содержится идея предшествования (равно как и вообще идея расположения текстов во времени): в текстовый ореол - в нашем понимании - могут входить и разного рода попытки автора продолжить или завершить уже опубликованное произведение или, скажем, его отдельные письменные (например, в эпистолярной) или устные (в передаче современников) указания об изменении тех или иных фрагментов уже опубликованного текста. Тем самым наше понятие текстового ореола включает и «пред-текст» («l'avant-texte»), и «после-текст». Мы не настаиваем на удачности термина «текстовый ореол», однако соответствующее понятие должно быть введено в текстологический обиход - для него можно было бы предложить и какой-нибудь другой термин (например «циркумтекст»).

Тем самым становится ясна уязвимость столь распространенного некогда в отечественной текстологии понятия «канонический текст» (см. [Гофман 1922а: 47, 48, 155 и др.; 1922б: 345–346 и др.; Берков 1963а: 89; Рейсер 1970: 123–124; Прохоров 1982: 27–36; Гришунин 1998: 26, 296, 308])¹⁰. Мы полагаем, что в сложных случаях основной текст произведения может быть выбран неоднозначным образом и что в разных научных изданиях произведения могут быть разные основные тексты. Существенно при этом наличие строгих указаний, описывающих соответствующую текстологическую ситуацию. Мы не можем согласиться с общепринятым положением о том, что «текстология новой литературы твердо признает лишь один основной текст» [Рейсер 1970: 91], и уже тем более считать «непреложность принципа идентичности текста произведения для разного типа изданий» «главным положением текстологической науки» [Крайнева, Филатова 2008: 357]. Издания, предназначенные для массового читателя или для школы, опираясь на научные, вполне могут и не следовать жестко за ними (например, восстанавливать исключенные автором места; желательно при этом все же сообщать читателю о том, что в подлинном тексте в соответствующем месте имеется пропуск).

1.3. Подробное текстологическое комментирование и обоснование выбора основных вариантов при установлении аутентичного текста

В научном издании, ориентированном на специалиста-филолога, аутентичный, исторически достоверный текст должен быть снабжен комментаторским текстологическим сопровождением – и вообще должен рассматриваться в паре с последним [Пильщиков 2006а; 2006б: 269–274; 2008]. Дефиниция понятия «аутентичный текст» должна включать следующие компоненты:

(1) Текст должен сохранять графику и режим правописания исходного источника (или источников).

⁹ Если обратиться к текстологии Пушкина, примеров такого рода множество: таковы, например, многие не попавшие в печать строфы «Евгения Онегина», или оставшиеся в рукописи строфы окончания стихотворения «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»), или целый рой «стиховедческих» октав из Белового автографа с поправками «Домика в Коломне», оставленных автором вне печати, и многое другое.

¹⁰ Небезупречным представляется также терминологическое отождествление «канонического» текста с «аутентичным» и/или «авторским» [ОТ 1962: 281–287; Прохоров 1966: 54–57; Захаров 2009: 18]. Прилагательное *канонический* наследует от существительного *канон* значение непреложности и твердой установленности чего-либо; между тем в случае аутентичного и авторского текста дело нередко обстоит вовсе не так.

(2) В нем должны быть устранены опечатки и иные погрешности печатного источника, возникшие вследствие недосмотра автора и других лиц, причастных к прижизненному изданию источника; при этом в комментаторском текстологическом сопровождении должны неукоснительно отмечаться все изъяны текста источника, включая чисто технические¹¹.

(3) В комментаторском текстологическом сопровождении варианты разных источников в текстологически проблемных местах должны быть тщательно инвентаризованы и по возможности ранжированы по их вероятности¹².

(4) Должен быть обоснован выбор вариантов для основного текста, за исключением случаев равновероятных вариантов, когда текстологу приходится осуществлять выбор, опираясь не на строго научные соображения, а на эстетическую значимость, традицию или что-то другое – это как раз те ситуации, которые подводятся нами под рубрику «текстологической неопределенности» (см. раздел 1.5).

(5) В аутентичном тексте должны быть сохранены авторские купюры и замены (например, замены собственных имен астронимами или сокращениями типа «Второй ***, мой Евгений», «Что тамъ ужъ ждетъ его ***», «Какъ Д. пьяный на пиру») – с соответствующими разъяснениями в комментарии (ср. [Прохоров 1966: 61–62; Шапир 2002б: 6–9]). Если в отношении цензурных купюр и замен необходимо тщательное взвешивание всех приводящих обстоятельств (ведь иногда под давлением цензуры автор создает эстетически более совершенный текст), то купюры и замены, вызванные причинами сугубо личного или эстетического характера, текстолог должен в основном тексте сохранять неукоснительно, давая в комментариях соответствующие разъяснения и раскрывая там же сокращения или астронимы¹³.

Если принять такое понимание аутентичного текста, то придется признать, что для значительной части произведений русской классики аутентичных, научно фундированных текстов просто нет.

1.4. Точная подача источников текста

Этот принцип представляется тривиальным, однако реально он выполняется в текстологии отнюдь не всегда. Подчеркнем, что в рамках настоящей статьи мы не имеем в виду документально точное воспроизведение источника, хотя и такая его подача представляется очень важной и нужной для текстолога, в частности – подача текста в виде фотоконии. Фототипическое издание произведения ценно прежде всего как воспроизведение источника, во многом избавляющее исследователя от необходимости обращаться в библиотеки и архивы для ознакомления с оригиналом. Однако, парадоксальным образом, дипломатически точное воспроизведение текста может исказить авторскую позицию и авторский замысел, а потому обладает лишь ограниченной текстологической ценностью.

¹¹ Фиксация чисто технических изъянов (типа опечаток или описок) нужна хотя бы потому, что таким образом сохраняются сведения об источнике на случай его утраты или порчи, от чего мы никогда не можем быть застрахованы.

¹² Еще Б.В. Томашевский писал, что в текстологии (как и в гуманитарных науках в целом) «мы редко имеем дело с суждениями достоверными, а по большей части только с более или менее вероятными», поэтому филологу следует «руководствоваться принципом разыскания наиболее вероятного, а не абсолютно достоверного» [Томашевский 1928: 152; ср. 1925: 68–69].

¹³ Ср. несколько иную точку зрения: «<...> на страницах научных пушкинских изданий сохранение звездочек взамен имен собственных возможно в двух случаях: во-первых, при наличии каких-то сомнений относительно их раскрытия, а во-вторых, когда приходится учитывать принципиальную установку автора на полисемантизм его умолчаний» [Березкина 2004: 151]. Однако помимо установки на многозначность имеются и другие эстетические установки; в любом случае, замененное астерисками, но однозначно подразумеваемое имя как элемент поэтического дискурса и эстетический факт не равно тому же имени, прямо названному в тексте.

Действительно, даже в самом авторитетном исходном печатном источнике могут быть разного рода изъяны: опечатки и иные погрешности, возникшие вследствие недосмотра автора и других лиц, имевших отношение к изданию (писаря, редактора, наборщика или корректора, которые могут случайно «подставить» ошибочное слово вместо правильного; доверенного лица, которому автор поручил следить за исправностью текста; и т. д.). Исправляя такого рода погрешности, мы отнюдь не нарушаем творческую волю автора - наоборот, мы действуем как бы в согласии с ней. В известном смысле текст с исправленными техническими погрешностями становится в большей мере исторически достоверным, чем исходный [Гришунин 1998: 308]. Наконец, в источнике могут быть фрагменты, очевидным образом «навязанные» автору внешними обстоятельствами, из которых основным фактором следует признать цензурное давление. Не будем сейчас останавливаться на сложном вопросе о том, все ли цензурно обусловленные варианты должны непременно заменяться на неподцензурные: иногда замена, выглядящая как цензурно обусловленная, приводит к эстетически более качественному варианту, который тем самым становится для автора более значимым; в подобных случаях необходим тщательный анализ всех привходящих обстоятельств и факторов.

1.5. Отказ от принципа «каноничности» эдиционного текста. Ситуация текстологической неопределенности

Здесь хотелось бы рассмотреть уже упоминавшийся феномен, которому в текстологии не уделяется достаточного внимания: это **текстологическая неопределенность**, то есть невозможность с абсолютной точностью, основываясь на строгих научных доводах, обосновать выбор основного текста или его неокончательных вариантов. В первом случае мы имеем дело с эдиционной текстологической неопределенностью, во втором с вариантной.

В текстологии есть понятие «**дефинитивный текст**» - текст, признаваемый на момент издания наиболее точным и окончательным [Измайлов 1979: 10]. Сама эта формулировка предполагает, что для любого произведения можно точно обосновать некоторый единственный текст, который должен представлять перед читателем в научном издании и служить безусловным образцом для изданий, рассчитанных на массового читателя. Распространено мнение, что научное исследование всех печатных и рукописных источников произведения должно иметь целью строгое обоснование дефинитивного текста и что оно во всех случаях может приводить к установлению такого текста.

Действительно, нередко свод источников произведения позволяет установить такой подлинно дефинитивный текст. Это бывает и в тех случаях, когда таких источников много, и в тех, когда их мало. Надо сказать, что при скудости источников проблема дефинитивного текста может решаться гораздо проще, чем при их изобилии. Например, такое бывает в случае единственной авторитетной прижизненной публикации произведения при отсутствии в ней каких-либо ошибок и отсутствии рукописных источников. Следует заметить, что и в этом случае принять такую публикацию в качестве основы дефинитивного текста нельзя без учета всех других имеющихся факторов, например, эпистолярных свидетельств, дневников, факторов цензурного давления и других. Таким образом, при всей ценности понятия «дефинитивный текст» следует все же признать, что в ряде случаев его установление может быть в той или иной мере условным.

Когда для установления основного текста мы не можем опираться на достаточно надежные научные соображения, приходится привлекать соображения другого рода - или эстетические, или основанные на традиции, или какие-либо другие. Такое возникает, скажем, в том случае, когда произведение не было опубликовано при жизни автора, а рукописные источники не позволяют с полной определенностью установить последние варианты тех или иных мест, выявить относительно последних окончательное творческое решение автора. Ситуацию такого рода неопределенности, не позволяющую с высокой точностью обосновать для представления в издании один какой-либо вариант

из имеющихся в источниках, можно назвать **эдиционной текстологической неопределенностью**.

Такова, по нашему мнению, текстологическая ситуация с Пушкинским «Медным Всадником», точнее – с фрагментом из первой части, связанным с ночным внутренним монологом Евгения, оформленным как его прямая речь [Измайлов 1978: 240–241]. Как известно, при жизни автора поэма не была опубликована. В черновых рукописях поэмы [ПД № 845, 839] имеются наброски этого монолога. В двух беловых автографах – Болдинском [ПД № 964] и Цензурном [ПД № 966] – мы встречаем близкие его редакции. В Писарской копии [ПД № 967], заказанной Пушкиным летом 1836 года, когда он попытался учесть замечания «высочайшего цензора» и все-таки напечатать поэму, указанный монолог уверенно перечеркнут автором без замены, а рядом рукою поэта сделаны отдельные коррективы, позволяющие исключить монолог из текста поэмы [Пушкин 1978: 76–78]. Опираясь на последнюю по времени авторизованную копию, казалось бы, можно уверенно печатать поэму без внутреннего монолога Евгения. Однако дело осложняется тем, что в рукописном наследии Пушкина мы располагаем листом [ПД № 968], на котором этот монолог имеется – с очень небольшими исправлениями и без последних трех строк, которые предположительно могут быть восстановлены по Писарской копии [Бонди 1950].

Работа Пушкиным завершена не была; по-видимому, в 1836 году, поняв, что ему пока не удастся приспособить текст к требованиям Николая I, поэт решил отложить поэму в долгий ящик в ожидании лучших времен (возможно, он вспомнил свой успешный издательский опыт, связанный с «Борисом Годуновым», сначала задержанным царем, а потом – спустя три с половиной года – разрешенным к печати «под личную ответственность» автора). По нашему мнению, вопрос о включении / невключении монолога Евгения из отдельного листка в эдиционный основной текст поэмы не может быть строго научно обоснован (по крайней мере, пока не будет установлена более точная датировка заполнения листка) и являет собой случай эдиционной текстологической неопределенности. Мы склоняемся к помещению этого монолога в основном тексте (как это делается в большинстве изданий начиная с середины прошлого века) и к отражению в комментарии данного текстологического казуса; но мы не стали бы критиковать научное издание, в котором это место было бы напечатано строго по Писарской копии без монолога и при этом в комментарии обсуждаемая ситуация текстологической неопределенности была бы освещена в полном объеме.

Бывает текстологическая неопределенность другого рода – неопределенность установления промежуточных вариантов того или иного фрагмента текста. Допустим такую ситуацию (вполне обычную): во фрагменте рукописи имеется более одного зачеркивания, при этом исходный и окончательный варианты видны совершенно отчетливо; исходный записан на основной полосе строки, окончательный же вариант прочитывается как верхний, незачеркнутый слой. Однако последовательность зачеркиваний с полной определенностью установлена быть не может, это не выявляется ни цветом, оставленным пишущим средством, ни особенностями почерка. Рассмотрим схематически самый простой случай:

С   D
A.....B

В стихотворной строке зачеркнуты слова А и В, причем А заменено на С, В заменено на D, причем С и D надписаны над соответствующими словами. Таким образом, исходный вариант А + В и окончательный вариант С + D устанавливаются точно. Однако если гипотетические промежуточные варианты А + D и С + В не нарушают ни ритма, ни смысла, мы не можем сказать ничего определенного относительно их релевантности для анализируемой черновой рукописи. Если автор зачеркнул оба исходных слова А и В одно за другим и сразу непосредственно над ними надписал новые варианты С и D, тогда ни один из двух гипотетических вариантов не релевантен, ни один из них автор не рассматривал в качестве возможного. Но могло быть и по-другому: скажем,

нюю вероятности фиксировать исходный вариант строки – «Или коней за ихъ плохую статью» – и ее результирующий вид, получающийся как верхний слой рукописи, то есть то, что остается в ней незачеркнутым – «Иль лошадей за шерсть ихъ или статью». Однако выявить с полной определенностью последовательность зачеркиваний и замен в этой строке нам не представляется возможным, и поэтому промежуточные варианты строки точно не устанавливаются.

Предлагаемая нами текстологическая запись этой третьей строки такова:

{ [Или коней] | [Какъ] лошадей, | [Да] лошадей, | Иль лошадей, } за { [ихъ] [плохую] | шерсть ихъ или } статью.

Здесь варианты фрагмента разделяются вертикальными чертами, а фигурные скобки ограничивают то, что относится к фрагменту; квадратные скобки, как это и принято в современной отечественной текстологии, отмечают зачеркивания.

Аналогичным образом можно представить текстологическую запись следующих двух строк – четвертой и пятой¹⁵:

А { [набирать] | [принимать] | [вербовать] . подбирать } ; { [причастья] | [союз<ы>] | [частицы] союзы } да парѣчья.

Изъ { [мѣлкой] | [всякой] } сволочи ; сбираю | вербую ; рать

Хотя с установлением окончательного варианта по рукописям обычно сложностей не бывает – как правило, это верхний незачеркнутый слой, – исходный вариант иногда устанавливается все-таки предположительно, ибо автор мог, не дописав еще строки, зачеркнуть и заменить ее начальный фрагмент.

Особенно явно текстологическая неопределенность обнаруживается при сопоставлении коррекций, относящихся к разным строкам – а тем более к разным строфам. У нас нет уверенности, что поэт сначала записал третью строфу «Домика в Коломне» без поправок – и только потом стал ее править. А в разделах «Другие редакции и варианты» многих научных изданий такие варианты приводятся без каких-либо указаний по поводу их гипотетичности – так, как если бы относительно них все было абсолютно ясно.

Следует оговориться: предлагаемые приемы текстологической нотации (их сводный список см. в приложении к настоящей статье) не призваны решить старую антиномию «транскрипция vs. послойное воспроизведение вариантов» [Томашевский 1925: 45–50; 1928: 145–149; Бонди 1937; Рейсер 1970: 154–159]. Представление о взаимоисключающем характере этих подходов неверно. Не нужно видеть в транскрипции лишь технический прием, «строительные леса», которые текстолог отбрасывает после использования, переходя к послойному чтению (расслоению вариантов). Идеальное научное издание должно включать в себя серию представлений одного и того же рукописного источника: факсимиле, транскрипция, послойная реконструкция (с учетом ситуаций текстологической неопределенности), критический текст. Ясно, что степень гипотетичности текста возрастает при переходе к каждому следующему уровню представления, и это неизбежно; важно, однако, чтобы в научном издании каждый шаг этого перехода был документирован.

¹⁵ Штриховое подчеркивание означает авторское возвращение к тому варианту, который в рукописи был первоначально зачеркнут (обычно такое возвращение и отмечается в рукописи штриховым или сплошным подчеркиванием); в угловые скобки заключаются конъектуры (то есть то, что восстанавливается по рукописи предположительно). Подробнее см. приложение о текстологической нотации в конце статьи.

II. РЕЖИМ ПРАВОПИСАНИЯ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ¹⁶

Остановимся более подробно на уже высказанном тезисе о функциональной нагруженности старого правописания и важности сохранения аутентичного орфографического и пунктуационного режима при подаче литературного текста. Отметим три наиболее принципиальных момента.

Первое: современная орфография, будучи в основном упрощением дореформенной, уменьшает объем передаваемой лексико-грамматической информации¹⁷.

Второе: в значительном числе случаев при модернизации правописания семантически и грамматически неоднозначные фрагменты текста становятся однозначными, а однозначные, напротив, неоднозначными (добавляется альтернатива, не предусмотренная исходным текстом). Пример для случая первого рода, то есть насильственного снятия неоднозначности: строка Пушкина «Надежды робкія черты» неоднозначна и может быть осмыслена либо как 'робкие черты надежды', либо как 'черты робкой надежды'; прояснение же этой строки в нынешнем правописании в виде «Надежды робкие черты» внутреннюю неоднозначность этой строки насильственным образом снимает¹⁸. В качестве примера для случая второго рода, то есть насильственного привнесения неоднозначности, можно взять омофоны старой орфографии *миръ* (с *и* широким) 'покой' и *миръ* (с *і* десятеричным) 'вселенная', которые в современной орфографии становятся омонимами.

Третье: модернизирующая унификация никогда не бывает последовательной, так как от нее приходится отказываться хотя бы тогда, когда текст явно задействует исходную форму во всем своеобразии ее фонетического и морфологического состава (например, в рифме: «На крикъ испуганный ея / Ребятъ дворовая семья / Сбѣжалась шумно» – ЕО, 7, XVI¹⁹; здесь мы никак не можем написать *ея* в современном орфографическом виде). Но при этом унификатор уничтожает внутренние рифмы и спорадические внутристиховые созвучия, вторгаясь в фактуру поэтического текста. Попытка учитывать неклаузульные рифмы и другие графико-звуковые феномены, релевантность которых обнаружена и осознана унификатором, ничего не даст. Унификация и здесь остается вынужденно неполной: незначимое (нейтральная форма, которая в исходном тексте даже в выделенной – например, рифменной – позиции не отличается от аналогичных форм в других позициях) начинает функционировать как значимое (форма, сохраняемая в маркированной позиции, начинает восприниматься как архаичная «поэтическая вольность» на фоне модернизированных форм в других позициях).

Непреодолимым препятствием для модернизатора являются тексты или фрагменты текста, в которых автор намеренно нарушает общепринятое правописание. В одних случаях элементы дореформенной орфографии вынужденно остаются нетронутыми, как в знаменитом примере из Тургеневского «Дневника лишнего человека»:

Сѣю рукопись. Читальъ
И Содѣржаніе Онной Нѣ Одобрилъ
Пѣтръ Зудотѣшинъ
[Тургенев 1980: 215]

Однако в контексте советского академического издания, где остальные «яти» благополучно заменены на «е», эта нарочито безграмотная запись наряду с задуманным

¹⁶Материал этого раздела отчасти пересекается со статьей [Перцов 2008], в которой предпринято планомерное рассмотрение проблемы функциональной нагруженности различных элементов дореформенной орфографии и пунктуации (см. также [Перцов 2007; Перцов, Пильщиков (в печати)]).

¹⁷См. очерки истории русской орфографии XVIII–XX вв. [Осинов 1992; Григорьева 2004].

¹⁸Подробнее см. ниже, в разделе 2.5.

¹⁹Здесь и далее «Евгений Онегин» (сокращенно – ЕО) цитируется по изданию 1837 г. [Пушкин 1837] со ссылкой на номер главы и строфы.

автором комическим эффектом создает ощущение эстетического разнобоя. В других случаях своеобразие текста нивелируется, а его графические особенности в лучшем случае оговариваются в комментариях. Такова первопечатная редакция «Исторической Эпиграммы» Баратынского («Хвала, мастытый нашъ Зоиль!..») [Баратынский 1829]. «В “Моск<овском> Телеграфе” Полевой напечатал эпиграмму с заменой всех “и” на “і” и “ѣ”, пародируя этим принятую в “Вестн<ике> Европы” орфографию Каченовского, сохранявшего эти буквы в словах, заимствованных из греческого языка» [Баратынский 1936, т. 2: 261]; в сборнике 1835 года Баратынский вернул эпиграмме нормативную орфографию [Баратынский 1835: 154]²⁰. Издания, придерживающиеся современной орфографии, бессильны адекватно передать значимое различие между графическими обликами двух редакций эпиграммы.

Как писал в 1904 г. Л.В. Щерба,

...нужно прежде всего различать у русских, т. е. у говорящих и пишущих на общерусском литературном языке, два языка: один слышимый и произносимый, а другой написанный, которые находятся один к другому в известных отношениях, но не тождественны - элементы одного не совпадают с элементами другого [Щерба 1957: 11-12].

Представляется, что в данном случае правильнее было бы говорить не о двух языках, а о двух формах языка - устной и письменной. При рассмотрении вопроса о взаимоотношениях между ними оказывается, что в одной форме языка могут быть различия и совпадения, отсутствующие в другой [Бодуэн-де-Куртенэ 1912: 39, 63-64 и др.]. Эти отношения отнюдь не являются случайной или внешней характеристикой языка: они входят в его плоть и кровь и в полной мере реализуют свои смыслообразующие возможности в художественных текстах, где значимым может оказаться любой элемент формы. Далее на некоторых примерах, относящихся в основном к Золотому веку русской поэзии, будет показано, что графический облик поэтического текста может быть прямо связан с его планом содержания.

2.1. Грамматическая омофония существительных среднего рода типа *поле* ~ *полѣ*

У существительных среднего рода типа *поле*, *море* в ед. числе прямопадежные формы были противопоставлены формам предложного падежа: в первом случае окончание *-е*, во втором *-ѣ*. У нас нет уверенности, что гласная в этих словоформах в языке первой половины XIX века звучала единообразно во всех стилях речи (например, в поэтической декламации)²¹. Однако если и принять звуковое тождество подобных форм, тогда здесь мы наблюдаем регулярное графическое грамматическое противопоставление омофонов [Бодуэн-де-Куртенэ 1912: 88-89, 126; Щерба 1957: 12].

Старая орфография может снимать неоднозначность, что иллюстрируется выразительным примером, прозвучавшим в лекции А.А. Илюшина на филологическом факультете МГУ, - строками о рыбаке из стихотворения Пушкина «Земля и море»: «<...> Живет на утлом он челне, / Игралище слепой пучины» [Пушкин 1947, т. 2: 162], в которых современная орфография не дает возможности достоверно отнести слово «Игралище» к челну или к рыбаку [Зарецкий 2000: 50]. В старой орфографии буква *есть* в конце этого слова, судя по авторитетным прижизненным публикациям стихотворения

²⁰ Первопечатная редакция эпиграммы Баратынского воспроизведена факсимиле в недавно переизданной статье [Еськова 1967: 2011], где приводится и эпиграмма Пушкина на М.Т. Каченовского («Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій...»), также обыгрывающая орфографические чудачества последнего; обе эпиграммы появились в соседних номерах «Московского Телеграфа» за 1829 г. В статье Н.А. Еськовой обсуждаются и другие «попытки печатать тексты по особой, не совпадающей с общепринятой, орфографии» и справедливо отмечается, что «многие из этих попыток заслуживают вполне серьезного отношения» [Еськова 1967: 93; 2011: 364]. Библиографию таких текстов см. [Обзор 1965: 471-483].

²¹ О фонемно-звуковом значении *ѣ* в XIX столетии см. [Чернышев 1915: 30-33; Панов 1990: 193-194; Успенский 2002: 172-173].

(«<...> Живеть на утломъ онъ челнѣ, / Игралище слѣпой пучины» [Пушкин 1826: 133; 1829: 130]) и по беловому автографу с поправками (тот же текст) [ПД № 833: л. 2], исключает предложный падеж (иначе в конце словоформы *Игралище* был бы *ять*) и тем самым неопровержимо свидетельствует о том, что автор стихотворения называл «игрالیщем пучины» именно рыбака. Многие современные читатели воспринимают эти строки иначе.

Заметим, что номинатив *игрالیще* небезразличен для интертекстуальной и эдиционной истории Пушкинского стихотворения. Соответствующие строки восходят к стихотворению Батюшкова «Вечер» [Зарецкий 1999: 342], где «игрالیщем» также назван рыбак: «Игралище стихій среди пучины пѣнной<, > / И ты рыбарь спѣшишь на брегъ уединенной» [РНБ: л. 39]. Совпадение форм на *-е* в Батюшковском прототексте, в Пушкинском автографе и в дефинитивном тексте Пушкинского стихотворения позволяет поставить под обоснованное сомнение чтение первой публикации «Земли и моря» в Воейковских «Новостях литературы», где текст напечатан иначе: «Живеть на утломъ онъ челнѣ, / Игралищѣ слѣпой пучины» [Пушкин 1825: 27]. Есть все основания подозревать здесь редакторскую правку самого А.Ф. Воейкова или оплошность наборщика. Между тем в разделе других редакций и вариантов современных изданий подобные «колебания» текста вообще не рассматриваются²².

2.2. Грамматическая омофония существительных среднего рода на *-ье ~ -ьѣ* и альтернативная форма предложного падежа на *-ьи*

Насильственная модернизация не обязательно связана с заменой отмененных графем.

В 1940-е годы Л.В. Щерба предсказывал:

<...> у нас в орфографии очень часто попутно решаются чисто языковые вопросы и в частности даже судьбы русского склонения и спряжения. Так, из двух вариантов окончания пред. пад. ед. ч. имен существительных на безударное *-ье* (не *-ьѣ*) и *-ьи* (*в счастье, в именье* или *в счастья, в именьи* и т. п.) обыкновенно выбирается без дальнейших разговоров вариант *-е*, как более легкий со школьной точки зрения. Между тем в языке между ними происходит борьба, и окончание *-ьи*, по-видимому, побеждает, благодаря своей дифференцирующей роли, помогающей отличать направление действия и место нахождения. *Я верю в счастье* и *В счастья люди часто забывают о других*; *Я еду в именье* и *Я живу в именьи* <...> [Щерба 1983: 26–27].

Это предсказание не сбылось: «школьная точка зрения» победила, распространившись, в том числе, на издание классики. Иногда неучет «дифференцирующей роли» окончания *-ьи* создает ненужные трудности при интерпретации [Григорьев 1966: 104–105].

Так, в стихотворном диалоге Баратынского «Отрывок» («Сцена из поэмы: “Вера и неверие”») современные издания печатают: «В смиренье сердца надо верить / И терпеливо ждать конца». Паразитическая омонимия «верить в смиренье» сбивает с толку многих читателей. Между тем в прижизненных и посмертных изданиях эти строки (кстати, помещенные вдовой на надгробии поэта в Александро-Невской Лавре) прозрачно понятны: «Въ смиреньи сердца надо вѣрить <...>» [Баратынский 1835: 238]. Кстати сказать, до 1950-х годов и послереволюционные издания сохраняли написание *В смиреньи* ([Баратынский 1936, т. 1: 192] и др.)²³.

2.3. Лексическая омофония

Во многих случаях старая орфография различала лексемы или формы, которые в современной орфографии сливаются в одно написание [Лихачев 1993: 10–11]. Таковы

²² В данном случае это особенно досадно, поскольку в издании «Стихотворений Александра Пушкина», выпущенном в серии «Литературные памятники», со ссылкой на публикации 1825 и 1826 гг. приведен несуществующий вариант: «Игралища слепой пучины» [Пушкин 1997: 495].

²³ Добавим, что именно в такой форме цитата из Баратынского дана в нормативном словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (в статье «ВЕРИТЬ») [ТС 1935: стб. 251].

две лексемы – омофоны *миръ* ‘покой’ (с *и* широким) и *міръ* ‘вселенная’ (с *і* десятеричным), у которых начертание непосредственно указывает на лексическую единицу [Винокур 1959: 464; Журавлев 1999: 47], что может быть существенно в тех случаях, когда контекст допускает оба осмысления. Например, современный читатель не понимает, что заглавие поэмы Маяковского «Война и *міръ*» (с *і* десятеричным) не повторяет, а пародирует заглавие романа Толстого «Война и *миръ*» (с *и* широким)²⁴. Заметим, что сам Толстой колебался в выборе одного из двух вариантов заглавия [Зайденшур 1966: 67–70; Еськова 2001: 122].

В двух цитатах из Пушкина, записанных в современной орфографии: «Простите, верные дубравы! / Прости, беспечный мир полей <...>»; «Когда ж восстанет / С одра покоя бог мечей, / И брани громкий вызов грянет, / Тогда покину мир полей» [Пушкин 1937, т. 2, кн. 1: 36, 86] – словосочетание *мир полей* допускает двойное осмысление, поскольку является калькой сразу двух стандартных французских словосочетаний: *la paix des champs* и *le monde des champs*. В дореформенной русской орфографии здесь все сразу было ясно (у Пушкина в обоих случаях – *и* широкое).

В произведениях Пушкина встречается четыре случая рифмовки с участием этих лексем (в форме род. пад. ед. числа: *мира* ~ *міра*) – такие как: «<...> Чета духовъ съ начала *міра*, / Безмолвная на лонѣ *мира* <...>» («Руслан и Людмила» [Пушкин 1820: 134])²⁵. Кроме рифмы *мира* ~ *міра* у Пушкина известен только один пример рифмовки омофонов-омоформ, различающихся орфографически: «Передъ хозяйкой легкой вздоръ / Сверкаль безъ глупаго жеманства, / И прерываль его межъ тѣмъ / Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ <...>» (ЕО, 8, XXIII). Современная орфография такие противопоставления полностью стирает, и гетерографические рифмы превращаются в омографические.

В элегии Баратынского «О счастья съ младенчества тоскуя...» (1823) строка «Твой миръ, увы! могилы миръ печальный» при жизни автора четыре раза появлялась с начертанием *миръ* (через *и* широкое) и три раза – с начертанием *міръ* (через *і* десятеричное) [Баратынский 2002, т. 1: 59–60]. Из всего контекста стихотворения становится ясно, что здесь имеется в виду покой: этот стих входит в монолог лирического героя, обращенный к явившейся перед ним Истине, которая перед этим так завершает свой монолог: «Я оболую суровымъ хладомъ душу, / Но дамъ душѣ покой». Однако отнюдь не все читатели этого стихотворения, данного в современной орфографии, поймут обсуждаемую строку в нужном смысле.

2.4. Оппозиция прямопадежных адъективных форм на *-ые/-ие* ~ *-ыя/-ія*

В старой орфографии были противопоставлены прямопадежные адъективные формы мн. числа мужского рода, с одной стороны, и женского и среднего, с другой: первые имели флексии *-ые/-ие*, а вторые – *-ыя/-ія*.

Аргументом в пользу возможного особого звучания адъективных форм на *-ыя/-ія* (по крайней мере, в поэтической декламации) могут служить данные рифм (ср. [Дурново 1921: 92–95; Бернштейн 1922]). В последнем прижизненном издании «Онегина» наблюдается 13 фактов рифмовки с участием прямопадежной формы прилагательного мн. числа, например: «Гребенки, пилочки стальные, / Прямая пожницы, кривыя» (ЕО, 1, XXIV). Из них в 11-ти случаях последние гласные буквы совпадают – и только в двух наблюдается их расхождение: «И предразсудки вѣковые, / И гроба тайны роковыя» (ЕО, 2, XVI); «Готовы санки бѣговыя. / <...> / *Лепаша* стволы роковые» (ЕО, 6, XXV); при этом в последнем случае первые два прижизненных издания из трех дают гиперкорректную рифмовку (*бѣговыя* : *роковыя*), вступающую в противоречие с нор-

²⁴ Ср. замечание Н.И. Харджиева: «Заглавие поэмы основано на каламбуре, исчезнувшем в новой орфографии (“мир” через *и* с точкой)» [Харджиев 1939: 464]. См. также [Журавлев 1999: 47; Еськова 2001: 121].

²⁵ Об этой «орфографической рифме», которая после реформы «превратилась в чистую рифму-омоним» см. [Григорьев 1966: 125–126].

мативной орфографией. Интересны два случая зрительной рифмовки наречия с прилагательным в восьмой главе, отмеченные М.И. Шапиром: «И нынѣ Музу я впервые / На свѣтскій рауть привожу; / На прелести ея степныя / Съ ревнивой робостью гляжу» (ЕО, 8, VI) – при этом: «Весна живить его: впервые / Свои покои заперты, / <...> / Онъ яснымъ утромъ оставляеть» (ЕО, 8, XXXIX) [Шапир 2002б: 14].

Существенно принять во внимание факты рифмовки у Пушкина прямопадежных адъективных форм мн. числа с существительными на *-ия*: *стихія*, *Россія*, *Марія*, которые, если верить указанию Н.И. Греча, произносились без редукции конечного гласного: «Въ окончаніи словъ буква я удерживаетъ настоящее свое произношеніе; напимѣръ: дядя, Россія, линія, время, имя» [Греч 1827: 456]. Словоформа *стихія* у Пушкина попадет в рифменную позицию однократно, рифмуясь с адъективной словоформой *голубыя* в стихотворении «К морю». Во всех пяти случаях рифмовки адъективной формы на *-ыя/-ія* со словоформой *Россія* такая форма согласуется с существительным среднего рода. Словоформа *Марія* рифмуется с адъективной прямопадежной словоформой прилагательного мн. числа 9 раз, из которых только единожды – с формой мужского рода, в нарушение зрительной рифмы («Отвѣты робкіе, глухіе» – в «Полтаве»). Итак, в 15-ти случаях мы наблюдаем только однократное нарушение зрительной рифмовки.

Выразителен случай рифмовки интересующей нас адъективной формы с архаической формой прилагательного род. пад. жен. рода: «И вы забыты мной, измѣнницы младыя, / Подруги тайныя моей весны златыя» (из элегии 1820 года «Погасло дневное свѣтило...») [Пушкин 1829: 85]. Думается, относительно словоформы *златыя* можно достаточно уверенно утверждать произношение с отчетливым конечным нередуцированным гласным, отличным от конечного гласного в форме с конечным *e* (*златые*); тогда и рифма *младыя* должна была, скорее всего, произноситься аналогичным образом – нередуцированно.

Интересен факт различия в рифмовке у Баратынского в первоначальной и окончательной редакции его элегии «Я возвращаюсь къ вамъ, поля моихъ отцовъ...». Вторая из строк первоначальной редакции: «Съ волненьемъ учится, губя часы златые, / Наукѣ созидать твердыни боевыя» (с неточной зрительной рифмой) – была заменена в окончательной редакции так: «Наукѣ размѣрять окопы боевые». Очевидно, стих был изменен ради графической точности рифмы *- златые* (муж. р.) : *боевыя* (жен. р.) > *златые* (муж. р.) : *боевые* (муж. р.) [Пильщиков 2002: 487; Боратынский 2002, т. 1: 399]. Напомним, что о пристрастии Баратынского к графически точной рифме говорил еще Г.О. Винокур, который, однако, неправоммерно отрицал наличие сходной тенденции у Пушкина [Винокур 1941: 478]. Его поправил В.Э. Вацуру, писавший, что «тенденция к сочетанию звуковой и графической рифмы в некоторых случаях» у Пушкина «прослеживается, что может быть подтверждено и рукописями, и сличением текста в поздних сборниках» [Вацуру 1999: 259–260] (ср. [Рак 1995/1996: 317, 318; Сидяков 1997: 15–17]). Между тем послереволюционные издания эту яркую рифмологическую особенность никак не отражают.

2.5. Омонимия адъективных окончаний *-ыя/-ія* в женском роде (им. пад. множественного числа vs. род. пад. единственного)

Архаическая (церковнославянская по происхождению) форма род. пад. ед. числа женского рода (типа *моей весны златыя*) омографична форме им. пад. мн. числа жен. рода. Один из таких примеров вслед за В.Э. Вацуру разбирал М.И. Шапир – это строчка из Пушкинского стихотворения «К живописцу»: «Надежды робкія черты» [Вацуру 1999: 260; Шапир 2000: 240 примеч. 21] (о ней уже шла речь выше, в начале раздела II). Строку можно понимать двояко: не то ‘черты робкой надежды’, не то ‘робкие черты надежды’. М.А. Цявловский в старом академическом издании выбрал первую версию [Пушкин 1937, т. 1: 174]; В.Э. Вацуру в новом академическом издании (1999 года) предпочел вторую, а первую вынес в комментарий [Пушкин 1999: 162, 671]. Но в Пушкинской орфографии обсуждаемый стих неоднозначен, а модернизированное правопис-

сание навязывает ему единственное безальтернативное прочтение. И дело даже не в том, замечает Шапир, что интерпретацию, «которой отдано предпочтение в издании под редакцией Вацуро, нельзя считать более вероятной» (поскольку «она, в частности, разрушает полный синтаксический параллелизм», на котором построен Пушкинский пассаж), – главное то, что «в контекстах такого рода двусмысленность неразрешима: она объективно заключается в тексте и потому должна быть сохранена» [Шапир 2001: 51; Пильщиков 2004: 331–333].

Аналогичные примеры находим в «Онегине»: «Любви безумная страданья» (ЕО, 4, XXIII). Академическое издание справедливо трактует это место как 'безумные страданья любви', однако возможно и альтернативное понимание: 'страданья безумной любви'. По счастливой случайности до нас дошло свидетельство в «<Возражениях на статью "Атеней">», где Пушкин пишет: «<...> безумные страданья есть весьма простая метонимия» [Пушкин 1949, II: 71]. Но если бы этого свидетельства не сохранилось, однозначная интерпретация была бы невозможна: ведь сочетание *безумная любовь* встречается в элегии «Погасло дневное светило...» и в наброске «Пускай увѣнчанный любовью красоты...» [Пушкин 1937, т. 1: 146; 1947, т. 2: 366]. Другой пример: «Гдѣ бурная любви желанья» (ЕО, 6, XXXVI) – это 'бурные желанья' (так в академическом издании) или 'бурная любовь'? (Словосочетание *бурная любовь* мы находим, например, у Александра Бестужева в повести «Замок Нейгаузен» [Бестужев 1824: 172].) Проверить по другим Пушкинским контекстам невозможно: ни то, ни другое сочетание у Пушкина больше не встречается.

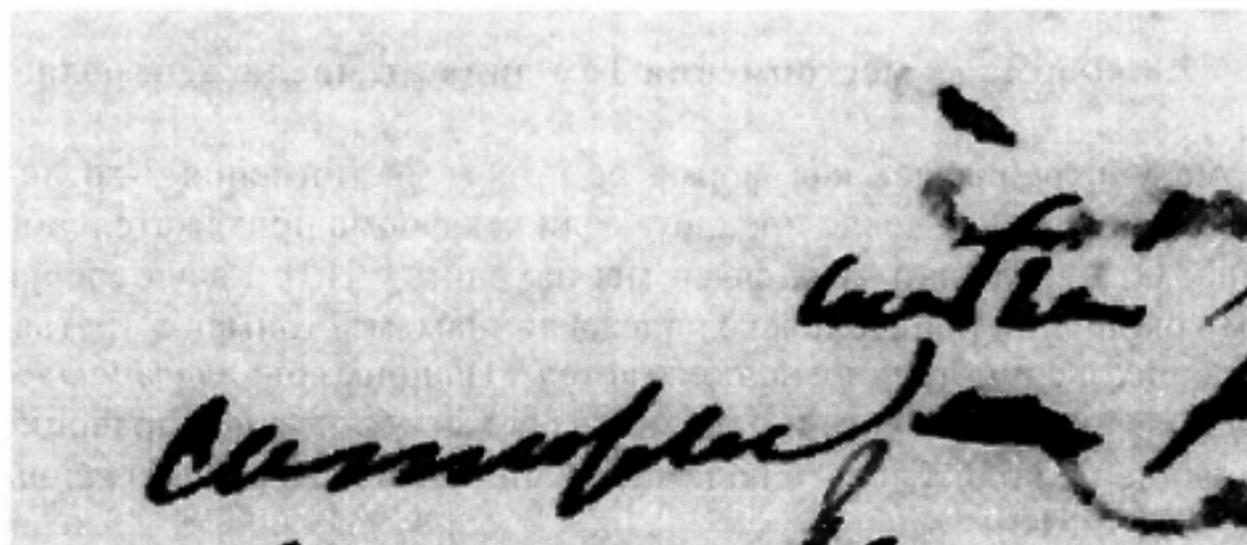
Поразительным образом в текстологической практике попадаются редакторские замены окончания *-ья* на *-ье* даже в тех случаях, когда никакой двусмысленности нет, а следовательно, нет и возможности менять окончание. Таково, например, ошибочное чтение 52-й строки стихотворения Баратынского «Последний поэт» в первом издании «Библиотеки поэта», где некорректно воспроизведено окончание прилагательного *гордые*: «Но гордые главы не преклонил» [Баратынский 1936, т. 1: 202]. Судя по всему, это не опечатка, а результат неумеренной модернизации (по крайней мере, в приложенном к изданию списке опечаток это место не исправлено).

2.6. Безударные окончания *-ый/-ий* ~ *-ой* прямопадежных адъективных форм ед. числа муж. рода

Такие формы с безударным окончанием в старинном русском языке имели альтернативные графические окончания *-ый/-ий* и *-ой*. О тенденции употребления *-ый* в книжном, а *-ой* в разговорном или просторечном стиле письма мы находим свидетельства в грамматиках XVIII–XIX веков. Относительно «Евгения Онегина» вопрос об употреблении той или другой графической формы прилагательного был подробно рассмотрен М.И. Шапиром: по его подсчетам, в подавляющем большинстве случаев в «Онегине» в рифмах с подобными формами нет расхождения между гласными буквами, а в нерифменной позиции такие формы имеют почти исключительно окончание *ый/ий*²⁶. Та же тенденция обнаруживается и в других стихотворных текстах – причем не только у Пушкина, но и у многих других поэтов Золотого века. Тем самым практически однозначно решаются вопросы, связанные с некоторыми подозрительными случаями. Скажем, в знаменитых строках о Фонвизине, которые во всех прижизненных изданиях романа читаются так: «Волшебный край! Тамъ въ стары годы, / Сатиры смѣлой властелинъ, / Блесталь Фонвизинъ, другъ свободы <...>» (ЕО, I, XVIII) – прилагательное *смѣлой* относится к сатире, а не к властелину, ибо в противном случае в данной нерифменной позиции, скорее всего, была бы употреблена форма *смѣлый* [Шапир 1999: 101–106; 2000: 224–230; 2001: 53–54; 2002б: 14]. Заметим, кстати, что утверждение Е.О. Ларионовой и С.А. Фомичева, будто в черновом автографе 1-й главы эта строка

²⁶ Возражение, что эти подсчеты провел «исследователь, не державший в руках рукописи Пушкина в подлиннике», а пользовавшийся их факсимильным воспроизведением [Рак, Эльзон 2004: 212], не имеет отношения к делу и должно быть признано аргументом *ad hominem*.

«читается: “Сатиры смелый властелин”», «причем окончание слова “смелый” написано совершенно отчетливо и не оставляет ни малейшего повода для сомнений» [Ларионова, Фомичев 2002: 158], не соответствует действительности. Не только мы не видим в этом месте [ПД № 835: л. 20 об.] «отчетливой» *ы* – с нами солидаризируется ученый хранитель Пушкинского фонда Т.И. Краснобородько, к которой мы обращались за консультацией. А П.Н. Берков прямо писал: «<...> в черновике окончание слова “смелый” или “смелой” неясно, но скорее всего “смелой”» [Берков 1962: 62] (ср. [Шапир 1999: 101–106; 2000: 225; 2003: 154]). В справедливости сказанного можно убедиться, взглянув на иллюстрацию:

В других случаях такая омонимия в принципе неразрешима. Поскольку неоднозначность является не привходящим, а конститутивным свойством поэтического текста (ср. [Перцов 2000]), то все такие случаи должны быть сохранены – что в принципе невозможно в современной орфографии: даже если унификатор сохраняет написание *-ой*, то он уже делает выбор в пользу формы жен. рода, так как формы муж. рода в современных изданиях унифицированы в пользу *-ый*. Ср. в переводе Батюшкова из Тибулла: «<...> И волхвованье жриць и мѣди звучной стонъ» [Батюшков 1817: 20]. Во всех прижизненных изданиях у прилагательного здесь флексия *-ой*. Скорее всего, это место следует интерпретировать ‘стон звучной меди’, а не «меди звучный стон», как, модернизируя, дают современные издания [Пильщиков 2006б: 317]. Однако в данном случае главная проблема для текстолога должна заключаться не столько в выборе верного варианта, сколько в воспроизведении аутентичного режима правописания, создающего объективную неоднозначность (что, заметим, не отменяет необходимости эксплицировать эту неоднозначность в комментарии).

2.7. Прямопадежные формы местоимения 3-го лица мн. числа и местоимения *одинъ* во мн. числе

В литературном русском языке XVIII–XIX веков различались местоимения 3-го лица мн. числа *они* и *онѣ* и адъективные числительные-местоимения мн. числа *одни* и *однѣ* (оставляем в стороне вопрос об исторической закономерности обеих форм). В случаях соотносительности этих слов с мужским родом выбирались первые формы, а в случае соотносительности с женским – вторые. Что касается среднего рода, здесь были колебания: в XVIII – начале XIX в. была тенденция к объединению среднего рода с женским (как в примере из «Горя от ума»: «Воспоминанія! какъ острый ножъ онѣ» – рифма *мнѣ* [Грибоедов 1913: 95]); примерно с середины 1830-х годов формы *они*, *одни* постепенно закрепляются за муж. и ср. родом²⁷, тогда как форма *онѣ* остается только у слов жен. рода.

²⁷ Ср. пример из «Путешествия в Арзрум», где форма *они* заменяет слова среднего рода *желанія* и *требованія*: «Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены» [Пушкин 1836: 77].

В «Онгинос» есть выразительный случай дополнительного созвучия, поддерживаемого графически благодаря форме местоимения и утрачиваемого при бытующей современной унификации: «<...> Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой, / Я все ихъ помню, и во снѣ / Онѣ тревожатъ сердце мнѣ» (ЕО, 1, XXX) [Шапир 2001: 52; 2002б: 13–14]. Отметим, что редакторы послереволюционных изданий, вынужденные сохранять архаические формы в рифмах на клаузуле или цезуре [Григорьев 1966: 125], никогда не делали этого для нерегулярных созвучий (рифмоидов), разрушая тем самым фоническую структуру текста (даже если вести речь о возможном, а не обязательном прочтении *онѣ* как *он[е]*).

2.8. Форма *ея* местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода

Эта форма употреблялась как форма род. пад. местоимения 3-го лица ед. числа жен. рода (с вариантом *нея* после предлога) или как форма притяжательного местоимения 3-го лица. Относительно этих форм мы находим у Н.И. Греча следующее свидетельство: «Въ окончаніи родительнаго падежа личнаго мѣстоименія третьяго лица женскаго рода въ числѣ единственномъ, полагается *я* (напримѣръ: *я не знаю ея; это братъ ея; я былъ у нея*)<...> хотя сія буква и произносится какъ *ѣ* <...>. Сіе правописаніе наблюдается для отличенія родительнаго падежа отъ винительнаго: *я знаю еѣ; онѣ вступился за неѣ*» [Греч 1827: 510].

Указанное Гречем звучание было, по-видимому, характерно в основном для непринужденной разговорной речи, а в высокой книжной было допустимо или даже предпочтительно произношение в соответствии с написанием. Во всяком случае, таково было (и до сих пор остается!) звучание этой формы в рифмах [Дурново 1921: 95–108], как в уже приводившемся примере: «На крикъ испуганный ея / Ребятъ дворовая семья / Сбѣжалась шумно» (ЕО, 7, XVI). Однако и в рифмах фонетика могла приходить в противоречие с графикой, что показывают рифмы Баратынского в ранней редакции его элегии «Зачѣмъ живыя выраженья...» (1821–1822):

- (1) «Душа полна тоски ея; / Но я разсудка не забуду / И на смятеніе мое / Отвѣта требовать не буду»;
- (2) «Но въ жаръ краса меня не вводитъ; / Тяжелый опытъ взять своё. / Я захожу въ приютъ еѣ, . Какъ вольнодумецъ въ храмъ заходить»

[Баратынский 2002, т. 1: 250–252].

В первом случае обе рифмующиеся словоформы – *ея* и *мое* (*ея* произносится здесь как [jejó]) – орфографически и орфоэпически корректны, но графически расходятся, во втором – *своё* и *еѣ* – вторая словоформа орфографически некорректна, но соблюдено графическое соответствие. Неудивительно, что в окончательной редакции этой элегии («Мнѣ съ упоеніемъ замѣтнымъ...») Баратынский избавился от обеих «неудобных» пассажижей [Баратынский 2002, т. 1: 444].

Итак, орфографическая оппозиция *ея* ~ *ее/еѣ* даст еще один случай словоизменительной омофонии, отсутствующей в современном языке. Сохранение этой оппозиции нужно хотя бы для устранения стилистических диспропорций: если мы оставим *ея* только в рифмах, они будут восприниматься как архаизирующая дань стихосложению, как насилие над языком «в угоду рифме» [Шапир 2001: 52]. (То же самое, разумеется, относится и к формам *онѣ* и *однѣ*, если сохранять их только в клаузулах.)

2.9. Строчная vs. прописная буква

Как известно, в дореформенной орфографии прописная буква была гораздо больше нагружена, чем в современной: с прописной буквы могли писаться названия национальностей, прилагательные от этих названий, названия должностей, званий, титулов,

профессий, наук, искусств, месяцев, дней недели, олицетворения, сакральные и аллегорические наименования... [Каверина 2001]. В текстах XVIII - первой половины XIX в. прописными буквами могли начинаться или выделяться сплошь особо значимые слова.

Неверно, что все подобного рода прописные написания были простой орфографической условностью (ср. [Захаров 1995: 10–11]). П.И. Греч указывает на то, что с помощью буквенного регистра могла разрешаться лексическая неоднозначность типа: «<...> *церковь*, здание (*церковь Знаменія*), *Церковь*, собрание вѣрующихъ (*Церковь Христіанская*); *дворъ*, пространство, окруженное заборомъ (агеа), (*птичій дворъ*), и *Дворъ*, мѣстопробываніе, свита Государя (аула), (*Французскій Дворъ*) <...>» [Греч 1827: 549–550] (всего Греч приводит 11 таких пар).

Обратимся к примерам из «Евгения Онегина». У слова *небо* / *небеса* прописная буква указывает на другое лексическое значение: когда речь идет о небосводе (20 раз), пишется строчная буква, а для обозначения местопребывания Божества (4 раза) используется прописная; ср.: «<...> луна / Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ <...>» (ЕО, 2, X); «<...> луна обходить / Дозоромъ дальный сводъ небесъ <...>» (ЕО, 3, XVI) vs. «Тамъ другъ невинныхъ наслажденій / Благословить бы Небо могъ» (ЕО, 2, I); «Быть можетъ, волею Небесъ, / Я перестану быть поэтомъ <...>» (ЕО, 3, XIII). Аналогичным образом дифференцированы значения существительных *дворъ* и *Дворъ*: «Нашель онъ полонъ дворъ услуги» (ЕО, 1, LIII); «<...> вѣчный разговоръ / Про дождь, про лень, про скотный дворъ...» (ЕО, 3, I), «Поутру побѣлѣвшій дворъ» (ЕО, 5, I), «Ведутъ на дворъ оснадцать клячь» (ЕО, 7, XXXI) vs. «<...> Что я богата и знатна; / Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ; / Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?» (ЕО, 8, XLIV). Даже в Большом академическом издании эти орфографические различия проигнорированы: для советского читателя что скотный двор, что царский Двор всё едино.

В стихе «Вдали отъ суетной Молвы» (ЕО, 8, XLIV) существительное дано с прописной буквы: вслед за «Энсидой» *Молва* (Вергилианская *Fama*) в «Онегине» персонафицируется. Малое академическое и многие другие издания напрасно понижают начальную букву: *Молва* с прописной и *молва* со строчной буквы различаются так же, как французское *amour* (со строчной) в значении 'любовь' и *Amour* (с прописной) в значении 'Амур, бог любви'.

Пример, относящийся к послепушкинской эпохе, приводил М.Л. Гаспаров. В статье о тавтологической рифме он рассматривает «случай, пограничный между тавтологией и омонимией: местоимение, за которым может чувствоваться, а может и не чувствоваться разница замещаемых имен. У Некрасова в “Морозе Красном Носе” читаем: Двинулась с миром икона святая, / Сестры зашли, ее провожая, / Все приложились к ней. / Много Владычице было почету: / Старый и малый бросали работу, / Из деревень шли за Ней. В орфографии подлинника рифма “к ней – за Ней” может восприниматься и как нетавтологическая, в орфографии советских изданий - только как тавтологическая, и это, конечно, обедняет ее восприятие» [М. Гаспаров 1983: 129]. Хотя разнопадежную рифму «к ней (дат. пад.) : за ней (твор. пад.)» в любом случае следовало бы считать омонимической, а не тавтологической, нельзя не согласиться, что в исходной орфографии референт второго местоимения безусловно не совпадает с референтом первого, а модернизация вносит в текст ненужную (отсутствовавшую у автора) путаницу.

* * *

У нас нет возможности столь же подробно говорить о старой пунктуации. Инвентарь знаков препинания в русском письме за последние два с половиной столетия практически не изменился, однако семантика знаков препинания изменилась весьма явственно: какие-то их употребления сохранились в современном письме, а какие-то выглядят для него ошибочными или непривычными (сжатый обзор основных отличий пунктуации первой половины XIX века от современной дан в статье [Перцов 2008: 50–52]). Старая пунктуация была гораздо более чувствительна к мелодической стороне речи, в частности к обозначению пауз. Паузальные употребления запятой могли раз-

делять синтаксические группы подлежащего и сказуемого - в случае, скажем, значительной синтаксической «тяжести» первой группы. Точка с запятой могла не только служить разделителем в случае сочинительной связи компонентов, как в современной пунктуации, но и в некоторых ситуациях отделять придаточное предложение от главного, если они уже содержали в себе запятые или тире; двоеточие могло употребляться для выражения противопоставления и могло стоять даже перед союзом *но*, что практически исключено для современной пунктуации. Тире (к которому, судя по рукописям, весьма благоволил Пушкин) было в гораздо большей степени паузально нагружено, чем ныне. Восклицательный и вопросительный знаки могли гораздо свободнее, чем сейчас, вторгаться в течение фразы и допускать после себя строчные буквы. Уместно сослаться в данной связи на высказанное около пятидесяти лет назад мнение П.Н. Беркова, относящееся к пунктуации XVIII века, но полностью справедливое относительно более поздних времен:

<...> «незаконные» с нашей современной точки зрения применения запятой, двоеточия и других знаков поэтами XVIII века во многих случаях объясняются тем, что при тогдашней общей неразработанности грамматики, в особенности синтаксиса, знаки препинания и в стихах, и в прозе, и в драматических произведениях играли роль интонационно-декламационных разделителей. Эти традиции держались в дореволюционной школе в ряде случаев до 1917 года [Берков 1963а: 92; ср. 1963б: 122-125]²⁸.

Перечень основных расхождений между старой и современной пунктуацией не слишком велик, хотя их не так просто систематизировать (так же, как и случаи раздельного, слитного и дефисного написания). Орфографические различия можно описать на пятнадцати-двадцати страницах (а то и меньше). Тем самым дать ключ к правильному восприятию старого правописания отнюдь не трудно. Именно на такое восприятие следует ориентировать читателя того типа изданий, о котором мы ведем речь.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вывод из вышесказанного ясен: правописание несет важную информацию и о плане содержания поэтического текста, и о его исторической принадлежности. Приведенный материал непреложно говорит о том, что для аутентичной передачи и адекватного восприятия классических текстов необходимо сохранение оригинального режима правописания. Современная орфография стирает многие смысловозначительные графические оппозиции, имевшие поэтическую, стилистическую либо психолингвистическую значимость [Винокур 1959: 465]. Нередко именно особенности правописания, которые, к сожалению, игнорируются абсолютным большинством современных изданий русских классиков, позволяют выявить значение слова, смысл художественного высказывания и его культурный контекст.

Мы решительно выступаем против распространенного предрассудка, заключающегося в том, что аутентичное воспроизведение источника может быть полезно только для издания документального типа (дипломатического или фототипического), а критическое издание якобы нуждается в унификации и модернизации языкового материала. Здесь мы еще раз вынуждены выразить наше несогласие с позицией В.Э. Вацура, который считал, что издание обязано унифицировать материал, если оно вообще претендует на звание научного. Представляется, что приведенная лингвистическая, текстологическая и культурологическая аргументация достаточна для обоснования отказа от унификации, модернизации и селекции текста. Они неизбежно ведут к трансформации или даже деформации стилистики, поэтики, семантики и прагматики произведения словесного искусства.

---

²⁸ Ср. аргументы и контраргументы сторонников модернизации пунктуации [Бухмейер, Пинус 1963]; см. также [Валгина 1978].

Повторим сказанное в начале статьи: предлагаемая текстологическая концепция никак не дискредитирует другие издания, нацеленные на иной тип подачи текста и более привычные для большинства читателей. Мы даже не настаиваем на единственности предлагаемого нами подхода к *научным* изданиям, оставляя в стороне издания массовые, общеобразовательные etc. (Мы не разделяем мнение, будто научное издание обязано являться непосредственным источником текста для массовых изданий.) Однако мы настаиваем на необходимости академических изданий того типа, о которых шла речь в нашей статье и которые почти не представлены в современной отечественной текстологической практике.

На сегодняшний день сложилась ситуация, когда текстология новой литературы объявлена литературоведческой дисциплиной *par excellence*. Может быть, поэтому иные литературоведы не обинуясь заявляют, например, такое: «<...> академические издания, как бы и кем бы они ни готовились и издавались, *вообще не могут претендовать на статус достоверного источника для научных разысканий в области текстологии и лингвистики*» [Ивинский 2003: 355; курсив автора]. С этим, увы, согласен и один из редакторов нового академического Полного собрания сочинений Пушкина, которое, по его мнению, «*ни в коей мере не может выступать в качестве единственной базы для изучения творческой биографии поэта и еще менее – орфографических и пунктуационных особенностей его литературного языка*» [Фомичев 2003: 137; курсив автора]. Никто, однако, и не настаивает на том, что академическое издание должно служить «*единственной базой*» для лингвистического исследования. Непонятно другое: почему иные литературоведы стремятся вообще исключить из академических изданий лингвистическую составляющую или существенно ее ограничить? Представить себе подобные высказывания в устах филолога-медиевиста вряд ли возможно. Правомерно ли делать исключение для словесности нового времени?

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текстологическая нотация для отображения рукописи

В связи с рассмотренной выше общей проблемой текстологической неопределенности (раздел 1.5) уместно коснуться вопроса о фиксации «положения дел» в рукописном источнике литературного произведения. Весьма распространен такой способ отображения рукописи, как транскрипция – предельно близкий к рукописи способ ее воспроизведения (с сохранением специфически рукописных черт – зачеркиваний одинарными и двойными чертами, сплошных и штриховых подчеркиваний, а также разного рода фрагментов, к анализируемому тексту прямо не относящихся). Мы полагаем, что это очень нужный инструмент текстологического исследования. Разумеется, транскрипция рукописи недостаточна для полного воспроизведения творческого процесса, для чего нужно выяснить последовательность записей (что, впрочем, возможно отнюдь не всегда); в общем случае недостаточна она и для выяснения промежуточных вариантов и их слоев (тогда как исходный и окончательный варианты обычно определяются достаточно четко). Однако скепсис некоторых текстологов по отношению к транскрипциям представляется необоснованным: транскрипции нужны хотя бы для того, чтобы облегчить чтение рукописей или их фотокопий.

Тем не менее текстологи издавна прибегают к более простым способам отображения рукописей и их фрагментов, применяя – для фиксации зачеркиваний, зачеркиваний с восстановлением и конъектур – особую текстологическую нотацию: квадратные скобки, квадратные скобки со штриховым подчеркиванием и угловые скобки соответственно; такие простые способы особенно удобны для цитирования фрагмента рукописи непосредственно в научном тексте. Кроме того, такого рода «нотационные» записи важны иногда для интерпретации самой рукописи: бывает такое, что в чересполосице зачеркиваний, вставок, исправлений нелегко разобраться даже в транскрипции, на основе которой не всегда возможно четкое и непосредственное указание разных вариантов, пробуемых автором.

Как показано в разделе 1.5, традиционная текстологическая нотация недостаточна для отображения некоторых существенных особенностей рукописного текста и должна быть дополнена. Ниже приводится сводка применяемой нами текстологической нотации, из числа элементов которой первые три – уже упомянутые квадратные скобки, квадратные скобки со штриховым подчеркиванием и угловые скобки – в текстологии применяются весьма широко, а последние три – фигурные скобки, стрелка и подчеркивание пробела – вводятся нами впервые.

- [ABCD] (зачеркивание): фрагмент ABCD зачеркнут
- [ABCD] (зачеркивание с возвращением к первоначальному варианту): фрагмент ABCD сначала был зачеркнут, а затем восстановлен (разрядкой или подчеркиванием)
- <ABCD> (конъектура): фрагмент ABCD определяется по рукописи предположительно, то есть либо отсутствует в рукописной скорописи, либо неразборчив, но восстанавливается по контексту
- { A | B | ... | Y | Z } (альтернативные варианты): варианты A, B, ..., Z, занимающие в тексте одну и ту же позицию (синтаксическую, ритмическую, смысловую), записаны в рукописи рядом друг с другом, причем A – это исходный вариант, Z – окончательный, B, ..., Y – промежуточные (при этом последовательность вписывания в рукопись промежуточных вариантов не всегда может быть установлена)
- [A] → B | (альтернативные варианты с наложением): вариант B, заменяющий в рукописи вариант A, написан поверх этого заменяемого A (вертикальная черта после B ограничивает сферу распространения этого выражения)
- A_B : смежные слова A и B написаны слитно

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баратынский 1829 – *Историческая Эпиграмма* // Московский Телеграфъ. 1829. Ч. XXVI, № 7. Подпись: *.
- Баратынский 1835 – Стихотворения Евгения Баратынского. Ч. I. М., 1835.
- Баратынский 1936 – *Баратынский*. Полное собрание стихотворений / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Купряновой и И. Медведевой; вступит. ст. Д. Мирского. Т. 1–2. [Л.], 1936.
- Батюшков 1808 – *К. Батюшковъ*. [Отрывокъ изъ I пѣсни «Освобожденнаго Иерусалима»] // *Драматическій вѣстникъ*. 1808. Ч. VI. Подпись: N. N. N.
- Батюшков 1817 – *Опыты въ Стихахъ и Прозѣ К. Батюшкова*. Ч. II. СПб., 1817.
- Батюшков 1887 – *Сочинения К.Н. Батюшкова* / Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К.Н. Батюшкова, написанной Л.Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В.И. Саитовымъ. Т. I. СПб., 1887.
- Батюшков 1987 – *К.Н. Батюшков*. Стихотворения / Сост., вступит. ст. и примеч. И.О. Шайтанова. М., 1987.
- Березкина 2004 – *С.В. Березкина*. История эниграммы Пушкина «Литературное известие» // *Русская литература*. 2004. № 2.
- Берков 1962 – *И.Н. Берков*. «Смелый властелин» или «смелая сатира»? (К текстологии строфы XVIII главы первой «Евгения Онегина») // *Русская литература*. 1962. № 1.
- Берков 1963а – *И. Берков*. Проблемы современной текстологии // *Вопросы литературы*. 1963. № 12.
- Берков 1963б – *И.Н. Берков*. Издания русских поэтов XVIII века: История и текстологические проблемы // *Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта»*. М., 1963.
- Бернштейн 1922 – *С. Бернштейн*. О методологическом значении фонетического изучения рифм (К вопросу о пушкинской орфоэпии) // *Пушкинист*. IV: Пушкинский сборник памяти профессора Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922.
- Бестужев 1824 – *А. Бестужевъ*. Замокъ Нейгаузенъ, рыцарская повѣсть // *Полярная Звѣзда*. Карманная книжка на 1824-й годъ. Для любительницъ и любителей Руской словесности. Изданная А. Бестужевымъ и К. Рылсвымъ. СПб., [1824].
- Бодрова 2010 – *А.С. Бодрова*. Поздняя лирика Е.А. Боратынского: источниковедческие и текстологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Бодуэн-де-Куртенэ 1912 – *И.А. Бодуэн-де-Куртенэ*. Об отношеніи русскаго письма к русскому языку. СПб., 1912.

- Бонди 1937 - *С. Бонди*. О чтении рукописей Пушкина // Изв. АН СССР. Отделение обществ. наук. 1937. № 2/3.
- Бонди 1950 - *С.М. Бонди*. Новый автограф Пушкина // Записки Отд. рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 11. М., 1950.
- Боратынский 2002 - *Е.А. Боратынский*. Полное собрание сочинений и писем / Рук. проекта А.М. Песков. М., 2002. Т. 1: Стихотворения 1818-1822 годов / Ред. А.Р. Зарецкий, А.М. Песков, И.А. Пильщиков; Т. 2. Ч. 1: Стихотворения 1823-1834 годов / Ред. О.В. Голубева, А.Р. Зарецкий, А.М. Песков. М., 2002.
- Бухмейер, Пинус 1963 - *К.К. Бухмейер, С.М. Пинус*. О модернизации пунктуации в стихотворном классическом тексте // Издание классической литературы: Из опыта «Библиотеки поэта». М., 1963.
- Валгина 1978 - *И.С. Валгина*. Что такое авторская пунктуация? // Русская речь. 1978. № 1.
- Вацуро 1999 - *В. Вацуро*. Еще раз об академическом издании Пушкина (Разбор критических замечаний проф. Вернера Лефельдта) // Новое литературное обозрение. 1999. № 37.
- Векшин 2006 - *Г.В. Векшин*. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М., 2006.
- Винокур 1927 - *Г. Винокур*. Критика поэтического текста. М., 1927.
- Винокур 1935 - [*Г.О. Винокур*] Борис Годунов [Комментарии] / А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. [Л., 1935]. Т. 7: Драматические произведения.
- Винокур 1941 - *Г.О. Винокур*. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений (Ответ В.И. Чернышову) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. М.: Л., 1941.
- Винокур 1959 - *Г.О. Винокур*. Орфография как проблема истории языка [1945] // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Б. Гаспаров 2001 - *Б. Гаспаров*. Заметки о Пушкине // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.
- М. Гаспаров 1979а - *М.Л. Гаспаров*. Филология как нравственность // Литературное обозрение. 1979. № 10.
- М. Гаспаров 1979б - *М.Л. Гаспаров*. Письмо в редакционную коллегию серии «Литературные памятники», 29 мая 1979 г. Цитируется по ксерокопии, хранящейся в Эстонском фонде семиотического наследия (Tallinna Ülikool. Eesti Humanitaarinstituut. Eesti Semiootikavaramu Sihtasutus).
- М. Гаспаров 1983 - *М.Л. Гаспаров*. Тавтологическая рифма // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1983. Вып. 635. (Труды по знаковым системам; [т.] XVI.)
- Гофман 1922а - *М.Л. Гофман*. Первая глава науки о Пушкине. Пб., 1922.
- Гофман 1922б - *М.Л. Гофман*. Посмертные стихотворения Пушкина, 1833-1836 гг. // Пушкин и его современники: Материалы и исслед. Вып. XXXIII/XXXV. Пб., 1922.
- Греч 1827 - *Н. Греч*. Практическая Русская грамматика. СПб., 1827.
- Грибоедов 1913 - *А.С. Грибоедов*. Полное собрание сочинений / Под редакцией и с примечаниями Н.К. Пиксанова. Издание Разряда изящной словесности Императорской Академии Наук. Т. II. СПб., 1913.
- Григорьев 1966 - *В.П. Григорьев*. Язык, орфография и писатель // Орфография и русский язык. М., 1966.
- Григорьев 1979 - *В.П. Григорьев*. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М., 1979.
- Григорьева 2004 - *Т.[М.] Григорьева*. Три века русской орфографии (XVIII-XX вв.). М., 2004.
- Гришунин 1998 - *А.Л. Гришунин*. Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Державин 1920 - *Н. Державин*. О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. 1920. № 6.
- Дмитрисва 1999а - *Е. Дмитриева*. Генетическая критика во Франции: Теория? Издательская практика? Явление постмодернизма? // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Дмитриева 1999б - *Е.Е. Дмитриева*. Словарь // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999.
- Достоевский 1995-2010 - *Ф.М. Достоевский*. Полное собрание сочинений в 15 т. Канонические тексты / Под ред. В.Н. Захарова. Т. I-IX. Петрозаводск, 1995-2010.
- Дурново 1921 - *И. Дурново*. Замечки по истории русского литературного языка // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. 1918 г. Пг., 1921. Т. XXIII, кн. 2.
- Еськова 1967 - *И.А. Еськова*. Из истории русской орфографии // Русская речь. 1967. № 5.

- Еськова 2001 - *Н.А. Еськова*. Еще раз о *мире* и *мире* и о «Войне и мире» // Русская речь. 2001. № 2.
- Еськова 2011 - *Н.А. Еськова*. Из истории русской орфографии // Н.А. Еськова. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М., 2011.
- Журавлев 1999 - *А.Ф. Журавлев*. Мир: *миръ* и *миръ* // Русская речь. 1999. № 1.
- Зайденшпур 1966 - *Э.Е. Зайденшпур*. «Война и мир» Л.Н. Толстого: Создание великой книги. М., 1966.
- Зарецкий 1999 - *А.Р. Зарецкий*. Об идиллии Пушкина «Земля и море» // Университетский Пушкинский сборник. М., 1999.
- Зарецкий 2000 - *А. Зарецкий*. [Рец.]: М.И. Шапир. *Universum versus: Язык - стих - смысл в русской поэзии XVIII -XX веков*. Кн. 1. М., 2000 // Новая Русская Книга. 2000. № 6 (7).
- Захаров 1995 - *В.И. Захаров*. Подлинный Достоевский // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В.И. Захарова. Т. I. Петрозаводск, 1995.
- Захаров 2009 - *В.И. Захаров*. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф.М. Достоевского. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». Петрозаводск, 2009.
- Ивинский 2003 - *Д.И. Ивинский*. «Новая текстологическая программа» и «Тень Баркова» // Новое литературное обозрение. 2003. № 60.
- Измайлов 1978 - *Н.В. Измайлов*. «Медный всадник» А.С. Пушкина: История замысла и создания, публикации и изучения // А.С. Пушкин. Медный всадник / Изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л., 1978.
- Измайлов 1979 - *Н.В. Измайлов*. О принципах нового академического издания сочинений Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. IX. Л., 1979.
- Каверина 2001 - *В.В. Каверина*. Прописные буквы в истории русской орфографии // Древние языки в системе университетского образования: Исследование и преподавание. М., 2001.
- Крайнева, Филатова 2008 - *Н. Крайнева, О. Филатова*. All rights reserved: к вопросу об издании незавершенных произведений (от Пушкина до Ахматовой) // Новое литературное обозрение. 2008. № 89.
- Ларионова, Фомичев 2002 - *Е.О. Ларионова, С.А. Фомичев*. Нечто о «презумпции невиновности» онегинского текста // Новый мир. 2002. № 12.
- Лефельдт 1998 - *В. Лефельдт*. Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания произведений А.С. Пушкина // Новое литературное обозрение. 1998. № 33.
- Лихачев 1964 - *Д.С. Лихачев*. Текстология: Краткий очерк. М.: Л., 1964.
- Лихачев 1983 - *Д.С. Лихачев*. Текстология: На материале русской литературы X-XVII веков. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983.
- Лихачев 1993 - *Д. Лихачев*. Тезисы доклада о старой орфографии. 1928 // Д. Лихачев. Работы ранних лет. Тверь, 1993.
- Лотман 1987 - *Ю.М. Лотман*. К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докл. науч. конф. 13-14 ноября 1987 г. Таллинн, 1987.
- Лотман 1997 - *Ю.М. Лотман*. Письма, 1940-1993 / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М., 1997.
- Лотман и др. 1981 - *Ю.М. Лотман, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский*. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // ИАН СЛЯ. 1981. № 4.
- Неклюдов 2001 - *С.Ю. Неклюдов*. Авантест в фольклорной традиции // Живая старина. 2001. № 4.
- Обзор 1965 - Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII-XХ вв.). М., 1965.
- Осипов 1992 - *Б.И. Осипов*. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992.
- ОТ 1962 - Основы текстологии / Под ред. В.С. Нечаевой. М., 1962.
- Панов 1990 - *М.В. Панов*. История русского литературного произношения XVIII-XХ вв. М., 1990.
- ПД - Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Рукописный отдел. Ф. 244 (А.С. Пушкин), оп. 1.
- Перцов 2000 - *Н.В. Перцов*. О неоднозначности в поэтическом языке // ВЯ. 2000. № 3.
- Перцов 2007 - *Н.В. Перцов*. Поэзия орфографии и орфография поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы междунар. науч. конф. М., 2007.

- Перцов 2008 – *Н.В. Перцов*. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка: (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // ВЯ. 2008. № 2.
- Перцов, Пильщиков (в печати) *Н.В. Перцов, И.А. Пильщиков*. К текстологии стиха пушкинской эпохи // Славянский стих. IX. М. (в печати).
- Пильщиков 1997 *И.А. Пильщиков*. Из истории русско-итальянских литературных связей (Батюшков и Тассо) // *Philologica*. 1997. Т. 4. № 8/10.
- Пильщиков 2002 – *И.А. Пильщиков*. Из истории русской тибуллианы («Сельская Элегия» Баратынского) // *Colloquia classica et indogermanica* - Классическая филология и индоевропейское языкознание. [Вып.] III. СПб., 2002.
- Пильщиков 2003 *И.А. Пильщиков*. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания. М., 2003.
- Пильщиков 2004 *И. Пильщиков*. Порядок полемики (О фантоме «новой текстологической программы») // Вопросы литературы. 2004. № 5.
- Пильщиков 2006а *И.А. Пильщиков*. [Выступление за круглым столом в Институте мировой культуры МГУ 3 сентября 2004 г.] // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006.
- Пильщиков 2006б *И.А. Пильщиков*. Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: Материалы для академического комментария // Текст и комментарий: Круглый стол к 75-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 2006.
- Пильщиков 2008 *И.А. Пильщиков*. Стандарты современного филологического комментария // Комментарий исторического источника: Исследования и опыты. М., 2008.
- Прохоров 1966 *Е.И. Прохоров*. Текстология (Принципы издания классической литературы). М., 1966.
- Прохоров 1982 – *Е.И. Прохоров*. Текстология новой русской литературы: Краткий обзор теоретических взглядов // Е.Д. Лебедева. Текстология: Вопросы теории: Указатель советских работ за 1917–1981 гг. / Науч. ред. Е.И. Прохоров. М., 1982.
- Пушкин 1820 *Русланъ и Людмила, поэма въ шести пѣсняхъ*. Соч. А. Пушкина. СПб., 1820.
- Пушкин 1825 *А. Пушкинъ*. Море и Земля // *Новости литературы*. Кн. XI. № 1. 1825.
- Пушкин 1826 *Стихотворения Александра Пушкина*. СПб., 1826.
- Пушкин 1829 – *Стихотворения Александра Пушкина*. Ч. I. СПб., 1829.
- Пушкин 1831 *Борисъ Годуновъ*. Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831.
- Пушкин 1836 – *А. Пушкинъ*. Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года // *Современникъ*. 1836. Т. I.
- Пушкин 1837 - *Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ*. Сочинение Александра Пушкина. Издание третье. СПб., 1837.
- Пушкин 1937–1949 *Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. I–16. [М.; Л.], 1937–1949.
- Пушкин 1978 *А.С. Пушкин*. Медный всадник / Изд. подгот. Н.В. Измайлов. Л., 1978.
- Пушкин 1997 – *Стихотворения Александра Пушкина* / Изд. подгот. Л.С. Сидяков; отв. ред. Ю.М. Лотман, С.А. Фомичев. СПб., 1997.
- Пушкин 1999 *А.С. Пушкин*. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999. Т. I / Ред. тома В.Э. Вацуро.
- Пушкин 2002 – *А.С. Пушкин*. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Экскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002.
- Пушкин 2007 *Пушкин*. Поэмы и повести. Часть I [Репринт изд. 1835 г.]. М., 2007.
- Пушкин 2008 – *Пушкин*. Борис Годунов [Репринт изд. 1831 г.]. М., 2008.
- Рейсер 1970 – *С.А. Рейсер*. Палеография и текстология нового времени. М., 1970.
- Рак 1995/1996 – *В.Д. Рак*. Наблюдения над употреблением в текстах Пушкина окончаний «и» и «ъ» // *Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В.Э. Вацуро*. М., 1995/1996.
- Рак, Эльзон 2004 «Искренне Ваш Юл. Оксман» (письма 1914–1970-го годов): (Продолжение) / Публ. М.Д. Эльзона, предисл. В.Д. Рака, примеч. В.Д. Рака и М.Д. Эльзона // *Русская литература*. 2004. № 2.
- РНБ – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 50 (К.Н. Батюшков). Оп. 1. Ед. хр. 11.
- САР III – *Словарь Академіи Россійской*. Ч. III. СПб., 1792.
- Семенко 1977 *И.М. Семенко*. Примечания // К.Н. Батюшков. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И.М. Семенко. М., 1977.
- Сидяков 1997 – *Л.С. Сидяков*. К проблемам пушкинской текстологии: Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830–1836 годов // *Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С.А. Фомичева*. Новгород, 1997.

- Строганов 2002 – *М. Строганов*. По поводу статьи Б. Гаспарова «Буква как таковая» // Новое литературное обозрение. 2002. № 56.
- Томашевский 1925 – *Б. Томашевский*. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925.
- Томашевский 1928 – *Б. Томашевский*. Писатель и книга: Очерк текстологии. [Л.], 1928.
- Тургенев 1980 – *И.С. Тургенев*. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М., 1980.
- ТС 1935 – Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935 / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1: А – Кюрины / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков.
- Успенский 2002 – *Б.А. Успенский*. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Фомичев 2002 – *С. Фомичев*. Точка, точка, запятая... // Новое литературное обозрение. 2002. № 56.
- Фомичев 2003 – *С. Фомичев*. Новое академическое Полное собрание сочинений Пушкина в системе источниковедческих изданий // Проблемы текстологии и эдиционной практики: Опыт французских и российских исследователей: Материалы «круглого стола» 22 марта 2002 г. М., 2003.
- Харджиев 1939 – *Н. Харджиев*. Комментарии // В.В. Маяковский. Полное собрание сочинений: В 12 т. / Под общ. ред. Н.Н. Асеева, Л.В. Маяковской, В.О. Перцова, М.И. Серебрянского. М., 1939. Т. 1: Стихи. Поэмы. Статьи. 1912–1917 / Ред. и коммент. Н. Харджиева.
- Холшевников 1996 – *В.Е. Холшевников*. Еще раз о принципах орфографии в Академическом издании Пушкина // Русская литература. 1996. № 4.
- Чернышев 1915 – *В. Чернышев*. Законы и правила русского произношения: Звуки. Формы. Сочетания слов: Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов. 3-е изд., пересмотр. Пг., 1915.
- Чернышев 1941 – *В.И. Чернышев*. Замечания о языке и правописании А.С. Пушкина (По поводу академического издания) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. М.: Л., 1941.
- Шайтанов 1987 – *И. Шайтанов*. Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) // К.Н. Батюшков. Стихотворения. М., 1987.
- Шайтанов 1989 – *И.О. Шайтанов*. Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII века. М., 1989.
- Шапир 1994 – *М.И. Шапир*. Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопросы литературы. Вып. III. 1994.
- Шапир 1999 – *М.И. Шапир*. К текстологии «Евгения Онегина» (орфография, поэтика и семантика) // ВЯ. 1999. № 5.
- Шапир 2000 – *М.И. Шапир*. Unversum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. М., 2000.
- Шапир 2001 – *М.И. Шапир*. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист. [Вып.] IX. М., 2001.
- Шапир 2002а – *М.И. Шапир*. Предварительные замечания [к ч. I] // А.С. Пушкин. Тень Баркова: Тексты. Комментарии. Эскурсы / Изд. подгот. И.А. Пильщиков и М.И. Шапир. М., 2002.
- Шапир 2002б – *М.И. Шапир*. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // ИАН СЛЯ. 2002. № 3.
- Шапир 2003 – *М. Шапир*. Отповедь на заданную тему (К спорам по поводу текстологии «Евгения Онегина») // Новый мир. 2003. № 4.
- Шапир 2009 – *М.И. Шапир*. Статьи о Пушкине / Сост. Т.М. Левина; изд. подгот. К.А. Головастиков, Т.М. Левина, И.А. Пильщиков; под общей ред. И.А. Пильщикова. М., 2009.
- Щерба 1957 – *Л.В. Щерба*. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Щерба 1983 – *Л.В. Щерба*. Теория русского письма. Л., 1983.

Сведения об авторах:

Николай Викторович Перцов
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
nvpertsov@rambler.ru

Игорь Алексеевич Пильщиков
Институт мировой культуры МГУ им. М.В. Ломоносова,
Эстонский гуманитарный институт Таллиннского университета
pilshch@mail.ru

© 2011 г. Е.Р. ДОБРУШИНА

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РУССКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРИСТАВОК*

В работе на основе введенных гипотез о значении четырех приставок с непрозрачной семантикой (*вы-*, *у-*, *по-*, *о-/об-*) анализируются проблемы семантики приставочных глаголов, связанные с различением синонимии и с выбором приставки. Автор на конкретных примерах стремится показать, что гипотезы о едином значении глагольных приставок, хотя и кажутся чрезмерно абстрактными, поскольку существуют на более глубоком семантическом уровне, чем уровень словарных толкований, во многих случаях имеют объясняющую силу¹.

1. «ИНВАРИАНТ» И «ФОРМАЛЬНАЯ СХЕМА»

Русские глагольные приставки весьма многозначны, и в то же время хочется считать, что за всем множеством употреблений отдельной приставки скрывается нечто семантически единое. Начиная с 80-х годов двадцатого века разные исследователи с различных позиций описывали семантику приставок в поисках таких формулировок, которые позволили бы обосновать это в общем-то интуитивное ощущение (см. краткие сводные списки работ по семантике русских глагольных приставок, например, в [Зализняк 2006: 336] и [Татевосов 2009: 104]).

Тем не менее за прошедшее тридцатилетие общепринятой позиции выработано не было, более того, применение к приставкам термина «инвариант» в настоящее время скорее не вызывает доверия. Так, анализируя толкования, предложенные в [Добрушина, Пайар 2001], Ю.П. Князев делает вывод о том, что в отношении «простоты перехода от инварианта к реальным употреблениям» и наоборот приставки сильно различаются между собой. Например, связь между инвариантом и употреблениями достаточно прозрачна для *от-*, но не для *при-*. Если «невозможно предсказать, какие конкретные ситуации могут быть подведены под такой инвариант, а какие не могут», «это фактически означает», что у такой приставки «нет семантического инварианта» [Князев 2007: 51].

Трудно спорить с тем, что инвариантного значения приставок не существует. Ясно, что нет такого смыслового компонента, который входил бы в значение каждого (или хотя бы большинства) глаголов с одной и той же приставкой. Так, невозможно говорить об общем семантическом элементе в составе пар *вышить* – *выбежать* или *ушить* – *убежать*, кроме разве что еще более таинственной, нежели приставочная, общей семантики совершенного вида.

И все же, на наш взгляд, поиски единой семантики приставок продуктивны, если не подходить к понятию «инвариант» слишком прямолинейно. Чтобы избежать связанных с этим термином коннотаций, в [Добрушина, Пайар 2001] вместо «инвариант» используется термин «формальная схема»². Под формальной схемой приставки понимается

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (коллективный грант 10-04-00256а).

¹ Автор выражает искреннюю благодарность анонимным рецензентам данной работы, чьи замечания оказались для него очень ценными.

² Словосочетание «формальная схема» удачно отражает представление о том, что речь идет о таких абстракциях, которые без конкретного языкового наполнения остаются очень далекими от значений, с которыми лингвист имеет дело, анализируя лексемы.

такой семантический конструкт, который всегда находится в истоках семантического взаимодействия данной приставки с глагольной основой³, но никогда не присутствует в непосредственном виде в значении приставочного глагола. И именно этот компонент является причиной того, что сочетание приставки с основой порождает то значение или несколько значений, если приставочный глагол многозначен, которое проявляется в реальных текстах. Ниже (в разделе 3) будут приведены формальные схемы для нескольких приставок, и, в частности, будет показано, каким образом на основе единого смысла приставки *вы-* из *шить* и *бежать* получаются *вышить* и *выбежать*, а на основе семантики *у-* из *шить* и *бежать* образуются *ушить* и *убежать*.

Таким образом, значение приставочного глагола является результатом сложного взаимодействия нескольких семантических абстракций: в первую очередь, двух, соответствующих данной приставке и данной основе, но часто, кроме того, в дело вступают постфиксы и значения слов, заполняющих позиции семантических актантов как основы, так и приставки. При этом абстрактность взаимодействующих элементов относится к гораздо более глубокому уровню, чем принятый в словарях уровень толкований слов. Поэтому последовательной прозрачной связи между семантическим конструктом приставки и значением приставочных глаголов, в которые она входит, ожидать не приходится: по сути, такой связи нет ни для одной приставки. Например, даже для приставки *от-*, одной из самых семантически простых, вряд ли возможно было бы предсказать, что компонентом 'потеря связи'⁴ будут порождены употребления *отомстить* и *отцвести*⁵. С другой стороны, для предсказания того, что при глаголе перемещения для значения 'недалеко от' нужна приставка *от-* (*отбежать от дома*), а для 'внутри' - *в-* (*вбежать в дом*), достаточно традиционного деления приставочных глаголов на группы по смыслу.

2. ПРИМЕНИМОСТЬ ЕДИНОГО АБСТРАКТНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРИСТАВОК

Итак, если семантическая основа, определяющая смысловое единство употреблений приставок, существует, то она не является инвариантом как таковым. Даже удачное описание такой семантики не даст возможности предсказать значения большей части порождаемых приставкой глаголов. И все же вне понимания значения приставки нельзя объяснить те тонкости семантического поведения глаголов, которые существуют на более глубоком уровне абстракции, чем словарное толкование лексического значения. Так, глагол *помыть* в [МАС] толкуется через *вымыть*, а толкования *ждать* и *ожидать* полностью повторяют друг друга. Работающее описание семантики приставок *вы-*, *по-* и *о-(об-)* должно объяснять, почему в некоторых ситуациях один из двух синонимичных глаголов предпочтительнее другого, то есть помочь определить компоненты, различающие значения семантически очень близких лексем.

³ Подробные определения и описания используемых здесь понятий «формальная схема» и «глагольная основа» см. в [Добрушина, Пайар 2001: 12–15].

⁴ В [Добрушина, Пайар 2001], чтобы облегчить восприятие «формальных схем», использован прием обозначения абстрактного смысла приставок при помощи краткого весьма упрощенного ярлыка. Используемые в этой работе ярлыки для некоторых приставок не совпадают с введенными в 2001 году.

⁵ В работах М.А. Кронгауза и Д. Пайара [Кронгауз 1997: 81–82; 1998: 183–184; Пайар 1997: 101; Добрушина, Пайар 2001: 74] показано, что говорить о «потере связи» для таких глаголов вполне правомерно. *Отцвести* М.А. Кронгауз описывает как глагол «потери способности», то есть речь идет о «потере связи» с определенным состоянием из-за «исчерпанности внутренних ресурсов или отведенного срока», а Д. Пайар как «исчерпание потенциала». *Отомстить* для М.А. Кронгауза – глагол «ответного действия», то есть имеет место «избавление от чувства долга или обязанности», а для Д. Пайара – это «выход из исходного отношения» или «освобождение от зависимости», возникшей у субъекта из-за действий адресата. Но эти объяснения – результат тонкого лингвистического анализа, тем самым прозрачной связью между конструктом «потеря связи» и обсуждаемыми глаголами никак не является.

Данная работа имеет целью подтвердить наличие объясняющей силы у абстрактных толкований приставок, для чего будет сделана попытка проиллюстрировать следующие наиболее яркие проявления работы формальных схем:

– Выявление различий между очень близкими синонимами, формально различающимися лишь приставкой. Ср. соотношение *помыть* и *вымыть*.

– Выявление различий бесприставочного и приставочного синонимов несовершенного вида. Ср. соотношение *ждать* - *ожидать*.

– Объяснение причин выбора глаголами или группами глаголов с определенной семантикой конкретной приставки как чистовидовой. Ср. выбор глаголом *деревенеть* приставки *о-* для образования трактуемого словарями как отличающегося только видом глагола *одеревенеть*.

– Объяснение выбора приставки для основ, не имеющих бесприставочных глаголов, но используемых с ровно одной приставкой. Ср. выбор *у-* для *уменьшить* и *увеличить*.

3. ТОЛКОВАНИЯ ПРИСТАВОК *ВЫ-*, *ОБ-*, *ПО-*, *У-* И ПОЯСНЕНИЯ К НИМ

В рамках предлагаемой концепции к настоящему моменту с той или иной степенью подробности описано значение следующих приставок: *про-*, *при-*, *до-*, *у-*, *за-*, *из-*, *вы-*, *от-*, *пере-* [Добрушина 1997; 2010; Добрушина, Пайар 2001], *по-* ([Добрушина, Пайар 2002] и [Добрушина 2009а] на основе [Самус 1998]) и *о-/об(о)-* [Добрушина 2009б]. Кроме того, автор имеет пока неопубликованные гипотезы о значениях *раз-*⁶ и *с-* и сформированную на основе работы [Меллина 2001] гипотезу о приставке *на-*.

Описанные глагольные приставки можно разделить на семантически более и менее прозрачные. Более прозрачные, то есть обладающие значениями, легче поддающимися формулировкам на естественном языке и поэтому легче осознаваемыми, это *до-* («финальный этап дистанции»), *от-* («потеря связи»), *про-* («интервал»), *пере-* («два состояния») и *раз-* («множественность»). Непрозрачными являются все остальные, например, *за-*, *из-*, *на-*, *при-* и *с-*⁷. Здесь будут предложены конспективные описания четырех «непрозрачных» приставок, при этом толкования будут менее строгими, чем в [Добрушина, Пайар 2001]. Меньшая формальность, упрощенность языка должны сделать толкования, с одной стороны, более понятными и поэтому облегчить дискуссию, с другой стороны, менее точными и менее абстрактными, что может привести к большей уязвимости позиции автора. Но, в конечном счете, автор пытается передать здесь словами такие абстракции, которые адекватно раз и навсегда переданы самой приставкой и поэтому точной перефразировке не поддаются. И раз требования полной точности и адекватности соблюсти все равно невозможно, то не стоит ради них отказываться от большей понятности.

В целях обзорности материала значения приставок будут рассмотрены здесь на примерах лишь нескольких глаголов, для наглядности одних и тех же для каждой приставки, причем многозначные глаголы могут обсуждаться лишь в одном из значений. Анализу трансформации значения приставки на материале всех образуемых ей семантических групп приставочных глаголов посвящены отдельные работы, например [Добрушина 1997; 2009б; Добрушина, Пайар 2001].

⁶ О приставке *раз-* см. [Sakhno 1998; Мусинова 2003].

⁷ Отметим, что предложенные в [Добрушина, Пайар 2001] толкования для *за-* и *при-* представляются не очень удачными, то есть не всегда хорошо работающими.

3.1. Приставка *-вы-* («модельный результат»)⁸

Толкование *вы-*: *развитие процесса специфично и приводит к одному из наиболее сложных для достижения результатов из спектра тех, которые могут быть достигнуты.*

Легче всего увидеть работу приставки на примерах типа *выработать (решение), вытанцевать (сложное коленце), выварить (соль; фрукты в вине; сок до густоты и др.)* – надо *работать / танцевать / варить* очень специальным образом, потому что обычный способ не приведет к рассматриваемому результату.

- (1) Раз в неделю, обычно по воскресеньям, у Наденьки собирались по шесть-семь последовательниц Штейнера; они переодевались в длинные белые одеяния и самозабвенно, в то же время грациозно и плавно танцевали одну букву штейнеровского языка за другой. ... Даже не знаю, что его больше в них поразило: красота самого танца или что когда-нибудь люди будут беседовать, *вытанцовывая* буквы, слова и целые фразы (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997–2002), НКРЯ⁹);
- (2) Бриг примет для этого рейса, вместо балласта, соль, частью из Басры, *вывариваемую* в трех милях оттуда, в Хамадии, и не отличающуюся достоинством, а частью из Маската, *вывариваемую* из морской воды и очень хорошую (Е. Чириков. Путевой журнал (1849–1852), НКРЯ).

При сравнении значений глаголов *шить* и *вышить* видно, что *вышить* предполагает очень специальный вид шитья с более сложным результатом: при помощи ниток и иголки создают новое изделие, не просто скрепляя ткань, но образуя узор на ее поверхности. Поэтому, например, во французском языке этим двум действиям соответствуют разные глаголы. В отличие от рассматриваемого в следующем разделе глагола *ушить*, описывающего не создание, а изменение уже созданного изделия, приставка лишь акцентирует усложненность процедуры и результата, но не меняет цели действия, в обоих случаях связанной с созданием изделия. Это подтверждается возможностью использования бесприставочного глагола *шить* в значении *вышивать*, несколько противоречащей интуиции современных носителей языка, но между тем реализующейся в текстах не только девятнадцатого, но и двадцатого века, правда, скорее, в сочетании со словами *узор, гладью, бисером* и др.

- (3) На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да *шила* в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась (И. Тургенев. Ася);
- (4) Таисья обрадовалась, сама она еще *шила* золотом узоры, брала их с трав и листьев, с словых лап, покрытых снегом, а то и просто придумывала (Ю. Герман. Россия молодая (1952), НКРЯ);
- (5) Она ... начинает свою работу, то ли раскатывает тесто, сворачивает рулет, рогалик, пельмени, то ли *шьет* бисером, нанизывает на иголку-нитку... (А. Найман. Все и каждый (2003), НКРЯ).

Убедительно демонстрирует значение приставки нередкий в современных профессиональных текстах глагол *выготовить*, имеющий два наиболее частых способа употребления: по отношению к собакам, которых готовят к соревнованиям, и по отношению к машинам, которые готовят к покраске. И в том, и в другом случае речь идет о специальной, специфической подготовке. Ср.:

- (6) И еще если сам не умеешь *выготовить* собаку к выставке найми профессионала (из Интернета);
- (7) Возможно ли у Вас *выготовить* под покраску, подобрать краску и покрасить дверь ВАЗ (из Интернета).

⁸ Из исследований последних двух десятилетий приставке *вы-* посвящена работа [Свещинская 1997], эта приставка описана в [Добрушина 1997: 133–138] и [Добрушина, Пайар 2001: 65–70], кроме того, значение этой приставки косвенно обсуждается в дискуссии о многозначности глагола *выйти*, в частности, в [Апресян 2009: 411–415] и [Зализняк 2006: 54–56, 70].

⁹ Здесь и далее примеры, найденные с помощью Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), помечены аббревиатурой «НКРЯ».

Что касается значения «вы-глаголов перемещения», таких как *выйти*, *выбежать*, *выползти*, *выпрыгнуть*, в [Добрушина, Пайар 2001: 68–70] показано, что традиционно приписываемое им значение «изнутри – наружу» является следствием значения «перемещение в специфическую область, принципиально отличную от области начального местонахождения, что требует специального развития действия (особой траектории движения)». Пользуясь метафорой, можно сказать, что для того, чтобы *выйти*, необходимо *идти* именно сквозь дверь, иначе ничего не получится.

Ср. характеристику значения приставки в [Апресян 1995]: приставка *вы-* «в составе глаголов перемещения имеет свособразное значение, в словарях до сих пор не замечавшееся. *А вышел из В в С* значит, помимо прочего, что А переместился из замкнутого пространства В в более открытое пространство С. ... При этом различия между более замкнутыми и менее замкнутыми (более открытыми) пространствами, по-видимому, объективны: в более замкнутых пространствах меньше возможностей для входа и выхода и больше препятствия для перемещения» [Там же: 491]. В этом описании также отмечен аспект «специального движения»: недостаточные возможности для входа и выхода, препятствия для перемещения.

Описывая значение конструкции *выходит, что Р*, Анна А. Зализняк предлагает такой образ: «Итак, метафора, лежащая в основе обсуждаемого значения глагола *выходить*, – следующая: нечто вроде непрозрачной трубы с отверстием на конце, по которой некий “предмет” (= верифицируемое суждение) движется к “выходу”; что с ним происходит в этой трубе, мы не знаем (отсюда – неполное доверие к этому выводу, о чем шла речь выше)» [Зализняк 2006: 70]. Можно предположить, что эта смелая метафора описывает в первую очередь именно работу приставки в данном глаголе, так как на долю *идти* в этом употреблении остается только обозначение абстрактного процесса. Основная идея метафоры именно в наличии сложного, «непрозрачного» пути – такова особенность развития всех процессов, описываемых «вы-глаголами».

В процитированных описаниях и Ю.Д. Апресяном, и Анной А. Зализняк отмечались два аспекта: движение «изнутри – наружу», с одной стороны, и «определенный путь движения», с другой. Предлагаемое здесь толкование приставки переносит вес с первого, пространственного аспекта, на второй, более абстрактный, в отличие от пространственного, работающий во всех дериватах с данной приставкой.

Трактовка пространственного значения приставки не как основного¹⁰, а как лишь одного из набора значений наряду с другими, вытекающего из гораздо более абстрактного конструкта, несомненно, возможна только при синхронном анализе и противоречит историческому. Действительно, в данной работе использован сугубо синхронный подход, что представляется автору вполне оправданным. Механизмы приставочной деривации языка работают именно на синхронном уровне, и с этой точки зрения не так уж важно, попал ли определенный приставочный глагол в язык в период действия современных механизмов или же вошел в него давно, но вписался в современную модель или даже оказался пересмыслен на ее основе.

Описывая историю становления значения русских приставок, Л.В. Табаченко показывает, как после вытеснения беспредложных форм существительных предложными роль пространственных маркеров переносится с приставок на предлоги и в результате пространственное значение приставки сменяется предельным и результативным. Затем происходит «формирование новых когнитивных структур, ориентированных на аспекты протекания действия... и на актуализацию анимальных, психологических, ментальных и социальных планов в качестве источника результативности и объектности» [Табаченко 2010: 28].

Можно предположить, что, исторически начавшись с пространственного значения «изнутри – наружу», но став постепенно гораздо более абстрактной и начав обозначать «анимальные, психологические, ментальные и социальные планы», приставка *вы-* ак-

¹⁰ См. работы Л. Янды, например о приставке *за-* [Янда 1997], в которых единая абстрактная семантика приставок описывается с помощью пространственных конфигураций.

туализовала в своем значении второй компонент – «сложный путь развития действия» и именно на его основе стала образовывать глаголы с непространственными значениями.

3.2. Приставка у- («побочный результат»)¹¹

Толкование у-: *рассматривается достигнутый за счет накопления количества действия результат, но это не тот результат, на который действие, обозначенное основой, направлено нормативно*¹².

Наиболее наглядны глаголы типа *уварить*¹³, *ушить* *варят / шьют* для создания *супа / платья*, а не для изменения количества *супа / размера платья*. Уменьшение как результат этих действий – это совсем не тот результат, на который они направлены нормативно.

- (8) Подготовленные кабачки нарезают кружочками толщиной 1-1,5 см, укладывают в казанок, нагревают при постоянном помешивании, а затем *уваривают* до уменьшения первоначального объема в 2 раза (Т. Воробьева, Т. Гаврилова. Домашнее консервирование (1999), НКРЯ);
- (9) Три девушки из отдела мелкого ремонта ползали вокруг Ольги на коленях, *ушивая* и подшивая подола и бока блузок и юбок (Л. Стоцкая. Как одеться от «Эр Франс» // Бизнес-журнал (2004). НКРЯ).

Иными словами, приставка у- означает переход количества действия в некоторое неожиданное, непредусмотренное качество, обнаруживаемое при взгляде на действие не от действующего лица и часто даже не от объекта (а если от объекта, как в *варить клей / уварить клей*, то с неожиданной точки зрения), но от иного задействованного в процессе терма. *Человек сажает цветы*, чтобы они росли, *ставит предметы*, чтобы они стояли, но вот действие накапливается, и можно взглянуть на него с позиции не *человека* и не *цветов / предметов*, а с позиции *клумбы / полки* и сказать, что *клумба усажена цветами*, а *полка уставлена предметами*. *Работают* не для того, чтобы устать, но такой эффект в качестве побочного вполне возможен, ср. *уработаться*.

- (10) Нахлебавшись чистого воздуха, *уработавшись* при долбежке и сверлении льда, едва приволок ноги в избу, где рыбаки, будто бойцы на фронте, спали вповалку, где кто упадет и втиснется меж телами (В. Астафьев. Затеси (1999), НКРЯ).

При «у-глаголах перемещения», таких как *уйти, убежать, уползти*, приставка акцентирует внимание не на естественном результате, каковым является само перемещение, то есть местонахождение в иной точке пространства, нежели начальная, но на побочном эффекте: перемещающийся больше не находится в некоторой релевантной точке пространства, например в точке наблюдения. Ср., как это же значение появляется у приставки при глаголе *утанцевать*, для которого само перемещение является побочным эффектом.

- (11) Под летку-енку наши герои выстраиваются в ряд и *утанцовывают* на сцену (Е. Исасва. Убей меня, любимая! (2002), НКРЯ).

¹¹ О приставке у- см. работы синхронного плана последних лет [Добрушина, Пайар 2001: 50-56; Горелик 2001; Зализняк 2001].

¹² Это толкование не противоречит факту наличия у приставки у- «чистовидового» значения (см. об этом термине ниже, в разделе 6): оно возможно либо в рамках «у-глаголов тщательного действия» (*убаюкать, укомплектовать, «уварить 1»*), см. о них [Добрушина, Пайар 2001: 53], либо в рамках реализации значения «результат неконтролируемого процесса» (*увидеть, услышать*), см. [Там же: 51], но доказательное обоснование этого утверждения, несомненно, требует отдельной публикации.

¹³ Здесь рассматривается одно из двух значений *уварить*, а именно «уварить 2» по [МАС]: «кипячением уменьшить объем, количество чего-либо». Что касается устаревшего значения «уварить 1» («варкой довести до полной готовности»), то оно используется только для случаев «непростой варки» и значение приставки работает в нем примерно так же, как в группе «у-глаголов тщательного действия», см. [Добрушина, Пайар 2001: 53].

3.3. Приставка *по-* («вовлеченность во время и пространство»)¹⁴

Толкование *по-*: акцентируется протекание действия во времени и пространстве безотносительно к итогу.

Для понимания значения этой приставки показательны глаголы типа *почитать / попеть / поварить*, означающие, что действие *читать / петь / варить* имело место, а результат, хоть и возможен – ведь в итоге действия что-то, скорее всего, хотя бы отчасти *прочитано / спето / сварено*, – но не значим, не обсуждается.

(12) Потом Василь Гаврилыч попилит. Софья Петровна *поварит* суп с клецками. Потом Василь Гаврилыч рассылет по распоряжению жены Дариванны корму для кур. Софья Петровна все еще будет варить суп с клецками. Потом Василь Гаврилыч обязательно сходит на колонку по воду (А. Эппель. На траве двора (1992), НКРЯ).

У «*по-*глаголов перемещения» - *пойти, побежать, поползти* – значение «начать перемещение» возникает потому, что пока известен лишь факт реализации определенного типа перемещения во времени и пространстве, но не ясен финальный этап.

(13) Разверзлась пучина океанских вод. Громадная волна прокатилась по суше от края и до края. И треснуло дно. И выполз из трещины океанской громадный змей и *пополз* к берегам (Д. Емец. Тая Гроттер и колодец Посейдона (2004), НКРЯ).

3.4. Приставка *об-*¹⁵ («периферийное воздействие»)¹⁶

Толкование *о-/об-*: действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо.

Так, если *воды моря омывают остров*, то действие *мыть* распространяется не на весь *остров*, но лишь на его берега. Следствием такого значения является то, что действие применяется «не по-настоящему», ведь подчеркивается, что оно воздействует лишь на периферию. Поэтому, при сравнении с бесприставочным глаголом, видно, что значение основы *мыть* в *омыть* использовано метафорически: сказать **море моет берег острова* невозможно. Основы, имеющие прямой объект в бесприставочном употреблении, при этой приставке, как правило, используются в непрямом значении. Так, ни в одном из значений *обварить (руку / луковицу)* не присутствует прямой смысл *варить*, то есть значение «производить тепловую обработку при помощи нагревания в кипящей воде», а в *обшить (подол каймой / семью)* никогда нет значения «создавать из материала при помощи ниток и иглы». Итак, приставка в *обварить, обшить* (пример 16) обозначает, что действием, сходным с *варить / шить*, но отличающимся от него по некоторым значимым параметрам, охвачен не сам предмет, но лишь его поверхность / края. В примере (17) глагол *обшить* употреблен в другом значении: одежда метафорически представлена как нечто, необходимое человеку, но отличное от него, то есть как его «периферия», ср. то же значение в *обстирывать*.

(14) Он сегодня геройски *обварил* руку кипятком, чтобы получить бюллетень на неделю (А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998), НКРЯ);

¹⁴ Приставка *по-* с синхронной точки зрения рассматривается в [Флайер 1997; Camus 1998; Зализняк, Шмелев 2000; Добрушина, Пайар 2002; Guiraud-Weber 2002; Мустайоки. Пуссенен 2008; Добрушина 2009а; LeBlanc 2010].

¹⁵ Вопрос о том, являются ли единицы *о-* и *об-(обо-)* одной приставкой или двумя, весьма проблематичен, см., например, [Кронгауз 1998: 132 и сл.]. Здесь же, вопреки тому, что существуют семантически противопоставленные глаголы типа *омыть / обмыть*, и тому, что автор, следуя гипотезе М.А. Кронгауза, предполагает, что на синхронном уровне имеет место семантическое расхождение этих вариантов как отдельных приставок, они будут в целях упрощения изложения трактоваться как алломорфы одной приставки.

¹⁶ См. о приставке *об-* следующие синхронного плана работы последних лет [Кронгауз 1998: 133–148; Кошелев 2004; Добрушина 2009б].

- (15) Лук, фаршированный чесноком. *Обварить* 12 небольших головок лука и чеснок кипятком (А. Найман, Г. Наринская. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов (2003), НКРЯ);
- (16) Вверху и внизу полотна прострачиваем кулиску -- 0,5 см. Полотно *обшиваем* тесьмой. Если кримплен однотонный тесьма цветная, и наоборот (Не выбросим, а свяжем и сошьем // Работница (1989), НКРЯ);
- (17) Портные *обшивали* свои семьи, деревню, часто с машинкой за плечами отправлялись и за пределы уезда (Кустари Рязанской губернии // Народное творчество (2004), НКРЯ).

Очень любопытна группа глаголов «непроизвольного, ошибочного действия», таких как *обдернуться, оговориться, ослышаться* и др. *дергать / говорить / слышать* телом, но не по воле и желанию. Здесь из-за действия семантики приставки человек описывается как разделенный на собственно человека – волю, желание, интеллект и периферийную часть – физическую оболочку, тело. Ср.:

- (18) Кто с ним сыграл сию шутку? Почему он *обдернулся* и проиграл? Старуха, дьявол кто? ... А потом карта напомнила о чем-то, когда он *обдернулся* и вместо туза поставил пиковую даму (М. Козаков. Актерская книга (1978-1995), НКРЯ).

Ср. посвященную описанию полиситуативности в семантике приставочных глаголов работу Н.Б. Лебедевой, в которой одушевленность участника рассматривается как важный фактор увеличения полисобытийности, в частности, потому, что «одушевленное существительное имеет две “стороны” значения – “первую”, общую с именами неодушевленными (низший – физический слой семантики), и “вторую”, анимальную, то есть отражающую признаки живого существа (более высокие слои -- физиологический и психологический, в последнем можно выделить волевой компонент)» [Лебедева 2010: 155].

В глаголах движения – *обойти, обежать, обползти* – приставка *об-* вводит терм, чья граница, то есть периферийная область, определяет траекторию движения.

- (19) *Обползаем* узкой трещиной шумный водопад, спускаемся лазанием с пятиметрового уступа, и снова тишина высоченного меандра (К. Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996), НКРЯ).

4. СИНОНИМЫ, РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ ЛИШЬ ПРИСТАВКАМИ: *ПОМЫТЬ И ВЫМЫТЬ*

Как было отмечено выше, словари толкуют *помыть* и *вымыть* друг через друга, отказываясь формулировать различия в значении. Между тем даже простой лингвистический эксперимент в виде вопроса о том, какой из глаголов будет скорее выбран хозяйкой, обращающейся к гостям, а какой матерью, отдающей команду ребенку, дает 70-процентный результат в пользу распределения: *Вот здесь вы можете помыть руки* – к гостям и *Сейчас же вымой руки!* – к ребенку¹⁷. Таким образом, носитель языка четко чувствует различия этих синонимов и употребляет их в разных ситуациях.

Семантическое соотношение *помыть* и *вымыть* в приведенных контекстах легко выводится из приведенных толкований. *Вымыть* настаивает на результате, предполагает наличие грязи и требует, чтобы грязь была уничтожена. *Помыть* акцентирует внимание на процессе: грязи может и не быть, гостям предлагается лишь традиционный ритуал безотносительно к его результату. Поскольку контексты, в которых чистота рук значима, возникают чаще, чем контексты «ритуального» мытья рук, глагол *вымыть*, непосредственно за которым следует слово *рука*, встречается в Национальном корпусе много чаще, чем *помыть* (188 и 58 вхождений).

¹⁷ За 2005–2010 годы автором опрошено около 200 студентов и старшеклассников; примерно 70 % дали описанный ответ, 20 % – противоположный описанному, 10 % не смогли ответить.

Еще один характерный пример различия в употребительности описываемых глаголов: по наблюдению И. Свещинской¹⁸, высказывание **дождь помыл город* невозможно, тогда как *дождь вымыл город* нормативно. Первое не употребляется потому, что действие *мыть* по отношению к *городу* не применялось: *дождь* не *мыл город*, он просто *шел над городом*, а приставка *по-* привлекла бы внимание именно к процессу *мыть*. Между тем с приставкой *вы-*, которая не содержит утверждения о процессе, но рассматривает лишь его результат, подобного противоречия не возникает (подробнее см. в [Добрушина 1997: 137]), как и с приставкой *о-* (*дождь омыл город*), автоматически переводящей действие в метафорический план.

Итак, *помыть* и *вымыть* означают один и тот же процесс с одним и тем же результатом, но для *помыть* акцент сделан на процессе, а для *вымыть* – на результате. Для достижения этого результата недостаточно просто действия, но нужна особая тщательность или хотя бы удача.

- (20) Наконец хозяйка приняла решение: – Ладно, входите, только снимите туфли, вот тапочки, и обязательно *помойте* руки. Я вошла в выскобленную до блеска прихожую, сменила обувь и под конвоем хозяйки была препровождена в ванную комнату (Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004), НКРЯ);
- (21) На работу пришел отзыв на какую-то книгу из лепрозория. Внутри на бумаге на обеих страницах штамп: «Продезинфицировано». Вскрикнули, никто не брал в руки. Я взял, повертел, стали от меня отходить. Но – смелость смелостью, а почему-то все же, не сказав никому, сходил *вымыть* руки (В. Кручин. Выбранные места из дневников 70-х годов // Наш современник (2004), НКРЯ).

Работа над поиском абстрактной семантики приставки часто начинается с поиска различительных контекстов для приставочных синонимов, поэтому в [Добрушина 1997; Добрушина, Пайар 2001] описано немало таких пар, в том числе: *истратить* – *потратить*, *излечить* – *вылечить*, *изгнать* – *выгнать*, *испугать* – *напугать*.

5. БЕСПРИСТАВОЧНЫЙ И ПРИСТАВОЧНЫЙ СИНОНИМЫ: *ЖДАТЬ* И *ОЖИДАТЬ*

Интересным случаем приставочной семантики является соотношение бесприставочного и приставочного синонимов с очень близким значением, например пары *ждать* – *ожидать*. (Имеется еще два близких глагола – *подождать* и его разговорный, сниженный синоним *обождать*, но они явно отличаются от *ждать*, *ожидать* смысловым компонентом «небольшая длительность». Что касается глагола несовершенного вида *поджидать* (пример 25), то он еще дальше по значению: в большинстве случаев он может быть истолкован как «ждать встречи с человеком с целями, выгодными для себя, а не для него», ср. *подговорить*, *подменить* и другие глаголы с *под-*, обозначающие выгоду субъекта.)

Выявлению семантических различий в паре *ждать* – *ожидать*, толкуемых в классических словарях друг через друга, помогает представление об общем значении приставки *о-*. Соотношение *ждать* – *ожидать* определяется тем, что *ожидать* говорит в первую очередь о внешнем аспекте процесса – интеллектуальном, оставляя за кадром эмоциональную составляющую.

Если в глаголах группы *обдернуться* / *ослышаться* приставка *об-* трактуется волю человека как его суть, а тело как периферию (см. раздел 3.4), то в *ожидать* суть личности, не задействованная в процессе, – это ее эмоциональная часть, а задействованная периферия – интеллектуальная. *Ждут* на свиданиях, *ждут* в разлуке, с нетерпением *ждут* праздников и каникул, со страхом экзаменов и прочих неприятностей, *ожидают* же в очереди за справкой, *ожидают* неодушевленные объекты (пример 23), ожидают в значении «считать вероятным какое-либо событие» (ср. идиоматизированное сочета-

¹⁸ Наблюдение о невозможности подстановки приставки *по-* в *дождь вымыл город* было сформулировано И. Свещинской лишь устно и не получило трактовки, но в ее работе о приставке *вы-* рассмотрен близкий пример: *выбеленная солнцем Россия* [Свещинская 1997: 156].

ние *следует ожидать*). Следствием из отстранения приставкой *об-* эмоциональной составляющей значения глагола *ждать* становится тот факт, что *ожидать* естественнее использовать, когда вероятность осуществления ожидаемого велика, и поэтому субъект менее эмоционально вовлечен в действие. Так, в [Апресян 2004: 337] указано, что *ожидать* предполагает «несколько больший акцент на внутренней готовности субъекта к событию», чем *ждать*.

- (22) Но Сергея посадили. На два года... Квартиру, не конфискованную судом, он оставил на попечение своей невесты Виктории, с которой так и не успел расписаться. Девушка обещала *ждать* его возвращения, тем более, что ждать надо было не так уж и долго (Преферанс его жизни // Криминальная хроника (2003), НКРЯ);
- (23) Запрос, сформированный пользователем на РС, *ожидает* момента поступления необходимого сегмента в память данной РС (А. Барский. Применение SPMD-технологии при построении сетевых баз данных с циркулирующей информацией // Информационные технологии (2004), НКРЯ);
- (24) Провожатый велел *обождавать* в коридоре, а сам зашел в кабинет, да почти сейчас же и вышел. Вас позовут, – сказал он, – *подождите*. Зыбин посмотрел на дверь. Была она высокая, непроницаемая, обитая черной клеенкой (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978), НКРЯ);
- (25) Пройдя через все здание (а путь этот оказался неблизким), мы подошли к одному из боковых входов, который нам собирался открыть ходивший вместе с нами служитель театра, у которого были ключи от всех дверей. Увы! Было поздно нас опередили: через матовые стекла были видны многочисленные тени *поджидавших* меня людей. Перехитрившие нас поклонники предвидели все наши маневры, тем более что они прекрасно знали расположение театра и проделывали свои операции «по отлову» не раз. Хорошо, если они *поджидали* артистов с восторгом, а если с прямо противоположными намерениями? Говорят, что было и такое (И. Архипова. Музыка жизни (1996), НКРЯ).

6. ВЫБОР ЧИСТОВИДОВОЙ ПРИСТАВКИ: КАМЕНЕТЬ И ОКАМЕНЕТЬ

Лишь гипотеза о едином абстрактном значении приставки помогает найти объяснение причин выбора глаголами или группами глаголов с определенной семантикой конкретной приставки как «чистовидовой», то есть в такой степени семантически сливающейся с основой, что результативное значение приставочного глагола кажется отличающимся от значения бесприставочного только за счет видового компонента.

А.Д. Кошелев включает «чистовидовое» использование приставки *о-/об-* в одну из трех свойственных приставке когнитивных схем, названную им «новое качество» и описанную следующим образом: «*У одеревенел / обезумел / ожил / оглох / овдовел; X оплодотворил / освятил* *У-а* – мотивирующая основа прямо или косвенно (метафорически) указывает на качественно новое свойство, состояние или положение дел *У-а*» [Кошелев 2004: 68]. Рассмотрим одну из упомянутых в этом списке групп «чистовидовых *о-*глаголов», а именно глаголы типа *окаменеть, одеревенеть, остолбенеть, осатанеть*, обозначающие «*У* сделался *А* или похожим на *А*, где *А* обозначено корнем». Ср.:

- (26) Славка оба раза *каменел* от страха, будто встречные люди могли разбудить и встряхнуть снаряд... (В. Крапивин. Трос с площади Карронад (1979), НКРЯ);
- (27) Все обступили колыбель и *окаменели* от страха, увидевши, что в ней лежало неживое дитя (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831–1832), НКРЯ);
- (28) Ее поразила арабская мебель в завитушках, похожая на *окаменевших* пуделей, и тайные комнаты за дверями, замаскированными яркой мазней местных модернистов... (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А.А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002), НКРЯ).

Если опереться на предложенное в разделе 3.4 общее абстрактное толкование *о-/об-*, то становится видно, что такие глаголы выбирают приставку *о-* потому, что суть объекта преобразованию не подвергается: *окаменевшее / одеревеневшее / осатаневшее*

не является по своей сути *камнем / деревом / сатаной*¹⁹, но лишь подобно этим объектам по некоторым параметрам, определяемым коннотациями (камень – неживой, неподвижный, сатана – злобный и др.). Не важно, в прямом (пример 28) или переносном (пример 27) смысле живое существо становится камнем, все равно это не тот камень, который создан природой, все равно по своей сути (происхождению, форме, возможности обратного превращения и др.) это живое существо, а не камень. Таким образом, именно для этого типа глаголов значение приставки очень близко к значению основы, ведь в основе уже содержится метафора – нельзя стать деревом или камнем, им можно лишь уподобиться, а быть ими по своей сути можно только от природы.

В [Добрушина 1997] и [Добрушина, Пайар 2001] проанализированы причины выбора приставки для нескольких «чистовидовых» случаев, в первую очередь для приставки *из-*, в том числе для: *истратить, потратить, испугать, напугать, испортить, испачкать*.

7. ОСНОВЫ, ИСПОЛЪЗУЕМЫЕ ТОЛЬКО С ОДНОЙ ИЗ ПРИСТАВОК: УМЕНЬШИТЬ

Гипотеза о едином значении приставки помогает объяснить выбор приставки для основ, не имеющих бесприставочных глаголов, но выбирающих ровно одну приставку.

Так, выбор *у-* для *уменьшить(ся), увеличить(ся)* определяется тем, что для *у-* не важен способ действия: результат все равно побочный, то есть отличный от основного целеполагания. Уменьшение и увеличение происходит за счет каких-то не описанных основой действий или процессов, цель которых иная, не направленная на количество, а изменение количества – эффект, обнаруживаемый при наблюдении со стороны, с позиции объекта, который меняет количество.

(29) При нагревании сахар растворится, количество яблок *уменьшится* (Т. Воробьева, Т. Гаврилова. Домашнее консервирование (1999), НКРЯ).

Для *количество яблок уменьшилось* не важно, что и зачем происходило (*сварились, съедены, сгнили*), главное, что их стало меньше, и, чтобы увидеть это, надо взглянуть не на то, как они *варят(ся), съедаются, гниют*, а на сами яблоки.

Благодаря содержащейся в значении идее незначимости способа действия, *у-* оказывается очень подходящей приставкой для «глаголов результата» в терминологии Г.И. Кустовой: «Глаголы результата, в первую очередь, сообщают о том, что происходит с объектом: неизвестно, что сделал человек, но известно, как изменился Объект, сего признак» [Кустова 2004: 48]. Ср. перечисляемые Г.И. Кустовой другие «*у-*глаголы результата», образованные от «названия конечного состояния или признака объекта»: *увеличивать, удлинять, украшать, укрупнять, улучшать, уплотнять, упрощать*.

Именно наличие абстрактного значения приставки делает возможным возникновение в языке одиночных глаголов, не соотносящихся с бесприставочными основами. Например, характерным является случай, в котором приставка *вы-* создает абсолютно понятное новообразование *вытрезвиться*, имеющее основу *трезвить*, ни в бесприставочном варианте, ни с другими приставками не зафиксированную. Ср.:

(30) Если хочешь, можно ведь и *вытрезвиться*, – неожиданно предложил он. ...Нашатыря в воде развести, выпьешь залпом – и в бассейн (А. Берсенева. Ловец мелкого жемчуга. М., 2006).

Значение глагола полностью определяется абстрактным значением приставки *вы-*: «определенной последовательностью действий достичь сложного результата, обозначенного корнем». Основа *трезвить* здесь, по всей видимости, за счет «активного» суффикса *-и-*, системно противопоставленного «пассивному» *-е-*, означает «делать трез-

¹⁹ Выбор приставки *о-/об-* другими глаголами из списка «новое качество», такими как *ожить, оглохнуть, овдоветь* и др., также опирается на предложенное толкование, но требует несколько иных пояснений и станет предметом другой работы.

вым», в отличие от *трезветь* – «становиться трезвым без каузации, просто от течения времени. Таким образом, глагол *вытрезвить* противопоставлен *протрезветь* не только через обозначенное суффиксами противопоставление «другого» – «самого себя», но и через спрятанное в приставках противопоставление «за счет целенаправленной последовательности действий» – «за счет течения времени, само собой» (ср. трактовку *про-* как обозначающую интервал, в данном случае временной, в [Добрушина, Пайар 2001: 40–44]).

* * *

Итак, в данной работе на основе введенных гипотез о значении четырех приставок с непрозрачной семантикой (*вы-*, *у-*, *по-*, *о-/об-*) было проанализировано несколько проблем семантики приставочных глаголов, связанных с различием синонимии и с выбором приставки. Автор стремился показать, что гипотезы о едином значении глагольных приставок, хотя и кажутся чрезмерно абстрактными, поскольку существуют на более глубоком семантическом уровне, нежели уровень словарных толкований, во многих случаях имеют объясняющую силу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 - Ю.Д. *Апресян*. Лексикографический портрет глагола *выйти* // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Ждать 1.1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.
- Апресян 2009 - Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.
- Горелик 2001 – Е.В. *Горелик*. Описание глагольной приставки *у-* // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. Глагольные префиксы и префиксальные глаголы.
- Добрушина 1997 - Е.Р. *Добрушина*. В поисках инвариантного значения приставки *ИЗ-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Добрушина 2009а - Е.Р. *Добрушина*. *Крестить* или *покрестить*: в поисках причин победы узуса над нормой // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. Материалы междунар. конф. 18–20 июня 2009 г. М.; Ярославль, 2009.
- Добрушина 2009б - Е.Р. *Добрушина*. Метафорическая приставка или периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки *о-/об(о)-*) // Вопросы русского языкознания. Вып. 13: Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее: к 50-летию научной деятельности С.К. Пожарицкой. М., 2009.
- Добрушина 2010 - Е.Р. *Добрушина*. В защиту единой абстрактной семантики глагольных приставок // Вестник ПСТГУ. Сер. Филология III. 2010. № 4 (22).
- Добрушина, Пайар 2001 - Е.Р. *Добрушина*, Д. *Пайар*. Приставочная парадигма русского глагола: семантические механизмы // Е.Р. *Добрушина*, Е.А. Меллина, Д. *Пайар*. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Добрушина, Пайар 2002 - Е.Р. *Добрушина*, Д. *Пайар*. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа КЛЗ) // S. Mengel (Hrsg.). *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Münster; London; Hamburg, 2002.
- Зализняк 2001 - Анна А. *Зализняк*. Семантическая деривация в значении приставки *у-* // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. Глагольные префиксы и префиксальные глаголы.
- Зализняк 2006 – Анна А. *Зализняк*. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Зализняк, Шмелев 2000 - Анна А. *Зализняк*, А.Д. *Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Князев 2007 - Ю.П. *Князев*. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М., 2007.
- Кошелев 2004 - А.Д. *Кошелев*. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // ВЯ. 2004. № 4.

- Кронгауз 1997 – М.А. Кронгауз. Опыт словарного описания приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Кронгауз 1998 – М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кустова 2004 – Г.И. Кустова. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лебедева 2010 – Н.Б. Лебедева. Полиситуативный анализ глагольной семантики. М., 2010.
- МАС – А.П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1981–1984.
- Меллина 2001 – Е.А. Меллина. Приставка *на-*: семантическое взаимодействие с четырьмя глагольными основами: *шить, бить, брать, гнуть* // Е.Р. Добрушина, Е.А. Меллина, Д. Пайар. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.
- Мусинова 2003 – Т.В. Мусинова. Семантическое описание русской глагольной приставки *РАЗ-* // Труды междунар. конф. Диалог'2003. М., 2003.
- Мустайоки, Пуссенен 2008 – А. Мустайоки, О. Пуссенен. Об экспансии глагольной приставки *по-* в современном русском языке. Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки, 2008.
- Пайар 1997 – Д. Пайар. Формальное представление приставки *от-* // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Свещинская 1997 – И. Свещинская. Некоторые аспекты методики исследования русских приставочных глаголов (на примере глаголов с приставкой *вы-*) // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Табаченко 2010 – Л.В. Табаченко. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2010. № 1.
- Татевосов 2009 – С.Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009.
- Флайер 1997 – М. Флайер. Делимитативные приставки в русском языке // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Янда 1997 – Л. Янда. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика // Глагольная префиксация в русском языке. М., 1997.
- Guiraud-Weber 2002 – M. Guiraud-Weber. О грамматическом значении префикса *по-* // S. Mengel (Hrsg.). Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. Münster; London; Hamburg, 2002.
- Camus 1998 – R. Camus. Quelques considérations sur le préverbe *po-* en russe contemporain // RĚSI. 1998. 70/1.
- LeBlanc 2010 – N.L. LeBlanc. The polysemy of an «empty» prefix: A corpus-based cognitive semantic analysis of the Russian verbal prefix *po-*. Ph. Diss. Chapel Hill, 2010.
- Sakhno 1998 – S. Sakhno. A propos du préverbe russe RAZ- // Essais sur le discours de l'Europe Ecletée. Grenoble, 1998.

Сведения об авторе:

Екатерина Роландовна Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

edobrush@gmail.com

© 2011 г. П.М. АРКАДЬЕВ

**ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА КОНСТРУКЦИЙ
«ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO»
В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ***

Статья посвящена конструкциям «аккузатив с причастием» в литовском языке, которые до сих пор не становились объектом строгого синхронного описания в современных синтаксических терминах. Эти конструкции рассматриваются в свете генеративной теории, в рамках которой подобным структурам в других языках были предложены две конкурирующие трактовки: (i) в терминах «подъема» субъекта зависимой клаузы в позицию прямого объекта главной и (ii) в терминах «исключительного падежного маркирования» этого субъекта, находящегося во вложенной клаузе, матричным предикатом. На основании эмпирических критериев демонстрируется, что ни один из двух основных принятых в порождающей грамматике способов анализа не подходит для литовских конструкций. Вместо этого предлагается альтернативная трактовка, основанная на высказанной в ряде работ последнего времени идее приписывания падежа внутри самой вложенной клаузы.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая статья посвящена анализу литовских конструкций «аккузатив с причастием», проиллюстрированных примером (1) из стандартной грамматики [Ambrazas (ed.) 1997: 367]¹.

(1) *Sak-ia-u*   *tėv-q*   *gerai*   *gyven-a-nt*.
сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG   хорошо   жить-PRS-PA
'Я сказал, что отец хорошо живет' (букв. «Я сказал отца хорошо живя»).

Литовские конструкции такого типа обладают следующими характеристиками:

а) они выражают пропозициональный (сентенциальный) актанта (дополнение) предикатов восприятия, речи и мысли, будучи аналогичными придаточным изъяснительным предложениям с подчинительными союзами (ср. термин «изъяснительные деспричастия» в грамматике [Амбразаc (ред.) 1985: 321]);

б) «логический субъект» пропозиционального актанта выражен именной группой (ИГ) в винительном падеже;

* Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» и проектов РГНФ № 09-04-00297а «Типология синтаксических ограничений» и № 11-04-00282а «Типология морфосинтаксических параметров».

¹ Я приношу искреннюю благодарность моим литовским информантам: А. Генелите, В. Клумбису, В. Купрявичюсу, С. Лисаускайте, Ю. Наркявичюте, Р. Рудоманскису, А. Сруогису, Ю. Жилинскасу. Данная статья основана на докладах, прочитанных на международных конференциях «Синтаксические структуры-2» (Москва, 2008), «Дни балтов и белые ночи» (Санкт-Петербург, 2008), «Синтаксис языков мира-3» (Берлин, 2008) и на семинаре Проблемной группы по теории грамматики Института языкознания РАН (2008). Я благодарен всем, кто принимал участие в обсуждении этих выступлений, а также тем, кто высказал критические замечания к более ранним вариантам данного текста: В.С. Волку, Ф. Гасту, С.А. Минору, Ю. Пакерису, Н.В. Сердобольской, Я.Г. Тестельцу, А.В. Циммерлингу, а также анонимному рецензенту ВЯ. Отдельная благодарность А. Сметоне и А. Хольфуту за содействие во время моих визитов в Литву. Никто из указанных лиц не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

в) в позиции сказуемого пропозиционального актанта находится особая нефинитная форма – несогласуемое причастие (в традиционной литовской терминологии такие формы называются *деспричастиями*², лит. «*padalyvis*», см. [Амбразас (ред.) 1985: 317–321]), выражающее грамматическое время³.

Конструкции типа (1) были довольно хорошо исследованы с исторической точки зрения, в том числе и в сопоставлении со сходными конструкциями в других индоевропейских языках, см. [Tangl 1928/1999; Ambrazas 1979; Амбразас 1990]. Тем не менее их сколько-нибудь отвечающее современным критериям точности синхронное описание отсутствует. Единственная известная мне работа, трактующая структуру сентенциальных актантов в литовском языке в современных терминах [Gronemeier, Usonienė 2001], носит обзорный характер и не претендует на исчерпывающее описание, хотя и содержит ряд ценных наблюдений, от которых я буду во многом отталкиваться. Между тем с точки зрения синтаксической теории литовские конструкции вида (1) представляют немалый интерес, и их полное и точное описание может послужить обогащению эмпирической базы типологии сентенциальных актантов (в первую очередь нефинитных).

Данная статья, тем самым, имеет двойную цель. Во-первых, я опишу основные характеристики современного употребления конструкций «аккузатив с причастием» в литовском языке, опираясь как на корпусной материал⁴, так и на данные, полученные методом опроса носителей языка⁵. Сразу отмечу, что мое описание ориентировано в первую очередь на морфосинтаксические особенности изучаемых конструкций, а не на их значение. В частности, чрезвычайно интересный вопрос о факторах, определяющих выбор говорящим нефинитной (причастной) или финитной (придаточное предложение с союзом *kad* или *jog* ‘что’) стратегий оформления пропозициональных актантов, в данной статье вообще не ставится (и, по предположению, носит не грамматический или семантический, а скорее стилистический или социолингвистический характер, см., например [Жуцерка 1969], а также см. 8).

Во-вторых, я ставлю теоретическую задачу: включить литовские конструкции «аккузатив с причастием» в более широкий типологический контекст и на основании тонких эмпирических критериев сделать выбор между несколькими возможными типами описания таких конструкций, принятыми в современной синтаксической литературе. Здесь я отмечу, что, хотя данная задача решается мною в рамках генеративной (более точно, минималистской, см. [Chomsky 2000; 2001; 2005; 2008]) теоретической парадигмы, я не утверждаю, что мои выводы могут служить аргументом в пользу именно такой теории синтаксиса или не могут быть сформулированы в иных терминах. Выбор генеративного формального аппарата обусловлен тем, что, как мне представляется, именно в его рамках интересующие меня проблемы могут быть поставлены с особой рельефностью.

Структура статьи такова. В разделе 1 я описываю, по большей части в теоретически нейтральном ключе, самые общие и важные характеристики литовских конструкций «аккузатив с причастием», в том числе определяю их место в более общей системе

---

² Необходимо отметить, что в такой терминологии литовские «деспричастия» не эквивалентны, а скорее диаметрально противоположны русским деспричастиям: если в русском литературном языке употребление деспричастия возможно лишь при тождестве его субъекта подлежащему главного предложения, то в литовском, напротив, «деспричастие» допускается лишь при несовпадении субъектов (см. ниже).

³ Временное значение литовских причастий в общем случае является таксимным, т.е. отсчитывается от времени главного (матричного) предиката, см. [Вимер 2009: 179 и сл.], хотя формы причастий настоящего времени могут иметь и абсолютную (дейктическую) интерпретацию. Для дальнейшего анализа особенности темпоральной интерпретации причастий нерелевантны.

⁴ Основные источники корпусного материала – (i) литовский раздел поисковой системы Google; заимствованные оттуда примеры снабжены полным интернет-адресом; (ii) корпус литовского языка (*Lietuvių kalbos tekstynas*), созданный в университете г. Каунаса (<http://donclaitis.vdu.lt>); примеры из этого корпуса снабжены пометой LKT.

⁵ Эти примеры никак специально не помечены.

причастных конструкций в литовском. В разделе 2 я остановлюсь на принятых в генеративной синтаксической теории способах описания пропозициональных актантов интересующего меня типа. В разделах 3 и 4 речь пойдет о проблемах, которые литовский материал ставит перед этими теоретическими подходами, и будет предложено и эмпирически обосновано возможное решение этих проблем.

1. ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO В ЛИТОВСКОМ: ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ

Литовские конструкции «аккузатив с причастием» оформляют пропозициональный актант при предикатах восприятия (например, *matyti* ‘видеть’, *girdėti* ‘слышать’, *jausti* ‘слышать’)⁶, речи и коммуникации (например, *sakyti* ‘сказать’, *teigti* ‘утверждать’, *neigti* ‘отрицать’, *vaizduoti* ‘изображать’ и др.) и мысли (например, *manyti* ‘думать, считать’, *tikėti* ‘верить’, *žinoti* ‘знать’, *įtarti* ‘подозревать’ и др.) в тех случаях, когда субъект вложенной предикации не совпадает с субъектом матричного глагола⁷. В этом качестве они противопоставлены, с одной стороны, конструкциям «номинатив с причастием», употребляющимся при совпадении субъектов главного и зависимого предикатов (ср. 2b), и, с другой стороны, конструкциям с финитным (индикативным) зависимым предложением с подчинительным союзом (ср. 2c); см. также [Вимер 2009: 179-200].

(2) a. *Sak-ia-u*   *tėv-q*   *gerai*   *gyven-a-nt*.
сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG   хорошо   жить-PRS-PA
‘Я сказал, что отец хорошо живет’ [Ambrazas (ed.) 1997: 367].

b. *Tėv-as*   *sak-ė(-si)*   *gerai*   *gyven-qs*.
отец-NOM.SG   сказать-PST(-RFL)   хорошо   жить-PRS.PA.NOM.SG.M
‘Отец сказал, что он хорошо живет’ [Ibid.].

c. *Sak-ia-u,*   *kad*   *tėv-as*   *gerai*   *gyven-a*.
сказать-PST-1SG   что   отец-NOM.SG   хорошо   жить-PRS
‘=2a’

Конструкции типа (2b) будут интересовать нас лишь постольку, поскольку они могут быть связаны с конструкциями «аккузатив с причастием» трансформационными (в неформальном понимании этого слова) отношениями. Конструкции с подчинительным союзом (2c) в дальнейшем рассматриваться не будут, в том числе и в связи с закономерным, но, как уже было сказано выше, выходящим за рамки данной статьи вопросом о факторах, определяющих выбор между конструкциями типа (2a) и (2c)⁸.

⁶ В данном случае я отвлекаюсь от противопоставления разных семантических типов восприятия, в частности непосредственного чувственного восприятия и восприятия-знания, см. [Dik, Hengeveld 1991; Usonienė 2001; Viberg 2001], а также от нетривиальных различий между зрительным и акустическим восприятием, см. [Enghels 2009]. О средствах оформления содержания восприятия в европейских языках см., например [Gast 2010].

⁷ Данная формулировка будет уточнена ниже.

⁸ По этому поводу можно сказать следующее. Большая часть опрошенных мной носителей языка считает конструкции с причастиями (как *accusativus cum participio*, так и *nominativus cum participio*) книжными и «старомодными»; один из носителей даже отказался работать с такого рода материалом, сказав, что вовсе не использует эти конструкции в своей речи. Тем не менее, как показывают данные корпуса и Интернета, эти конструкции весьма частотны, причем вовсе не ограничены текстами книжных, академических или официальных жанров. Многочисленные примеры причастных конструкций можно встретить в сетевых текстах, приближающихся к спонтанной устной речи, – в блогах и чатах. Кроме того, мои консультанты-студенты, признавая, что для их повседневной речи причастные конструкции не очень характерны, тем не менее давали о них вполне твердые и систематические суждения. Тем самым вопрос о противопоставлении причастной и финитной стратегий оформления пропозициональных актантов лежит скорее в социолингвистической и стилистической плоскости, нежели в области грамматики и семантики. Кроме того, вполне очевидно, что причастная стратегия, уступая в частотности финитной, является живым и активным феноменом современного литовского языка.

Необходимо сразу отметить, что способность присоединять «аккузатив с причастием» определяется семантикой конкретного употребления матричного предиката; класс предикатов, сочетающихся с причастными конструкциями, по всей видимости, открыт. На это указывают окказиональные употребления вроде (3), где глагол звукопроизводства *kukuoti* ‘куковать’ используется в нехарактерном для него значении передачи информации. Не менее показателен и пример (4), в котором матричный глагол сам по себе, без причастной конструкции, не выражает пропозициональной установки.

(3) ... *gegut-ė*   *j-iems*   *kukuoj-a*   *netikr-q*   *nuotak-q*
 кукушка-NOM.SG   он-DAT.PL.M   куковать-PRS   фальшивый-ACC.SG   невеста-ACC.SG
be-vež-a-nt...
 CNT-ВЕЗТИ-PRS-PA

‘кукушка им кукует, что они фальшивую невесту везут...’⁹

(4) *J-ie*   *tikėj-o-si,*   *kad*   *galė-s*   *pagau-ti*   *prezident-q*
 он-NOM.PL.M   надеяться-PST-REFL.   что   мочь-FUT   поймать-INF   президент-ACC.SG
Reagan-q   *meluoj-a-nt*   *ir*   *lauž-a-nt*   *kongres-o*   *įsakym-us.*
 Рейган-ACC.SG   лгать-PRS-PA   и   разбить-PRS-PA   конгресс-GEN.SG   предписание-ACC.PL

‘Они надеялись, что смогут поймать президента Рейгана на том, что он лжет и нарушает предписания Конгресса’ (LKT).

Единственное возможное ограничение на сочетаемость причастных конструкций состоит в том, что они, по-видимому, не присоединяются к неглагольным предикатам вроде *gaila* ‘жалеть’, с которыми употребляются лишь финитные пропозициональные актанты (также, вопреки [Gronemeier, Usonienė 2001: 117], мне не удалось подтвердить способность причастных конструкций сочетаться с пропозициональными именами типа *paujiena* ‘новость’).

Основная область употребления причастных конструкций – пропозициональные актанты матричных предикатов, не накладывающих ограничений на темпоральную интерпретацию вложенной пропозиции (о значимости этого параметра см. [Cristofaro 2003; 2008]), что соотносится с тем, что литовские причастия различают полный набор грамматических времен. Напротив, матричные предикаты, требующие строго определенной временной локализации зависимой пропозиции относительно главной, например волитивные (*norėti* ‘хотеть’), манипулятивные (*prašyti* ‘просить’, *lepti* ‘велеть’) и фазовые (*pradėti* ‘начать’), вместо причастных присоединяют инфинитивные клаузы¹⁰.

С точки зрения своего внутреннего устройства литовские причастные клаузы изучаемого типа во многом сходны с финитными предложениями, отличаясь от них, во-первых, отсутствием номинативного субъекта (но, как будет показано ниже, не самой соответствующей синтаксической позиции) и, во-вторых, запретом на выражение неиндикативной модальности. Напротив, практически все видо-временные значения, которые могут быть выражены в финитной индикативной клаузе, сохраняются и в причастной конструкции. Так, в *accusativus cum participio* выступают причастия настоящего (см. выше), простого прошедшего (ср. 5), хабитуального прошедшего (ср. 6) и будущего (ср. 7) времени.

(5) [*J-i*]   *prisimin-ė*   *j-i*   *buv-us*   *labdaring-q*
 он-NOM.SG.F   вспомнить-PST   он-ACC.SG.M   быть-PST.PA   благодетельный-ACC.SG
ir malon-ų.
 и   приятный-ACC.SG.M

‘Она вспомнила, что он был щедрым и приятным’¹¹.

⁹ <http://www1.omnitel.net/sakmes/frames.html>

¹⁰ Тем не менее глагол *grasinti* ‘грозить’, пропозициональный актант которого может, строго говоря, иметь референцию лишь ко времени, следующему за временем главной предикации, свободно сочетается с *accusativus cum participio* с причастиями будущего времени, см. пример (7).

¹¹ <http://www.druskonis.lt/archyvai/2001-02-23/kultura.htm>

- (6) ... *skatin-a many-ti j-q dažnai bū-dav-us susierzinusi-q ...*
 побуждать-PRS думать-INF он-ACC.SG.F часто быть-НАВ-PST.PA раздраженный-ACC.SG.F
 '[это] побуждает думать, что она часто бывала раздражена...'¹²
- (7) *Jurg-is grasin-o tėv-q atei-si-ant ir j-uos sumuši-ant.*
 Юргис-NOM.SG грозить-PST отец-ACC.SG прийти-FUT-PA и он-ACC.PL.M побить+FUT-PA
 'Юргис грозился, что отец придет и побьет их'.

Помимо собственно временных синтетических форм, в причастных конструкциях могут выступать префиксальные показатели континуатива *tebe-* и дисконтинуатива *nebe-* (ср. 8a и 8b).

- (8) a. *Žin-a-u Kaz-į te-be-gyven-a-nt Šiauli-uose.*
 знать-PRS-1SG Казис-ACC.SG POS-CNT-жить-PRS-PA Шяуляй-LOC.PL.
 'Я знаю, что Казис все еще живет в Шяуляе'.
- b. *Žin-a-u Kaz-į ne-be-gyven-a-nt Šiauli-uose.*
 знать-PRS-1SG Казис-ACC.SG NEG-CNT-жить-PRS-PA Шяуляй-LOC.PL.
 'Я знаю, что Казис больше не живет в Шяуляе'.

Из аналитических форм в причастных конструкциях допускаются пассив (ср. 9 и 10, иллюстрирующие, соответственно, результативную и длительную его разновидности), а также маргинально перфект (ср. 11) и авертив (ср. 12).

- (9) ... *man-o j-q buv-us pastaty-t-q tik 1580 m.*
 думать-PRS он-ACC.SG.F AUX-PST.PA построить-PST.PP-ACC.SG только 1580 г.
 '[Он] думает, что она [церковь] была построена только в 1580 г.' (LKT).
- (10) ... *ir dat-a rod-o j-į buv-us perraš-o-m-q.*
 и дата-NOM.SG показывать-PRS он-ACC.SG.M AUX-PST.PA переписать-PRS-PP-ACC.SG
 '...и дата показывает, что его [сборник] переписывали' (букв. «что он был переписываем») (LKT).
- (11) *Atsimen-u j-į buv-us atėj-us-į.*
 помнить-PRS.1SG он-ACC.SG AUX-PST.PA прийти-PST.PA-ACC.SG.M
 'Я помню, что он приходил'.
- (12) *Mač-ia-u Kaz-į buv-us be-nukrint-a-nt-į*
 видеть-PST-1SG Казис-ACC.SG AUX-PST.PA CNT-упасть-PRS-PA-ACC.SG.M
ir atbėg-a-u j-am padė-ti.
 и прибежать-PST-1SG он-DAT.SG.M помочь-INF
 'Я видел, что Казис чуть было не упал, и прибежал ему на помощь'.

Все это свидетельствует о высокой степени синтаксической автономности литовских конструкций *accusativus cum participio*. Наличие в них категории времени говорит о том, что в генеративных терминах причастная клауза является составляющей как минимум уровня TP (вершина T(ense) отвечает за временную интерпретацию). Наличие в причастных клаузах еще более высокого уровня синтаксической структуры, а именно так называемой группы комплементаризера (CP), более проблематично. С одной стороны, в конструкциях «номинатив с причастием» допускаются вопросительная частица (ср. 13) и вопросительные местоимения (ср. 14), что свидетельствует в пользу CP. С другой стороны, в интересующих нас конструкциях «аккузатив с причастием» ни вопросительная частица, ни вопросительные слова не допускаются (ср. 15a и 15b), что может служить аргументом против уровня CP.

- (13) *Prokuror-as sak-ė dar ne-žin-ąs, ar*
 прокурор-NOM.SG сказать-PST еще NEG-знать-PRS.PA.NOM.SG.M Q

¹² <http://alfa.lt/straipsnis/150854>

rašy-si-qs   *kasacin-į*   *skund-q*   *Aukščiausi-ajam*
 писать-FUT-PA.NOM.SG.M   кассационный-ACC.SG.M   жалоба-ACC.SG   верховный-DAT.SG.M.DEF
Teism-ui.
 суд-DAT.SG

‘Прокурор сказал, что еще не знает, будет ли писать кассационную жалобу в Верховный суд’¹³.

(14) *J-is*   *ne-pamirš-dav-o*   *atsiųs-ti ...*   *radiogram-q,*
 он-NOM.SG.M   NEG-забыть-NAV-PST   послать-INF   радиограмма-ACC.SG
praneš-dam-as   *kur*   *es-qs,*   *kaip*   *gyven-qs...*
 сообщать-CNV-SG.M   где   быть-PRS.PA.NOM.SG.M   как   жить-PRS.PA.NOM.SG.M
 ‘Он не забывал присылать... радиограммы, сообщая, где он, как живет...’ (LKT).

(15) a. **Ne-žin-a-u*   *ar*   *tėv-q*   *jau*   *atėj-us.*
 NEG-знать-PRS-1SG   Q   отец-ACC.SG   уже   прийти-PST.PA
 ожидаемое значение: ‘Я не знаю, пришел ли уже отец’.

b. **Ne-žin-a-u*   *kur*   *tėv-q*   *išėj-us.*
 NEG-знать-PRS-1SG   где   отец-ACC.SG   выйти-PST.PA
 ожидаемое значение: ‘Я не знаю, куда ушел отец’.

Тем не менее я считаю, что нет оснований считать, что конструкции «номинатив с причастием» и «аккузатив с причастием» различаются своей синтаксической категорией, и полагаю обе их составляющими уровня СР; в следующих разделах будут высказаны дополнительные аргументы в пользу именно такой трактовки.

Необходимо остановиться подробнее на противопоставлении конструкций *nominativus vs. accusativus cum participio*, уточнив понятие «тождество vs. различие субъектов главного и зависимого предикатов». Конструкции с причастием, согласующимся с субъектом матричного предиката в роде, числе и именительном падеже («номинатив с причастием»), допускаются лишь при совпадении (обязательно фонологически невыраженного) субъекта вложенной предикации с номинативным подлежащим матричного глагола, при этом глагол в причастной клаузе должен быть способен приписывать номинатив своему субъекту. Конструкции «аккузатив с причастием», где причастие выступает в особой форме без согласовательных флексий, используются во всех остальных случаях, как-то:

1) субъект пропозиционального актанта (в дальнейшем также просто «вложенный субъект») референциально отличен от номинативного субъекта матричного глагола и выражен фонологически ненулевой ИГ;

2) субъект пропозиционального актанта фонологически не выражен, но кореферентен неподлежащей ИГ главной клаузы, как в (3), где эта ИГ – адресат сообщения в дативе;

3) субъект вложенной клаузы -- нулевое местоимение с обобщенной или произвольной референцией, ср. пример (16):

(16) *Apie tai nuolat*   *gird-i-m* $\emptyset_{\text{generic}}$ *kalb-a-nt*   *ir raš-a-nt...*
 об это постоянно слышать-PRS-1PL   говорить-PRS-PA   и писать-PRS-PA
 ‘Мы постоянно слышим, что об этом говорят и пишут...’ (LKT).

4) предикат вложенной клаузы безличный (поскольку в литовском языке нет экзоплетивных подлежащих вроде английского *it* или немецкого *es*, такие глаголы вообще не имеют выраженного субъекта), ср. пример (17):

(17) *Vien-q*   *ryt-q*   *nubud-ęs*   *pro*   *lang-q*
 один-ACC.SG   утро-ACC.SG   проснуться-PST.PA.NOM.SG.M   через   окно-ACC.SG
pa-mač-ia-u   *sning-a-nt.*
 PRV-видеть-PST-1SG   идти.о.снеге-PRS-PA

‘Однажды утром, проснувшись, я увидел через окно, что идет снег’ (LKT).

¹³ <http://www.londonozinios.com/a-news-2065>. В данном примере две конструкции *nominativus cum participio* вложены одна в другую.

5) вложенная клауза содержит предикат с неноминативным субъектом, кореферентным матричному подлежащему, ср. пример (18a) с неграмматичным (18b), построенным по модели *nomīnativus cum participiō*:

- (18) a. *Jon-as sak-ė j-am es-a-nt gėd-q.*
 Йонас-NOM.SG сказать-PST он-DAT.SG.M быть-PRS-PA стыд-ACC.SG
 ‘Йонас сказал, что ему стыдно’.
- b. **Jon-as sak-ė es-qs gėd-a.*
 Йонас-NOM.SG сказать-PST быть-PRS.PA.NOM.SG.M стыд-NOM.SG
 ожидаемое значение: ‘=18a’

б) субъект пропозиционального актанта – местоимение, кореферентное матричному подлежащему, ср. пример (19):

- (19) ... *žino-ti sav-e es-a-nt skurd-ų yra diding-a.*
 знать-INF себя-ACC быть-PRS-PA бедный-ACC.SG.M есть+PRS(3) величественно-N
 ‘... знать, что ты бедный (букв. «знать себя будучи бедным»), возвышает»¹⁴.

Таким образом, очевидно, что выбор между согласованной и несогласованной формами причастия (иными словами, между конструкциями *nomīnativus cum participiō* и *accusativus cum participiō*) обусловлен не только семантически – референцией субъекта пропозиционального актанта, но и синтаксически – падежом матричного и вложенного подлежащих¹⁵. Аналогично распределение конструкций с согласованными и несогласованными причастиями в другом типе нефинитных клауз в литовском, а именно в сентенциальных сирконстантах (см. [Greenberg, Lavine 2006]), ср. пример (20a), где нулевой субъект причастного оборота совпадает с номинативным матричным подлежащим, пример (20b), где собственный субъект причастного сирконстанта оформлен дативом, и пример (20c), где во вложенной клаузе представлен безличный глагол.

- (20) a. *Išėj-us-i iš mišk-o, j-i net stabtelėj-o.*
 выйти-PST.PA-NOM.SG.F из лес-GEN.SG он-NOM.SG.F даже остановиться-PST
 ‘Выйдя из лесу, она даже вдруг остановилась’ [Ambrazas (ed.) 1997: 362].
- b. *Vaik-ams sugriž-us, pragyd-o lakštingal-a.*
 ребенок-DAT.PL вернуться-PST.PA запеть-PST соловей-NOM.SG
 ‘Когда дети вернулись, запел соловей’ [Ibid.: 363].
- c. *Atvažiav-o-me, stipriai sning-a-nt.*
 приехать-PST-1PL сильно идти.O.СНЕГЕ-PRS.PA
 ‘Мы приехали, когда шел сильный снег’.

В заключение отмечу, что соотношение между согласованными и несогласованными формами причастий является иконическим: согласованные формы, имея в своем составе дополнительный морфологический материал, демонстрируют и более сложный контекст употребления. Напротив, формально немаркированные несогласованные причастия употребляются «по умолчанию», когда не выполняются условия для использования согласуемых форм.

2. ТИПОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ (НЕФИНИТНЫХ) СЕНТЕНЦИАЛЬНЫХ АКТАНТОВ

В синтаксической литературе для представленных в самых различных языках конструкций, подобных литовским *accusativus cum participiō*, в частности для английских примеров вроде (21), предлагали два основных типа анализа (см. обсуждение истории

¹⁴ <http://www.lksb.lt/straipsniai/straipsnis-554.htm>

¹⁵ Конструкции «номинатив с причастием» представляют собой не вполне тривиальный случай так называемого обязательного контроля (*obligatory control*, см. [Hornstein 2003]); аргументы в пользу такой трактовки изложены в статье [Arkadiev 2011].

вопроса в [Davies, Dubinsky 2004]): подъем (raising [Postal 1974; Lasnik, Saito 1991; Lasnik 2001]) и исключительное падежное маркирование (exceptional case marking, ECM [Chomsky 1973; 1981]).

английский

- (21) *I believe John to be intelligent.*
 'Я считаю Джона умным'.

Исходным эмпирическим «постулатом», общим для обеих конкурирующих концепций, является тот факт, что ИГ *John* в (21) семантически соотносится лишь с зависимым нефинитным предикатом *to be intelligent* 'быть умным', однако демонстрирует ряд синтаксических свойств элемента матричной клаузы, например, способность к продвижению в позицию подлежащего при пассивизации (ср. 22). Отсутствие семантической связи между такими ИГ и главным предикатом демонстрируется, в частности, допустимостью в них эксплетивов (ср. 23), которые запрещены в тех синтаксических позициях, где ИГ могут получить семантическую роль.

английский

- (22) *John is believed to be intelligent.*
 'Джона считают умным'.

- (23) *I believe it to be raining.*
 'Я считаю, что идет дождь'.

Концепция подъема (подробнее см. [Сердобольская 2005], где данная проблематика рассматривается на широком типологическом материале) предполагает, что ИГ *John* в (21), (22) или *it* в (23) порождается в позиции подлежащего вложенной клаузы, а затем передвигается («поднимается») в позицию прямого дополнения матричного предиката, ср. схему (24)¹⁶.

- (24) *I believe John_i [t_i to be intelligent]¹⁷.*

Более наглядно, чем английские данные, эту теорию иллюстрирует материал языка кечуа (диалект имбабура, Эквадор), представленный в статье [Cole, Hermon 1980]. В кечуа, в отличие от английского, трансформация подъема не является обязательной, а падежи последовательно выражаются морфологически, что позволяет увидеть противопоставление между субъектом номинализованной¹⁷ вложенной клаузы, перемещенным в главное предложение и оформленным аккузативом, с одной стороны, и тем же субъектом *in situ* в номинативе, с другой (ср. минимальную пару 25a и 25b).

кечуа

- (25) a. *Maria-ca yacha-n [Francisco caypi ca-j-ta].*
 Мария-ТОР знать-3 Франсиско(НОМ) здесь быть-PRS.NML-ACC
 'Мария знает, что Франсиско здесь' [Cole, Hermon 1980: 9].
- b. *Maria-ca yacha-n Francisco-ta_i [t_i caypi ca-j-ta].*
 Мария-ТОР знать-3 Франсиско-ACC здесь быть-PRS.NML-ACC
 '=25a'

Целый ряд тестов демонстрирует, что, когда «логический субъект» пропозиционального актанта оформлен номинативом, он находится в составе зависимой предика-

¹⁶ Символ *t* с референциальным индексом обозначает «след» (trace), который в своей базовой позиции оставляет перемещающийся элемент.

¹⁷ Формы, называемые «номинализациями» в кечуа (см. [Muysken, Lefebvre 1988]), во многом сходны с литовскими причастиями, в частности, способностью различать грамматическое время. Следует обратить внимание, что в отличие от литовских причастий номинализации в кечуа оформлены аккузативом.

ции, а будучи оформленным аккузативом – в главной. Так, лишь аккузативный субъект может быть вынесен в позицию перед матричным глаголом (ср. 26a и 26b); лишь аккузативный субъект, выраженный личным местоимением, способен контролировать объектное согласование матричного глагола (ср. 27a и 27b); местоимение третьего лица (прономинал), кореферентное матричному подлежащему, допустимо лишь в позиции номинативного субъекта, находящегося во вложенной клаузе (ср. 28a и 28b), а рефлексивное местоимение (анафор) демонстрирует обратное распределение (ср. 29a и 29b).

кечуа

- (26) a. *Maria-ca Francisco-ta yacha-n caypi ca-j-ta.*
 Мария-ТОР Франсиско-АСС знать-3 здесь быть-PRS.NML-АСС
 ‘Мария знает, что Франсиско здесь’ [Cole, Hermon 1980: 9].
- b. **Maria-ca Francisco yacha-n caypi ca-j-ta.*
 Мария-ТОР Франсиско(НОМ) знать-3 здесь быть-PRS.NML-АСС
- (27) a. *Juzi ñuca-ta yacha-wa-n Maria-ta juya-j-ta.*
 Хозе я-АСС знать-1SG.OBJ-3 Мария-АСС любить-PRS.NML-АСС
 ‘Хозе знает, что я люблю Марию’ [Ibid.: 6].
- b. **Juzi yacha-wa-n ñuca Maria-ta juya-j-ta.*
 Хозе знать-1SG.OBJ-3 я(НОМ) Мария-АСС любить-PRS.NML-АСС
- (28) a. *Juzi_i cri-n pay_{i,j} cayna shamu-shca-ta.*
 Хозе считать-3 он(НОМ) вчера прийти-PST.NML-АСС
 ‘Хозе считает, что он (=он сам/кто-то другой) пришел вчера’ [Ibid.].
- b. *Juzi_i cri-n pay-ta_{i,j} cayna shamu-shca-ta.*
 Хозе считать-3 он-АСС вчера прийти-PST.NML-АСС
 ‘Хозе считает, что он (кто-то другой/*он сам) пришел вчера’ [Ibid.].
- (29) a. *Juzi_i cri-n payllataj_i wasi-ta randi-shca-ta.*
 Хозе считать-3 себя:АСС дом-АСС купить-PST.NML-АСС
 ‘Хозе считает себя купившим дом’ [Ibid.].
- b. **Juzi_i cri-n payllataj_i wasi-ta randi-shca-ta.*
 Хозе считать-3 себя:НОМ дом-АСС купить-PST.NML-АСС

Альтернативная концепция (неприменимая, однако, к данным кечуа), впервые предложенная в статье [Chomsky 1973], состоит в том, что в предложениях типа (21) субъект нефинитного предиката не перемещается в позицию прямого дополнения матричной клаузы, а остается в составе зависимой. Винительный падеж и сопутствующие свойства, такие как способность продвигаться при пассивизации, допустимость в этой позиции анафоров и т. п., возникают не в результате перемещения, а при помощи механизма «исключительного падежного маркирования» через границу нефинитной клаузы, которая оказывается «прозрачной» для ряда синтаксических процессов, в отличие от границы финитного предложения, см. схему (30).

(30) *I believe [John to be intelligent].*

Эта концепция возникла в первую очередь по внутритеоретическим причинам как следствие тенденции к ограничению возможных трансформаций; собственно эмпирические аргументы в пользу ЕСМ вновь находятся в других языках. Данные, описывающиеся в рамках ЕСМ, но не допускающие анализа в терминах подъема, предоставляют конструкции, в которых ИГ-«логический субъект» зависимой клаузы маркируется аккузативом (или иным косвенным падежом), как в примерах (25b), (26a) и т. п., однако образует с вложенным предикатом единую составляющую, иными словами, синтаксически относится к зависимой клаузе, как в примерах (25a), (26b) и подобных. Так ведут себя,

например, пропозициональные актанты в турецком языке¹⁸, субъект которых может маркироваться аккузативом (допускается также номинативное и генитивное оформление в зависимости от типа зависимой клаузы и ряда других факторов, см., например [Kornfilt 2008]), ср. пример (31).

- турецкий
 (31) *Pelin sen-i Timbuktu-ya git-ti-n san-iyor.*
 Пелин ты-ACC Тимбукту-DAT идти-PST-2SG считать-PROG
 'Пелин считает, что ты уехал в Тимбукту' [Şener 2008: 5].

Хотя такие конструкции анализировались в терминах подъема субъекта зависимой клаузы в матричную (см. [Zidani-Eroğlu 1997]), в работах [Aygen 2002] и в особенности [Şener 2008] было продемонстрировано, что для турецких фактов лучше подходит анализ в терминах ЕСМ. Важнейшим аргументом за то, что оформленный аккузативом «логический субъект» пропозиционального актанта синтаксически принадлежит вложенной, а не главной, клаузе, является позиция и интерпретация обстоятельств. Как показывает пример (32), наречие *dün* 'вчера', которое семантически может модифицировать лишь зависимый глагол, линейно расположено перед аккузативным субъектом вложенной предикации *Metini*. При предположении, что обстоятельства синтаксически принадлежат той клаузе, в которой они интерпретируются, такие примеры однозначно указывают на то, что аккузативная ИГ *Metini* находится в зависимой клаузе и тем самым получает падеж при помощи механизма ЕСМ, а не подъема.

- турецкий
 (32) *Pelin [dün Metin-i sınav-a gir-di] san-iyor.*
 Пелин вчера Метин-ACC экзамен-DAT войти-PST считать-PROG
 'Пелин считает, что вчера Метин сдавал экзамен' [Şener 2008: 10].

Концепция «исключительного падежного маркирования» имеет ряд недостатков как теоретического, так и эмпирического свойства. Основная теоретическая претензия к идее ЕСМ состоит в том, что она предполагает способность матричного глагола приписывать падеж через границу клаузы, причем, как показывает материал, в частности, турецкого языка, эта клауза может быть вовсе не инфинитивной, а финитной. Если для инфинитивных конструкций, подобных английским в примере (21), можно предположить определенную «дефектность» синтаксической структуры и «слабость» границы предикации, то для финитных актантных предложений вроде турецких такое предположение маловероятно¹⁹. Согласно общепринятому в порождающей грамматике мнению, операция приписывания падежа является строго локальной и не может пересекать границу фазы [Chomsky 2001; 2008] – составляющей, непроницаемой для синтаксических операций; фазой, в частности, является CP, т.е. финитная клауза. Приписывание падежа матричным предикатом какому-либо элементу зависимой клаузы, тем самым, возможно лишь в двух случаях: либо если эта клауза не является фазой, т.е., неформально говоря, не обладает признаками полноценной предикации (что на независимых основаниях исключено для турецкого); либо если элемент, которому «исключительным образом» приписывается падеж, находится на границе (edge) этой клаузы, т.е. в позиции спецификатора CP (именно такой анализ турецких конструкций предлагается в работе [Şener 2008]). Перемещение ИГ на границу CP (явное, фонологически выраженное, либо скрытое, на уровне логической формы, LF), однако, возможно лишь при его коммуникативной выделенности, например топиализации²⁰.

¹⁸ В отличие от аналогов в английском, кечуа и литовском, предикаты интересующих нас турецких клауз являются финитными; это, однако, нерелевантно.

¹⁹ Более того, и в турецком, и в других языках явления, подобные ЕСМ, допускаются в финитных клаузах с подчинительными союзами, а также в сирконстантных зависимых клаузах.

²⁰ Если следовать концепции «развитой левой периферии» [Rizzi 1997], субъект вложенной клаузы перемещается в специальную коммуникативно релевантную позицию спецификатор

Другое «слабое место» концепции «исключительного падежного маркирования» состоит в том, что доказательство ЕСМ-анализа конкретной конструкции не сводится к одной лишь демонстрации положения субъекта пропозиционального актанта внутри зависимой предикации. Необходимо также показать, что падеж этой ИГ приписан именно матричным предикатом, а не каким-либо иным образом, например элементом вложенной клаузы. Насколько мне известно, такой вопрос, при всей его очевидности, обычно даже не ставится, между тем именно здесь для ЕСМ-анализа возникают наиболее серьезные трудности (об этом см. ниже).

Важным косвенным подтверждением потенциальной возможности приписывания матричным предикатом падежа элементу зависимой клаузы служит явление так называемого дальнего, или прозрачного, согласования (*long-distance agreement*, LDA), наблюдающегося, например, в цезском [Polinsky, Potsdam 2001] и ительменском [Bobaljik, Wurmbrand 2004] языках и в алгонкинском языке пассамакводди [Bruening 2001]. В перечисленных языках матричный предикат может согласовываться с определенным элементом зависимой клаузы (абсолютивной ИГ в цезском, объектом в ительменском и субъектом или объектом в пассамакводди), который при этом интерпретируется как топиальный, т. е. занимающий (возможно, на LF) позицию спецификатора CP. Ср. следующие примеры.

- цезский
 (33) *eni-r* [už-ā *magalu* *b-āc'-ru-li* *b-iyxo*.
 мать-DAT мальчик-ERG хлеб(III).ABS III-ЕСТЬ-PST.PART-NML III-знать
 'Мать знает, что хлеб съел мальчик' [Polinsky, Potsdam 2001: 584].

- ительменский
 (34) *t'-antxa-čeʔn* [*miʔ* *okno-ʔn* *sop-es*].
 I SG.SBJ-забыть-3 PL.OBJ все окно-PL закрыть-INF
 'Я забыл закрыть все окна' [Bobaljik, Wurmbrand 2004: 12].

- пассамакводди
 (35) a. *n-kosiciy-a* [*Susehp=oc* *eli* *monuwa-t* *nuhu* *akom*].
 I SG.SBJ-знать-3 SG.OBJ Сусехп=FUT что купить-CNJ:3 три снегоступы
 'Я знаю, что Сусехп купил три пары снегоступов' [Bruening 2001: 271].
 b. *n-kosiciy-ak* [*nuhu=oc* *akom* *eli* *Susehp* *monuwa-t*].
 I SG.SBJ-знать-3 PL.OBJ три=FUT снегоступы что Сусехп купить-CNJ:3
 'Я знаю, что три пары снегоступов купил Сусехп' [Ibid.].

Примеры из пассамакводди особенно показательны тем, что в них ИГ, с которой происходит дальнейшее согласование, находится на левой границе клаузы в поверхностном синтаксисе. Об этом свидетельствует ее положение перед подчинительным союзом *eli*, а тот факт, что к этой ИГ присоединяются клитики (в примере (35) клитика будущего времени =*oc*), относящиеся к вложенной предикации, указывает на отсутствие подъема ее в матричную клаузу.

Явление дальнего согласования может быть признано релевантным для обсуждения конструкций с подъемом или ЕСМ лишь при допущении (принятом в порождающей грамматике, но не лишенном трудностей), что согласование и падежное маркирование суть разные проявления одного и того же синтаксического механизма (ср., например [Chomsky 2000: 101]).

Если от LDA мы вернемся к ЕСМ, то обнаружим, что в целом ряде языков, где релевантные конструкции по синтаксическим причинам затруднительно описывать в терминах подъема, оказывается проблематичным и анализ в рамках концепции «исключе-

ТорР или ФоСР. Для настоящего изложения выбор конкретной позиции нерелевантен, имеет значение лишь ее коммуникативная выделенность и доступность для операций со стороны главной клаузы.

чительного падежного маркирования». Так, в калмыцком языке в конструкциях «аккузатив с причастием» аккузативный субъект по всем признакам входит в зависимую клаузу [Сердобольская 2009] (ср. 36), тем самым указывая на действие механизма ЕСМ. Проблема, однако, состоит в том, что аккузатив субъекта зависимой клаузы допускается с матричными предикатами, не способными приписывать аккузатив, ср. примеры (37a) и (37b) с предикатом ‘любить’, букв. «(быть) с желанием».

- калмыцкий
- (36) [*öčkəldür čamagə ir-s-i-čən*] *bi med-sən uga-v.*
 вчера ты:ACC прийти-PST.PART-ACC-2SG я знать-PST.PART NEG.AUX-1SG
 ‘Я не знал, что ты вчера приехал’ [Сердобольская 2009: 601].
- (37) a. *cecg-üd narən-də dur-ta.*
 цветок-PL солнце-DAT желание-ASSOC
 ‘Цветы любят солнце’ [Ibid.: 588].
- b. *bi dur-ta-v [čamagə duul-xla].*
 я желание-ASSOC-1SG ты:ACC петь-CNV
 ‘Я люблю, когда ты поешь’ [Ibid.: 589].

Анализ примеров, подобных (37b)²¹, в терминах ЕСМ предполагает, что этот механизм является «исключительным» с точки зрения не только области действия правил падежного маркирования, но и приписываемого падежа (который в таком случае может отличаться от падежа, обычно приписываемого матричным предикатом), что нежелательно по теоретическим соображениям. Для описания таких примеров скорее следует предполагать механизм приписывания аккузатива внутри самого пропозиционального актанта (подробнее см. [Sundaresan, McFadden 2009]). В пользу такой трактовки тех же калмыцких данных говорит следующий любопытный факт: в зависимой предикации не допускается одновременное присутствие двух аккузативных ИГ – субъекта и прямого объекта, ср. пример (38). Если бы аккузатив субъекта приписывался из главной клаузы, этот факт был бы необъяснимым²².

- калмыцкий
- (38) a. *ter cää-gə uu-čkə-v.*
 этот чай-ACC пить-COMPL-1SG
 ‘Он выпил чай’ [Сердобольская 2009: 597].
- b. [*čamagə cä / *cää-gə uu-čk-s-i-n'*] *med-sən uga-v.*
 ты:ACC чай / чай-ACC пить-COMPL-PST.PART-ACC-3SG знать-PST.PART NEG.AUX-1SG
 ‘Я не знал, что ты выпил чай’ [Ibid.].

Переходя в свете всего вышесказанного к анализу литовских конструкций *accusativus cum participio*, укажу, что в следующих разделах я, во-первых, рассматриваю аргументы за и против их трактовки в терминах подъема и прихожу к выводу, что в литовском фактически представлены две разные конструкции, ни одна из которых не демонстрирует подъема; во-вторых, обращаюсь к вопросу об источнике аккузатива вложенного субъекта и прихожу к заключению, что он приписывается внутри зависимой клаузы, а не при помощи механизма «исключительного падежного маркирования».

²¹ Конструкции с аккузативом вложенного субъекта при непереходном матричном предикате встречаются также, например, в ирландском и латинском языках, см. [Sundaresan, McFadden 2009: 18].

²² Это опять же связано с понятием фазы. Запрет на приписывание аккузатива двум актантам одного глагола может действовать лишь в рамках фазы, а ЕСМ-аккузатив приписывается в позиции спецификатора CP, т.е. за пределами той фазы, в которой был приписан аккузатив прямому объекту.

3. АРГУМЕНТЫ ЗА И ПРОТИВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДЪЕМА В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Целый ряд фактов может быть использован в пользу трактовки литовских конструкций «аккузатив с причастием» в терминах подъема. Это разного рода диагностики, указывающие на то, что «логический субъект» пропозиционального актанта занимает синтаксическую позицию прямого объекта матричного предиката. Ниже я рассмотрю эти факты и продемонстрирую, что на самом деле они либо непоказательны, либо касаются лишь части интересующих нас конструкций.

Во-первых, в позиции вложенного субъекта допускаются анафоры – возвратные (ср. 39) и взаимные (ср. 40) местоимения, ср. их употребление в позиции обычного прямого объекта (41).

(39) ...*aš*_i *pasipasakoj-us* *daktar-ui* *apie savo savn-q*,
я:НОМ рассказать-PST.PA(НОМ.SG.F) доктор-DAT.SG о свой сон-ACC.SG
*kuri-ame sapnav-a-u*_i *sav-e*_i *stov-i-nt* *operacin-ėje*...
который-LOC.SG.M видеть.ВО.СНЧ-PST-1SG себя-ACC стоять-PRS-PA операционная-LOC.SG
'...я рассказала доктору о своем сне, в котором я видела себя стоящей в операционной...' ²³

(40) *Rajon-o politik-ai*_i *vis dažniau įtari-a*
район-GEN.SG политик-НОМ.PL все чаще подозревать-PRS
*[vien-as kit-q]*_i *priim-a-nt politini-us sprendim-us*.
один-НОМ.SG.M другой-ACC.SG.M принять-PRS-PA политический-ACC.PL.M решение-ACC.PL.
'Районные политики все чаще подозревают друг друга в принятии политически мотивированных решений' ²⁴.

(41) a. *J-is*_i *gerbi-a sav-e*_i.
он-НОМ.SG.M уважать-PRS себя-ACC
'Он уважает себя'.

b. *J-ie*_i *gerbi-a [vien-as kit-q]*_i.
он-НОМ.PL.M уважать-PRS один-НОМ.SG.M другой-ACC.SG
'Они уважают друг друга'.

Примеры типа (39) и (40), однако, непоказательны, поскольку в литовском языке допускается дальнейшее связывание (long-distance binding). Так, в (42) рефлексив, вложенный в косвенный объект инфинитивного оборота, может связываться субъектом матричного глагола; в (43) и (44) аналогичная конфигурация наблюдается в accusativus cum participio с рефлексивным и реципрокальным местоимениями соответственно.

(42) *Algird-as*_i *liep-ė Jurgi-ui*_j *[grįž-ti i savo_{ij} kambar-i]*.
Альгирдас-НОМ.SG велеть-PST Юргис-DAT.SG вернуться-INF в свой комната-ACC.SG
'Альгирдас велел Юргису вернуться в свою (=Альгирдаса/Юргиса) комнату'.

(43) *Jon-as*_i *įrod-ė Algird-a*_j *[buv-us savo_{ij} kambar-yje]* ²⁵.
Йонас-НОМ.SG доказать-PST Альгирдас-ACC.SG быть-PST.PA свой комната-LOC.SG
'Йонас доказал, что Альгирдас был в своей (=Альгирдаса)/его (=Йонаса) комнате'.

(44) *Du filosof-ai*_i *man-ė [[vien-as kit-o]*_i.
два:НОМ.M философ-НОМ.PL считать-PST один-НОМ.SG.M другой-GEN.SG.M

²³ <http://medikai.org/19>

²⁴ <http://www.gargzdai.lt/?lt=1148888566>

²⁵ Левая граница зависимой клаузы в этом и следующем примерах отмечена условно; в данном случае важно лишь, что группа, содержащая местоимение, не может находиться в матричном предложении.

knyg-ose   *es-a-nt*   daug   nesąmoni-ų].
 книга-LOC.PL   быть-PRS-PA   много   глупость-GEN.PL

‘Каждый из двух философов считал, что в книгах другого много глупостей’ (букв. «Два философа считали книги друг друга содержащими много глупостей»).

Во-вторых, вложенный субъект при отрицании матричного глагола может оформляться генитивом, аналогично тому как прямой объект при отрицании сказуемого обязательно выступает в генитиве, ср. примеры (45) и (46).

(45) *Jon-as*   *ne-paraš-ė*   *laišk-o* // **laišk-q*.
 Йонас-NOM.SG   NEG-написать-PST   письмо-GEN.SG // *письмо-ACC.SG
 ‘Йонас не написал письмо’.

(46) *Policij-a*   *ne-įtari-a*   *Jon-o* // **Jon-q*
 полиция-NOM.SG   NEG-подозревать-PRS   Йонас-GEN.SG // *Йонас-ACC.SG
užmuš-us   *savo*   *žmon-q*.
 убить-PST.PA   свой   жена-ACC.SG
 ‘Полиция не подозревает Йонаса в том, что он убил свою жену’.

Данная диагностика, однако, также оказывается слабой, поскольку правило о генитиве отрицания в литовском языке пересекает границу клаузы, ср. пример (47).

(47) ... *gyventoj-ai* *sukil-o*   *ir ne-leid-o*   *j-am*   [*skaity-ti*   *lekcij-ų*].
 житель-NOM.PL   подняться-PST и   NEG-позволить-PST   он-DAT.SG.M   читать-INF   лекция-GEN.PL
 ‘... жители взбунтовались и не позволили ему читать лекции’²⁶.

С другой стороны, примеры (46) и (47) не вполне аналогичны: в (46) объект зависимой клаузы *savo žmoną* ‘свою жену’ оформлен аккузативом, что необъяснимо при гипотезе о «дальнем» действии отрицания. Тем не менее, как мы увидим ниже, генитив при отрицании, точнее его отсутствие на вложенном субъекте, может служить сильным аргументом против гипотезы подъема.

В-третьих, вложенный субъект может линейно располагаться между элементами главного предложения, будучи перемещенным, например, в позицию перед матричным глаголом, подобно обычному прямому объекту, ср. примеры (48) и (49).

(48) *Tik patirt-is*   *ir kanči-a*   *žmog-ų*   *padar-o*   *t_i žmog-umi...*
 только опыт-NOM.SG и страдание-NOM.SG   человек-ACC.SG   делать-PRS   человек-INS.SG
 ‘Лишь опыт и страдание человека делают человеком’ (LKT).

(49) *Žmog-us*   [*išorin-ius*   *atribut-us*]_i   *gal-i*   *many-ti*   *t_i*
 человека-NOM.SG   внешний-ACC.PL   атрибут-ACC.PL   мочь-PRS   считать-INF
es-a-nt   *savo*   *pat-ies*   *dal-imi*.
 быть-PRS-PA   свой   сам-GEN.SG   часть-INS.SG
 ‘Человек внешние атрибуты может считать частью самого себя’²⁷.

Обращение к более широкому материалу показывает, что выдвижение составляющих из нефинитных актантных клауз допускается в литовском свободно, ср. примеры (50), где вынесен объект инфинитивного оборота, и (51), где из конструкции *accusativus cum participio* извлечено обстоятельство места. Тем самым примеры вроде (49) вполне могут описываться как вынос из зависимой клаузы (*long-distance scrambling*), а не непременно как перемещение составляющей внутри клаузы.

(50) *Es-u*   *girdėj-ęs*,   *kad kai kuri-ose*   *mokykl-ose*
 AUX-PRS.1SG   слышать-PST.PA.NOM.SG.M   что   кое   который-1.LOC.PL.F   школа-LOC.PL
[ši-q   *knyg-q]*_i   *liepi-a*   [*skaity-ti*   *t_i*].
 этот-ACC.SG.F   книга-ACC.SG   велеть-PRS   читать-INF

²⁶ <http://www.balsas.lt/naujiena/185763/dovido-strauso-sukaktuves>

²⁷ www.porteris.com/shapoka/mados%20psichologija.doc

‘Я слышал, что в некоторых школах эту книгу велют читать’²⁸.

- (51) *Toki-a agnostin-ė pozicij-a ne-trukd-o*
такой-NOM.SG.F агностический-NOM.SG.F позиция-NOM.SG NEG-мешать-PRS
[*aukščiausi-oje hierarchij-os pakop-oje*]_i *suvok-ti* _i *es-a-nt* *Diev-q.*
высший-LOC.SG.F иерархия-GEN.SG уровень-LOC.SG понять-INF быть-PRS-PA Бог-ACC.SG
‘Такая агностическая позиция не мешает на самом высоком уровне иерархии полагать существование Бога’²⁹.

Более весомым аргументом представляется позиция обстоятельств: по крайней мере при некоторых матричных глаголах обстоятельства, модифицирующие причастие, не могут располагаться левее вложенного субъекта, что говорит о его принадлежности матричной клаузе, ср. пример (52).

- (52) a. *Mat-a-u Jurg-i [lėtai vaikščioj-a-nt park-e].*
видеть-PRS-1SG Юргис-ACC.SG медленно гулять-PRS-PA парк-LOC.SG
‘Я вижу Юргиса медленно гуляющим в парке’.
- b. **Mat-a-u lėtai Jurg-i [vaikščioj-a-nt park-e].*
видеть-PRS-1SG медленно Юргис-ACC.SG гулять-PRS-PA парк-LOC.SG
ожидаемое значение ‘= (52a)’

Тем не менее, как будет показано ниже, с другими матричными предикатами обстоятельства демонстрируют противоположное поведение.

В-четвертых, подобно обычному прямому объекту, вложенный субъект конструкции *accusativus cum participio* может продвигаться в позицию подлежащего матричного глагола при его пассивизации, ср. пример (53). В этом случае конструкция выглядит уже как *poimativus cum participio* с причастием, согласованным по роду, числу и именительному падежу с матричным подлежащим (= бывшим аккузативным «логическим субъектом»).

- (53) *Vaikin-as buv-o įtari-a-m-as ... iš šešiolikmeči-o*
парень-NOM.SG АУХ-PST подозревать-PRS-PP-NOM.SG.M из шестнадцатилетний-GEN.SG.M
berniuk-o atėm-ęs dvirat-į.
мальчик-GEN.SG отнять-PST.PA.NOM.SG.M велосипед-ACC.SG
‘Парень был подозреваем в том, что отнял у шестнадцатилетнего мальчика велосипед’ (LKT).

Наконец, при одном из матричных глаголов, сочетающихся с конструкцией «аккузатив с причастием», – *laukti* ‘ждать’, который обычно приписывает своему объекту генитив, ср. пример (54)³⁰, – вложенный субъект также оформляется генитивом, ср. пример (55).

- (54) *Lauki-u autobus-o // *autobus-q.*
ждать-PRS.1SG автобус-GEN.SG // *автобус-ACC.SG
‘Я жду автобуса’.
- (55) *Lauk-si-u aš tav-ęs atein-a-nt.*
ждать-FUT-1SG я:НОМ ты-GEN.SG придти-PRS-PA
‘Я буду ждать, что ты придешь’ (LKT).

Тем не менее, как мы увидим ниже, генитивное оформление вложенного субъекта при глаголе *laukti* ‘ждать’ не является обязательным; кроме того, сам этот факт не может служить аргументом при выборе между подъемом и ЕСМ.

²⁸ <http://skaityta.lt/review/get/78>

²⁹ http://ct.svs.lt/lmenas/?leid_id=3053&kas:=straipsnis&st_id=6983

³⁰ В Интернете встречаются и примеры с аккузативом; такое оформление, однако, отвергается даже молодыми информантами как ненормативное.

Таким образом, из рассмотренных диагностик подъема три – связывание анафоров, генитив отрицания и порядок слов – оказываются малопоказательными. Единственная диагностика, казалось бы, однозначно свидетельствующая о том, что вложенный субъект является прямым объектом матричного предиката, – это пассивизация. Остановимся на ней подробнее.

По предположению (как представляется, вполне законному, см. подробнее о литовском пассиве [Генюшене 1974; Geniušienė 2006]), способность аккузативной ИГ продвигаться в позицию подлежащего при пассивизации глагола свидетельствует о том, что эта ИГ занимает позицию прямого объекта при этом глаголе³¹. Однако для того, чтобы пассивизация могла рассматриваться как диагностика подъема в конструкциях «аккузатив с причастием», недостаточно продемонстрировать, что аккузативная ИГ является прямым объектом матричного глагола; необходимо также показать, что эта ИГ появилась в данной позиции в результате передвижения, а не была, например, изначально порождена в ней.

Более подробный анализ пассивизации в конструкциях *accusativus cum participio* показывает, что она допускается лишь с довольно ограниченным классом матричных предикатов³²: *girdėti* ‘слышать’, *matyti* ‘видеть’, *vaizduoti* ‘изобразить’, *pristatyti* ‘представить’, *įtarti* ‘подозревать’, *vaizduotis* ‘воображать’, *skųsti* ‘жаловаться’, *suvokti* ‘полагать’, *pripažinti* ‘признать’. Большая часть матричных глаголов, сочетающихся с причастными клаузами, не допускает пассивизации, ср. неграмматичные примеры (56) и (57). Важно, однако, что данное ограничение касается лишь сочетаний этих глаголов с *accusativus cum infinitivo*: как показывают (58) и (59), те же глаголы свободно пассивизируются в обычных клаузах.

(56) *Kaltinam-asis   *buv-o*   *įrody-t-as*   *es-qš*
 обвиняемый-NOM.SG.M.DEF   AUX-PST   доказать-PST.PP-NOM.SG.M   быть-PRS.PA.NOM.SG.M
nekalt-as.

невинный-NOM.SG.M

ожидаемое значение: ‘Было доказано, что обвиняемый невиновен’.

(57) *Kurši-ai   *buv-o*   *suprant-a-m-i*   *es-q*
 курш-NOM.PL   AUX-PST   понять-PRS-PP-NOM.PL.M   быть-PRS.PA.NOM.PL.M
vien-a   *iš*   *latvi-ų*   *potauči-ų*.
 один-INS.SG.F   из   латыш-GEN.PL   племя-GEN.PL

ожидаемое значение: ‘Курши понимались как одно из латышских племен’.

(58) ...*nes*   *ne-buv-o*   *įrody-t-as*   *kyši-o*
 потому.что   NEG-AUX-PST   доказать-PST.PP-NOM.SG.M   взятка-GEN.SG

³¹ В литовском языке допускается пассивизация конструкции с фазовым глаголом, при которой в позицию подлежащего продвигается объект вложенного (смыслового) глагола, ср. пример (i) [Генюшене 1974: 219]:

(i) a. *Tėv-as*   *pradėj-o*   *staty-ti*   *nam-q*.
 отец-NOM.SG   начать-PST   строить-INF   дом-ACC.SG
 ‘Отец начал строить дом’.

b. *Nam-as*   *buv-o*   *pradė-t-as*   *staty-ti*   *(tėv-o)*.
 дом-NOM.SG   AUX-PST   начать-PST.PP-NOM.SG.M   строить-INF   отец-GEN.SG
 ‘Дом начал строиться (букв. «был начат строить») (отцом)’.

Такого рода примеры, однако, свидетельствуют не о возможности какой-либо «дальней пассивизации», но лишь о том, что конструкции с фазовыми глаголами в литовском языке особенно тесно интегрированы, представляя собою скорее не две клаузы, а один сложный предикат (*clause union* или *restructuring*, см. [Wurmbrand 2001]).

³² Этот класс несколько размыт; в частности, разные носители допускают пассивизацию с разными глаголами. Ниже я рассматриваю лишь те глаголы, относительно которых мнения носителей были наиболее единообразны.

émim-o   *fakt-as.*
взятис-GEN.SG   факт-NOM.SG

‘...потому что не был доказан факт получения взятки’ (LKT).

(59) *Jéz-aus*   *asmuo*   *ir*   *J-o*   *misij-a*   *yra*
Иисус-GEN.SG   личность:NOM.SG   и   он-GEN.SG   миссия-NOM.SG   AUX:PRS:3
suprant-a-m-i   *ir*   *be*   *stebukl-ų.*
понять-PRS-PP-NOM.PL.M   и   без   чудо-GEN.PL

‘Личность Иисуса и Его миссия понятны и без чудес’ (LKT).

Таким образом, независимо от того, как интерпретировать пассивные конструкции типа (53), примеры вроде (56) и (57) указывают на то, что аккузативный вложенный субъект при глаголах, не допускающих пассивизации в конструкциях «аккузатив с причастием», занимает позицию, отличную от позиции этой ИГ при глаголах, при которых пассивизация такой конструкции разрешена (ср. во многом сходные выводы относительно конструкций *accusativus cum infinitivo* в латыни в работах [Bolkestein 1979] и [Schoof 2004]).

Вернувшись к конструкциям, допускающим пассивизацию, можно заметить, что почти все они обладают следующим свойством: предложение с таким глаголом в сочетании с причастной клаузой логически имплицирует предложение с вложенным субъектом такой клаузы в функции обычного прямого объекта, ср. пример (60a) и схему (60b). Напротив, с глаголами, не допускающими пассивизацию, такая импликация отсутствует, чаще всего потому, что вложенный субъект причастной клаузы вообще не может выступать в качестве их обычного прямого объекта из-за семантической несочетаемости, ср. (60c).

(60) a. *Mač-ia-u*   *tėv-q*   *parein-ant.*   →   *Mačiau*   *tėv-q.*
видеть-PST-1SG   отец-ACC.SG   прийти-PRS.PA   видеть-PST-1SG   отец-ACC.SG
‘Я видел отца возвращающимся’.   ‘Я видел отца’.

b. V NP_{ACC} V_{PART} → V NP_{ACC}

c. *Sak-ia-u*   *tėv-q*   *parėj-us.*   vs.   *Sakiau   *tėv-q*
сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG   прийти-PST.PA   сказать-PST-1SG   отец-ACC.SG
‘Я сказал, что отец пришел’.   *‘Я сказал отца’.

При пассивизации соответствующие глаголы демонстрируют ту же импликацию, ср. пример (61a) и схему (61b):

(61) a. *Tėv-as*   *buv-o*   *mat-o-m-as*   *parein-qs.*   →
отец-NOM.SG   AUX-PST   видеть-PRS-PP-NOM.SG.M   прийти-PRS.PA-NOM.SG.M
‘Отец был увиден возвращающимся’.

→ *Tėv-as*   *buv-o*   *mat-o-m-as.*
отец-NOM.SG   AUX-PST   видеть-PRS-PP-NOM.SG.M
‘Отец был увиден’.

b. NP_{NOM} V_{PASS} V_{PART} → NP_{NOM} V_{PASS}

Вывод, напрашивающийся при анализе этих данных, состоит в том, что пассивизация сочетания матричного глагола с причастной клаузой допускается лишь в том случае, когда «логический субъект» последней порождается в позиции прямого объекта матричного глагола и получает от него семантическую роль. В таком случае в примерах вроде (61a) или (62) мы имеем дело не с подъемом субъекта пропозиционального актанта в позицию матричного прямого объекта с последующей пассивизацией, ср. схему (63a), а с контролем нулевого субъекта (PRO) причастной клаузы из позиции продвинутого пассивизацией субъекта матричного предиката, ср. схему (63b).

(62) *Jurg-is*   *buv-o*   *pristaty-t-as*
Юргис-NOM.SG   AUX-PST   представить-PST.PP-NOM.SG.M
es-qs   *žurnalist-as.*
быть-PRS.PA.NOM.SG.M   журналист-NOM.SG

‘Юргис был представлен как журналист’.

- (63) a. NP_{NOMi} V_{PASS} t_i [t_i V_{PART}]
 b. NP_{NOMi} V_{PASS} t_i [PRO_i V_{PART}]

Как представляется, ничто не мешает экстраполировать такой анализ и на соответствующие активные предложения вроде (60a) или (64). В таком случае они являются собой случай объектного контроля нулевого субъекта причастия, ср. схему (65a), а не подъема³³, ср. схему (65b).

- (64) *Pristači-a-u* *Jurg-į* *es-a-nt* *žurnalist-u.*
 представить-PST-1SG Юргис-ACC.SG быть-PRS-PA журналист-INS.SG
 ‘Я представил Юргиса журналистом’.

- (65) a. V NP_{ACCi} [PRO_i V_{PART}]
 b. V NP_{ACCi} [t_i V_{PART}]

Следует, однако, указать, что принципиальная допустимость трактовки конструкций «аккузатив с причастием» при глаголах типа *matyti* ‘видеть’, *įtarti* ‘подозревать’ и других, разрешающих пассивизацию, в качестве объектного контроля не исключает при тех же глаголах конструкций иного рода, для которых такая трактовка невозможна. Как хорошо известно (см. сн. 6) и как было отмечено для данных литовских конструкций, например, в работе [Holvoet, Judžentis 2003: 144], глаголы восприятия могут выражать не только непосредственное чувственное восприятие, для которого действительна импликация (60b), но и значения, связанные с непрямым (опосредованным, ментальным) восприятием, для которых такой импликации нет, ср. пример (66), где глагол *girdėti* ‘слышать’ обозначает не непосредственное восприятие ситуации ‘у кого-то неприятности’, а опосредованное чужой речью.

- (66) ...*girdėj-o* *t-q* *turėj-us* *nemalonum-ų.*
 слышать-PST TOT-ACC.SG иметь-PST-PA неприятность-GEN.PL
 ‘...он слышал, что у того неприятности’ (LKT).

Кроме того, даже в значении чувственного восприятия такие глаголы сочетаются с причастными клаузами вовсе без какого-либо «логического субъекта», который мог бы выступать в позиции объекта при матричном глаголе (ср. 67 = 17):

- (67) *Vien-q* *ryt-q* *nubud-ęs* *pro* *lang-q*
 один-ACC.SG утро-ACC.SG проснуться-PST-PA.NOM.SG.M через окно-ACC.SG
pa-mač-ia-u *sning-a-nt.*
 PRV-видеть-PST-1SG идти.О.СНЕГ-PRS-PA
 ‘Однажды утром, проснувшись, я увидел через окно, что идет снег’ (LKT).

Тем самым, корректно будет сказать, что при ряде матричных предикатов, в первую очередь при глаголах восприятия, за конструкциями «аккузатив с причастием» фактически «скрываются» две разные, но поверхностно идентичные синтаксические структуры: с одной стороны, конструкция с объектным контролем (65a) и, с другой стороны, конструкция, структуру которой еще предстоит прояснить. Единственно, представляется обоснованным считать, что пассивные предложения вроде (53), (61a), (62) основаны лишь на конструкциях с объектным контролем; об этом свидетельствует как их

³³ Альтернативный анализ в терминах атрибутивной модификации или вторичной предикации для синхронного анализа таких конструкций не подходит, хотя и отражает их исторические истоки, см. [Амбразас 1990: 141–143]. Дело в том, что в литовском языке атрибуты должны согласовываться с именем, а вторичные предикаты должны выступать в инструментальном падеже, см. [Timberlake 1988; Holvoet 2004; Giparaitė 2010].

семантика, так и тот факт, что те матричные предикаты, для которых анализ в терминах объектного контроля на независимых основаниях маловероятен или невозможен, пассивизации не допускают.

Обратимся теперь к анализу конструкций второго типа, выступающих при матричных предикатах, не допускающих пассивизации в сочетании с *accusativus cum infinitivo*. Анализ в терминах объектного контроля для них заведомо непригоден, потому что вложенный субъект в таких предложениях занимает синтаксическую позицию, отличную от позиции прямого дополнения матричного глагола. Какова эта позиция? Ниже я приведу ряд аргументов за то, что «логический субъект» пропозиционального актанта таких глаголов находится во вложенной клаузе.

Во-первых, как уже было отмечено выше, вложенный субъект не всегда подчиняется правилу о генитиве отрицания: при отрицании матричного глагола данная ИГ может сохранять аккузативное оформление (ср. 68а, 69а и 70а); однако обычный объект при таких глаголах обязательно маркируется генитивом под отрицанием (ср. 68b, 69b и 70b).

- (68) a. *Mit-ai atskleidži-a žmog-ui pači-q gili-qjq*
 миф-NOM.SG открыть-PRS человек-DAT.SG сам-ACC.SG.F глубокий-ACC.SG.F.DEF
ties-q, bet tik tada, kai j-is ne-žin-o
 правда-ACC.SG но только тогда когда он-NOM.SG.M NEG-знать-PRS
j-uos es-a-nt mit-ais.
 он-ACC.PL.M быть-PRS-PA миф-INS.PL
 ‘Мифы открывают человеку самую глубокую правду, но лишь тогда, когда он не знает, что они мифы’³⁴.
- b. *Kaip juokinga, juk net ne-žin-o j-o vard-o.*
 как смешно ведь даже NEG-знать-PRS он-GEN.SG.M имя-GEN.SG
 ‘Как смешно, ведь [она] даже не знает его имени’ (LKT).
- (69) a. *Mokslinink-ai ne-įrod-ė rūkym-q // *rūkym-o*
 ученый-NOM.PL NEG-доказать-PST курение-ACC.SG//*курение-GEN.SG
es-a-nt žaling-u.
 быть-PRS-PA вредный-INS.SG.M
 ‘Ученые не доказали, что курение вредно’.
- b. *...niek-as ne-įrod-ė koki-os nors mūs-ų kalt-ės.*
 никто-NOM.SG.M NEG-доказать-PST какой-GEN.SG.F либо мы-GEN вина-GEN.SG
 ‘...никто не доказал какой-либо нашей вины’ (LKT).
- (70) a. *Ne-suprat-a-u tėv-q // *tėv-o išvyk-us.*
 NEG-понять-PST-1SG отец-ACC.SG // *отец-GEN.SG отбыть-PST.PA
 ‘Я не понял, что отец уехал’.
- b. *Apsimeči-a-u, kad ne-suprat-a-u j-o metafor-ų.*
 притвориться-PST-1SG что NEG-понять-PST-1SG он-GEN.SG.M метафора-GEN.PL
 ‘Я притворился, будто не понимал его метафор’ (LKT).

Хотя выбор между аккузативом и генитивом на вложенном субъекте при отрицании матричного предиката демонстрирует значительные расхождения между носителями, тот факт, что сохранение аккузативного маркирования в данной конструкции вообще возможно, однозначно свидетельствует о том, что между матричным предикатом и вложенным субъектом проходит граница фазы, т. е. клаузы - составляющей типа СР. Появление генитива вместо аккузатива может объясняться, например, перемещением вложенного субъекта на границу фазы, т. е. в спецификатор СР, но в данном случае важно то, что он может находиться и в более низкой структурной позиции.

Еще один важный факт, связанный с этим, состоит в неполном, но весьма существенном совпадении множеств матричных глаголов, не допускающих пассивизации в со-

³⁴ http://aidai.us/index.php?option=com_content&task=view&id=6926&Itemid=471

четании с причастной клаузой и разрешающих аккузативное маркирование вложенного субъекта при отрицании. Очевидно, что оба признака имеют одно и то же объяснение – положение вложенного субъекта в зависимой клаузе, – поэтому вовсе не случайно, что они определенным, хотя и не абсолютным образом между собою коррелируют.

Во-вторых, в позиции вложенного субъекта причастной клаузы допускаются прономиналы (местоимения 3-го лица), корсферентные матричному подлежащему, ср. пример (71a). Связывание прономинала в позиции прямого объекта копредикатным подлежащим в литовском языке запрещено, ср. пример (71b), тем самым примеры вроде (71a) также указывают на границу клаузы, отделяющую вложенный субъект от матричного предложения.

- (71) a. *Jurg-is_i   įtari-a   j-o_{i/j}   žmon-q   j-į   apgaun-a-nt.*
 Юргис-NOM.SG   подозревает-PRS   он-GEN.SG.M   жена   он-ACC.SG.M   обмануть-PRS-PA
 ‘Юргис подозревает, что его (Юргиса/чья-то чужая) жена его обманывает’.
- b. *Jurg-is_i   myl-i   j-o_{i/j}   žmon-q.*
 Юргис-NOM.SG   любить-PRS   он-GEN.SG.M   жена-ACC.SG
 ‘Юргис любит его/*свою жену’.

Следует сразу отметить, что допустимость в позиции вложенного субъекта прономинала никак не зависит от возможности употребить в той же позиции анафор, продемонстрированной выше в примерах (39), (40). Как было указано там же, рефлексивное местоимение в литовском языке является дистантным, т. е. его допустимость в той или иной позиции сама по себе ничего не говорит о синтаксическом «расстоянии» между ней и антецедентом анафора.

В-третьих, в отличие от причастных клауз при глаголах вроде *matyti* ‘видеть’, ср. пример (52), при матричных глаголах, не допускающих пассивизации, не наблюдается ограничений на взаимное расположение вложенного субъекта и обстоятельств, относящихся к причастию, ср. пример (72). Линейный порядок в примере (72b) может быть объяснен лишь расположением вложенного субъекта в зависимой клаузе.

- (72) a. *Sak-ia-u   [Jurg-i   rytoj   atvyk-si-ant].*
 сказать-PST-1SG   Юргис-ACC.SG   завтра   приехать-FUT-PA
 ‘Я сказал, что Юргис приедет завтра’.
- b. *Sak-ia-u   [rytoj   Jurg-i   atvyk-si-ant].*
 сказать-PST-1SG   завтра   Юргис-ACC.SG   приехать-FUT-PA
 ‘=(72a)’

В-четвертых, имеется целый ряд фактов, указывающих на то, что вложенный субъект и причастие образуют единую составляющую. Это такие диагностики, как «эффект крысолова» (*ried-pirping*), пример (73), топиализация, пример (74), и эллипсис, пример (75), – ни один из этих примеров не получил бы объяснения при предположении о подъеме субъекта причастной клаузы в позицию прямого объекта главного предложения.

- (73) *...toliau   perskait-a-u   apie   T-q,   [kur-į   atei-si-ant]_i*
 дальше   читать-PRS-1SG   о   тот-ACC.SG.M   который-ACC.SG.M   прийти-FUT-PA
Jon-as   skelb-ė   t_i...
 Иоанн-NOM.SG   объявить-PST
 ‘...я дальше читаю о Том, Чей приход возвестил Иоанн...’³⁵
- (74) *[Jurg-į   gyven-a-nt   Vilni-uje]_i   ne-žinoj-a-u   t_i.*
 Юргис-ACC.SG   жить-PRS-PA   Вильнюс-LOC.SG   NEG-знать-PST-1SG
 ‘Что Юргис живет в Вильнюсе, я не знал’.

³⁵ www.bernardinai.lt/parapija/laikrastelis/archyvas/lankstinukas%20nr_105.pdf

- (75) *Tėv-as jau žin-o [Jurg-į atvyk-us],*
 отец-NOM.SG уже знать-PRS Юргис-ACC.SG приехать-PST.PA
o motin-a dar ne-žin-o [Jurgi-atvykus].
 а мать-NOM.SG еще NEG-знать-PRS
 ‘Отец уже знает, что Юргис приехал, а мать еще не знает [этого]’.

Наконец, в одном из подтипов конструкции «аккузатив с причастием» аккузативный субъект вложенной клаузы занимает позицию не между матричным глаголом и причастием, а после причастия. Такой порядок характерен для случаев, когда вложенный субъект представляет собой новую информацию и входит в рему, ср. примеры (76) (78). Следует отметить, что порядок «причастие - аккузативный субъект» допускается в том числе при матричных глаголах, разрешающих пассивизацию (ср. 77), и даже при глаголе *laukti* ‘ждать’ (ср. 78)³⁶.

- (76) *Profesori-us ... prisimin-ė [buv-us ant vargon-ų*
 профессор-NOM.SG вспомнить-PST быть-PST.PA на орган-GEN.PL
angel-ų skulptūr-as].
 ангел-GEN.PL скульптура-ACC.PL
 ‘Профессор ... вспомнил, что на органе были скульптуры ангелов’³⁷.

- (77) *...ir mat-o [nuo mišk-o atein-a-nt kareiv-į ...]*
 и видеть-PRS от лес-GEN.SG прийти-PRS-PA солдат-ACC.SG
 ‘...и видит, что со стороны леса идет солдат...’ (LKT).

- (78) *Todėl daugel-is nekantriai lauk-ė*
 поэтому множество-NOM.SG нетерпеливо ждать-PST
[pasirod-a-nt nauj-ojo darb-o].
 появиться-PRS-PA новый-GEN.SG.M.DEF работа-GEN.SG
 ‘Поэтому многие люди с нетерпением ждут, что появится новая работа’ (LKT).

Несколько тестов указывают на то, что в этой линейной позиции вложенный субъект также находится внутри вложенной клаузы. Во-первых, если вложенный предикат – бытийный глагол под отрицанием, то вложенный субъект закономерно оформляется генитивом (ср. 79a и 79b). Это возможно лишь в том случае, если вложенный субъект находится в зависимой клаузе, поскольку приписывание надежда «снизу вверх» не допускается³⁸.

- (79) a. *Tiki-uo-si mano straipsn-yje ne-s-a-nt klaid-ų // *klaid-as.*
 надеяться-PRS.1SG-RFL мой статья-LOC.SG NEG-быть-PRS-PA ошибка-GEN.PL//*ACC.PL
 ‘Я надеюсь, что в моей статье нет ошибок’³⁹.

³⁶ Пример (78) зафиксирован в корпусе; подобные примеры, однако, отвергались моими консультантами, которые предпочитали оформлять вложенный субъект в позиции после причастия аккузативом (см. 85).

³⁷ <http://www.maironiomuzicjus.lt/586>

³⁸ Разумеется, можно предположить, что в примерах, подобных (79a), вложенный субъект сначала получает генитив от зависимого предиката, а затем поднимается в главную клаузу, но никаких разумных оснований для такой гипотезы нет, более того, она опровергается примерами вроде (81).

³⁹ Стоит отметить, что встречаются также примеры вроде (ii), где генитив на вложенном субъекте, располагающемся после причастия, как будто мотивирован отрицанием на матричном глаголе. Такая трактовка, однако, необязательна, поскольку в литовском неререферентный субъект бытийного предиката может оформляться генитивом и без отрицания, ср. ниже пример (88).

- (ii) *Ekspert-ai ne-man-o [es-a-nt problem-ų].*
 эксперт-NOM.PL NEG-считать-PRS быть-PRS-PA проблема-GEN.PL
 ‘Эксперты не считают, что есть проблемы’ (www.beswic.be/fop/lithuania/lt/pdfs/dir93_103_lt.pdf).

b. *Mano straipsn-yje nėra klaid-ų // *klaid-os.*
 мой статья-LOC.SG NEG+быть:PRS:3 ошибка-GEN.PL//ошибка-NOM.PL.
 ‘В моей статье нет ошибок’.

Во-вторых, в позиции вложенного субъекта после причастия допускаются прономиналы, кореферентные матричному субъекту, ср. пример (80).

(80) *Jon-as_i įrod-ė Algird-o_j kambar-yje*
 Йонас-NOM.SG доказать-PST Альгирдас-GEN.SG комната-LOC.SG
buv-us j-o_{ij} šautuv-q.
 быть-PST.PA он-GEN.SG.M ружье-ACC.SG
 ‘Йонас доказал, что в комнате Альгирдаса было его (=Йонаса/Альгирдаса) ружье’.

В-третьих, вложенный субъект, располагающийся после причастия, может интерпретироваться только во вложенной клаузе, что свидетельствует о том, что он не пересекает границы соответствующей фазы. Об этом говорит пример (81), в котором допускается лишь узкая сфера действия квантифицированной ИГ ‘два студента’ по отношению к матричному глаголу⁴⁰. Предложение (81), по мнению моих консультантов, допустимо лишь в ситуации, когда учитель оценивает возможное количество студентов в комнате, не имея в виду никаких конкретных двух студентов (‘во всех возможных мирах, совместимых с мыслями учителя, в комнате находится два студента’), но не в ситуации, когда имеется два конкретных студента, о которых думает учитель (‘существуют два студента, такие что во всех возможных мирах, совместимых с мыслями учителя, они находятся в комнате’).

(81) *Mokytoj-as man-o [kambar-yje es-a-nt du student-us].*
 учитель-NOM.SG считать-PRS комната-LOC.SG быть-PRS-PA два(ACC.PL.M) студент-ACC.PL
 ‘Учитель думает, что в комнате находятся два студента’.

Наконец, наиболее интересно в связи с конструкциями с вложенным субъектом после причастия то, что с некоторыми матричными глаголами вообще не допускаются конструкции *accusativus cum participio* иного типа, т. е. такие, где вложенный субъект располагался бы перед причастием (ср. 82a и 82b). Причины такого ограничения неясны, однако очевидно, что оно никак не может быть объяснено в рамках концепции подъема.

(82) a. **Birut-ė apsimet-ė savo vaikel-į serg-a-nt.*
 Бируте-NOM.SG притвориться-PST свой ребенок-ACC.SG болеть-PRS-PA
 ожидаемое значение: ‘Бируте притворилась, будто у нее болсет ребенок’.
 b. *Birut-ė apsimet-ė savo nam-uose ne-s-a-nt pinig-ų.*
 Бируте-NOM.SG притвориться-PST свой дом-LOC.PL NEG-быть-PRS-PA деньги-GEN.PL
 ‘Бируте притворилась, будто у нее дома нет денег’.

⁴⁰ Ср. обратные эффекты так называемой антиреконструкции (*antireconstruction*) – обязательно широкой сферы действия ИГ, вызывающих «дальнее согласование», - в ительменском, см. [Bobaljik, Wurmbrand 2004: 11–13]; эти эффекты, однако, отсутствуют при дальнем согласовании в цезском, см. [Polinsky, Potsdam 2001: 619]. Для объяснения ительменской антиреконструкции Дж. Бобалик и С. Вурмбранд предполагают механизм объединения клауз (*restructuring*), который по независимым причинам (высокая степень автономности вложенной клаузы) не подходит и не требуется ни для цезского, ни для литовского; при этом если в цезском дальнее согласование возможно лишь с топиализованным (переместившимся на LF в позицию на границе клаузы) аргументом, в литовском не действует даже это требование. Тем самым, забегая вперед, можно сказать, что примеры типа (76) (81) свидетельствуют не только против подъема, но и против ЕСМ в литовских конструкциях *accusativus cum participio*.

Все приведенные факты вполне однозначно свидетельствуют о том, что в той разновидности конструкций «аккузатив с причастием», которая по независимым причинам не может быть описана как объектный контроль, вложенный субъект входит в состав причастной клаузы и образует с нею единую составляющую. Иными словами, ни один из подтипов литовских конструкций *accusativus cum participio* не может быть описан в рамках концепции подъема.

4. МЕХАНИЗМ ПРИПИСЫВАНИЯ ПАДЕЖА ВЛОЖЕННОМУ СУБЪЕКТУ

В рамках «основной» генеративной теории, изложенной в разделе 2 настоящей статьи, имеется лишь две возможности для анализа интересующих нас конструкций: подъем и «исключительное падежное маркирование» (ЕСМ). Соответственно, если эмпирические данные требуют отвергнуть анализ в терминах подъема, остается единственная альтернатива, а именно ЕСМ. Именно такой анализ предлагался (без особенно подробной аргументации) для литовского *accusativus cum participio* в работах [Gronemeyer, Usonienė 2001: 117] и [Greenberg, Lavine 2006: 24].

Тем не менее, как было указано в конце раздела 2, в ряде публикаций последнего времени (см. [Сердобольская 2009] о калмыцком языке, [Sundaresan, McFadden 2009] о тамильском и ряде других языков, [Schoof 2004] о латинском) приводятся данные, ставящие под вопрос идею «исключительного падежного маркирования» как механизма приписывания падежа матричным предикатом зависимому субъекту через границу клаузы и свидетельствующие скорее в пользу того, что падеж выраженного субъекта зависимой клаузы приписывается внутри самой этой клаузы. Ниже я приведу ряд аргументов в поддержку именно такой трактовки литовских конструкций «аккузатив с причастием».

Во-первых, данные конструкции допускаются (хотя и маргинально) с матричными глаголами со своим собственным дополнением в аккузативе (ср. 83). Поскольку ни один литовский глагол не способен приписывать аккузатив сразу двум ИГ с различными семантическими и синтаксическими функциями⁴¹, ИГ *savo tėvą* ‘своего отца’ в данном примере вряд ли может получить свой падеж от матричного глагола.

- (83) *Jurg-is patikin-o policinink-q [savo tėv-q*
Юргис-NOM.SG заверить-PST полицейский-ACC.SG свой отец-ACC.SG
gim-us kaim-e.
родиться-PST.PA деревня-LOC.SG
‘Юргис заверил полицейского, что его отец родился в деревне’.

Во-вторых, как отмечено в статье [Gronemeyer, Usonienė 2001: 117], конструкции «аккузатив с причастием» допускаются и при таких матричных предикатах, которые сами по себе не способны приписывать аккузатив. Например, глагол *tikėti* ‘верить’ обычно управляет дополнением в инструменталисе (ср. 84а), но вложенный субъект причастной клаузы при данном глаголе может оформляться лишь аккузативом (ср. 84b).

- (84) а. *Ar tik-i t-uoll^{??}t-q, k-q kalb-u?*
О верить-PRS.2SG ТО-INS.SG.M//^{??}ТО-ACC.SG ЧТО-ACC.SG говорить-PRS.1SG
‘Ты веришь тому, что я говорю?’
б. *J-ie tikėj-o [valstyb-ę//*valstyb-e j-iems padė-si-ant]*.
ОН-NOM.PL.M верить-PST государство-ACC.SG//*-INS.SG ОН-DAT.PL.M ПОМОЩЬ-FUT-PA
‘Они верили, что государство им поможет’.

⁴¹ Единственный контекст, где в литовском языке допускается «двойной аккузатив», – так называемые «малые клаузы» (*small clauses*), элементы которых связаны предикативным отношением, см. [Giparaitė 2010].

Более сложная ситуация наблюдается с глаголом *laukti* ‘ждать’, который, как было показано выше (см. 54), обычно управляет генитивом. Хотя выше приводились примеры (55) и (78), в которых вложенный субъект причастной клаузы при данном глаголе также оформлен генитивом, мои консультанты предпочитают в таких случаях аккузативное оформление (ср. 85a). Важно отметить, что собственный объект этого глагола в речи тех же носителей может быть маркирован лишь генитивом (ср. 85b)⁴².

- (85) a. *Lauki-u*   *atei-si-ant*   *Aldon-q//*Aldon-os.*
 ждать-PRS.1SG   прийти-FUT-PA   Алдона-ACC.SG//*Алдона-GEN.SG
 ‘Я жду, что придет Алдона’.
- b. *Lauki-u*   *Aldon-os//*Aldon-q.*
 ждать-PRS.1SG   Алдона-GEN.SG//*Алдона-ACC.SG
 ‘Я жду Алдону’.

Допускаются конструкции «аккузатив с причастием» и при матричных предикатах в форме безличного пассива, ср. пример (86) и обсуждение аналогичных латинских примеров в работах [Schoof 2003; 2004: 131 ff.].

- (86) ...*kai*   *man-o-m-a*   [*privači-q*   *iniciatyv-q*   *šal-ies*
 когда   считать-PRS-PP-N   частный-ACC.SG.F   инициатива-ACC.SG   страна-GEN.SG
ūki-ui   *bū-si-ant*   *veiksming-esn-ę*   *už valdišk-q*].
 хозяйство-DAT.SG   быть-FUT-PA   эффективный-CMP-ACC.SG.F   за   государственный-ACC.SG.F
 ‘...когда считается, что частная инициатива более эффективна для хозяйства страны, чем государственная’ (LKT).

В-третьих, показанные в конце раздела 3 конструкции с вложенным субъектом, занимающим позицию после причастия, см. примеры (76)–(82), также противоречат ЕСМ-трактовке, так как в них вложенный субъект находится в синтаксической структуре слишком далеко от матричного глагола. Поскольку в этих примерах вложенный субъект является рематическим и занимает относительно низкое место в структуре причастной клаузы (предположительно в глагольной группе), нельзя предполагать, что на каком-то уровне синтаксического представления (например, на LF) он находится в позиции, доступной для приписывания падежа матричным глаголом. Этим литовские конструкции «аккузатив с причастием» отличаются от конструкций с «дальним согласованием» в цезском, ительменском и пассамакводди, где согласование матричного глагола возможно лишь с топикализованным элементом вложенной клаузы, переместившимся в позицию на границе фазы (на LF, как в ительменском и цезском, либо в поверхностном синтаксисе, как в пассамакводди).

Этих фактов, как кажется, достаточно для того, чтобы поставить под сомнение возможность классического ЕСМ-анализа литовских конструкций: ни один из указанных случаев не может быть описан в терминах приписывания аккузатива вложенному субъекту матричным предикатом, по крайней мере без каких-либо дополнительных и вряд ли мотивированных допущений.

Каким же образом в таком случае вложенный субъект получает падеж? Потенциально возможны два ответа на этот вопрос: (i) падеж приписывается самим причастием; (ii) падеж приписывается «всей конструкцией целиком», т. е. в генеративных терминах, какой-либо функциональной вершиной в составе причастной клаузы. Ниже я покажу,

⁴² Корпусные примеры, сходные с (85a), менее надежны, поскольку нет возможности установить, чем вызвано аккузативное оформление вложенного субъекта: интересующими нас синтаксическими особенностями конструкции *accusativus cum participio* или же наблюдаемым в ненормативной речи замещением при данном глаголе генитива аккузативом вне зависимости от конкретной конструкции.

что в изучаемых литовских конструкциях фактически действуют оба механизма приписывания падежа, но в разных случаях.

Наиболее очевидные случаи приписывания падежа вложенному субъекту непосредственно причастным сказуемым – те, когда в причастной конструкции используются предикаты, субъект которых в независимом предложении оформляется не номинативом, а каким-либо другим падежом. Это, во-первых, предикаты с дативным субъектом (ср. 87a и 87b).

- (87) a. *Tėv-ui reiki-a pagalb-os.*
 отец-DAT.SG нужно-PRS помощь-GEN.SG
 ‘Отцу нужна помощь’.
- b. *Suprat-a-u [tėv-ui reiki-a-nt pagalb-os].*
 понять-PST-1SG отец-DAT.SG нужно-PRS-PA помощь-GEN.SG
 ‘Я понял, что отцу нужна помощь’.

Во-вторых, это случаи маркирования генитивом партитивного субъекта бытийного предиката (ср. 88a и 88b) или приведенные выше случаи такого же оформления субъекта при отрицательном бытийном глаголе (ср. 79a, 82b).

- (88) a. *Net kai rezerv-ų nėra – j-ų yra.*
 даже когда резерв-GEN.PL NEG+быть:PRS:3 он-GEN.PL быть:PRS:3
 ‘Даже когда резервов нет – они (букв. «их») есть’⁴³.
- b. *...kai kur-ie tyrinėtojai man-o [j-ų es-a-nt kel-is milijard-us ton-ų].*
 кое который-NOM.SG.M исследователь-NOM.PL считать-PRS он-GEN.PL быть-PRS-PA
 несколько-ACC.PL.M миллиард-ACC.PL тонна-GEN.PL
 ‘...некоторые исследователи считают, что их несколько миллиардов тонн’⁴⁴.

Все это случаи приписывания субъекту «лексического» (датив при глаголах типа *reikėti* ‘быть нужным’) или «семантического» (партитивный генитив)⁴⁵ падежа непосредственно вложенным глаголом (V) или функциональной вершиной (отрицанием), которые объединяет то, что они в принципе не зависят от грамматической формы глагола (финитная или причастная) и его более широкого окружения. Очевидно, что за accusativus вложенного субъекта, появляющийся только в актантных причастных конструкциях, отвечает какой-то иной механизм приписывания падежа.

Какие элементы зависимой клаузы могли бы приписывать accusativus вложенному субъекту? Очевидным кандидатом на эту роль служит функциональная вершина T, которая, по практически общепринятому в порождающей грамматике предположению, отвечает за приписывание субъекту структурного падежа. В финитной клаузе T приписывает субъекту номинатив, согласуясь с ним по лицу и числу; нечто подобное можно предполагать и для конструкций «номинатив с причастием», где нефинитная вершина T согласуется по роду и числу с номинативным нулевым местоимением⁴⁶. Можно ли считать, что в конструкциях «accusativus с причастием» вершина T приписывает субъекту accusativus? Такое предположение сталкивается с двумя трудностями.

⁴³ <http://www.manokarjera.lt/Default4.aspx?ArticleID=60ea74ab-faad-42f0-a47d-8ae3f782cbfe>

⁴⁴ <http://ausis.gf.vu.lt/mg/nr/99/2/2kadun.html>

⁴⁵ О противопоставлении структурных (structural), лексических (quirky) и семантических (inherent) падежей см., например, работы [Бэбби 1994; Richards 2007; Pesetsky, Torrego 2011].

⁴⁶ Аналогичным образом причастие согласуется по роду и числу с номинативным субъектом эвиденциальных конструкций, в которых причастие выступает, по крайней мере на неформальном уровне описания, в функции финитного сказуемого, см. об этих конструкциях, например [Вимер 2008].

Во-первых, как было только что указано, способность как финитной, так и нефинитной вершины T приписывать падеж (номинатив) субъекту однозначно связана с ее согласованием с ним по таким категориям, как лицо (для финитной T), число и род (для нефинитной T). Во всех случаях, когда субъект получает падеж каким-либо иным способом (например, непосредственно от лексической вершины V), согласование с ним отсутствует. Разумеется, в данном случае речь идет о приписывании номинатива, однако данное обобщение можно экстраполировать и на иные случаи: если бы T могла приписывать, например, accusativus вложенному субъекту, то почему она не способна согласовываться с ним?⁴⁷ Таким образом, можно по крайней мере предположить, что T в конструкциях *accusativus cum participio* не приписывает падежа.

Во-вторых, предположение о том, что источником accusativus вложенного субъекта служит причастная вершина T, сталкивается с менее умоглядной сложностью. Дело в том, что, как было показано в разделе 1, точно такая же причастная морфология возникает в конструкциях с сентенциальными сирконстантами, где вложенный субъект маркируется дативом, а не accusativus, ср. пример (89a) с повторенным для наглядности примером (20b) (= 89b).

- (89) a. *Tėv-as sak-ė [vaik-us sugriž-us].*
 отец-NOM.SG сказать-PST ребенок-ACC.PL вернуться-PST.PA
 'Отец сказал, что дети вернулись'.
 b. [*Vaik-ams sugriž-us*], *pragydo lakštingal-a.*
 ребенок-DAT.PL вернуться-PST.PA запеть-PST соловей-NOM.SG
 'Когда дети вернулись, запел соловей' [Ambrazas (ed.) 1997: 363].

Важно отметить, что, как можно заключить на основании данных, приведенных в статье [Greenberg, Lavine 2006], механизм приписывания падежа субъекту в конструкциях *dativus cum participio* типа (89b) на синхронном уровне ничем существенным не отличается от механизма падежного маркирования субъекта в конструкциях *accusativus cum participio* типа (89a). В частности, субъект причастного сирконстанта может оформляться не дативом, а генитивом при бытийных глаголах в утвердительной, пример (90), и отрицательной, пример (91), формах.

- (90) *Es-a-nt pinig-ų, j-ose galė-tų ilsė-ti-s ...*
 быть-PRS-PA деньги-GEN.PL он-LOC.PL.F мочь-SBJV:3 отдыхать-INF-REFL
rajon-o vaik-ai.
 район-GEN.SG ребенок-NOM.PL
 'Если бы были деньги, там могли бы отдыхать ... дети из района'⁴⁸.
 (91) *Ne-s-a-nt galimyb-ės daugiau k-q išleisti, turėj-a-u*
 NEG-быть-PRS-PA возможность-GEN.SG больше что-ACC выпускать должен-PST-1SG
nusto-ti raš-ęs.
 перестать-INF писать-PST.PA.NOM.SG.M
 'Поскольку не было больше возможности что-либо выпускать, я был вынужден перестать писать' (LKT).

Поскольку нет оснований (вопреки [Greenberg, Lavine 2006]) считать, что датив в примерах типа (89b) и accusativus в примерах типа (89a) обусловлены разными вершинами, гипотеза о приписывании accusativus в причастных актантах вершиной T имплицитно, что датив в причастных сирконстантах также приписывается той же вершиной T.

⁴⁷ Строго говоря, согласование причастия с accusativus вложенным субъектом было возможно в старолитовском [Ambrazas 1990: 143] и даже иногда допускается в современном языке; однако факультативность данного согласования указывает на иной механизм, нежели тот, что имеет место при номинативном субъекте.

⁴⁸ <http://www.grokiskis.lt/lt/temos/dienos-tema/2009/05/05/vasaros-poilsis-ir-daugybe-klaustuku>

Это предположение не кажется привлекательным по следующим причинам. Во-первых, постулирование двух разных вершин T (вдобавок к необходимой независимо от этого финитной T), имеющих идентичную морфологическую реализацию и одинаковую семантику (ведь нет причин считать, что темпоральная интерпретация причастных сирконстантов чем-либо отличается от таковой причастных актантов; существенные различия между ними в значении и контекстах употребления могут быть обусловлены лишь наиболее внешней вершиной этих конструкций, т. е. нулевым комплементаризером C), но приписывающих различные падежи, явно неэкономно. Во-вторых, выбор одной из этих гипотетических вершин в составе причастной клаузы должен быть полностью обусловлен селективными требованиями более высокой вершины C, отвечающей за интерпретацию и ряд синтаксических свойств конструкции (о наличии такой вершины в причастных конструкциях обоих типов говорит целый ряд фактов, в том числе рассмотренных выше), что делает постулирование «аккузативной» и «дательной» вершин T не только неэкономным, но и явно избыточным.

В свете изложенного представляется разумным связать различие в падеже субъекта в конструкциях *dativus cum participio* и *accusativus cum participio* с той вершиной, которая ответственна за интерпретацию и употребление данных конструкций, т. е. с фонологически невыраженным комплементаризером C. Способность комплементаризера приписывать падеж элементам вводимой им клаузы подтверждается фактами английского (конструкции с *for ... to*, см., например [Chomsky 1981: 164]) и арабского (союз *inna* ‘что’ требует аккузатива субъекта, см., например [Fehri 1993; Al-Balushi 2010]) языков, а для нулевых комплементаризеров аргументируется на совершенно независимых от настоящего обсуждения основаниях в работе [Landau 2008: 898]. В литовском языке такой анализ представляется привлекательным также в свете конструкций с целевыми инфинитивами, где наблюдается «исключительное» маркирование на этот раз не субъекта, а объекта дативом (об этих конструкциях см., например, статью [Franks, Lavine 2006], с данными и выводами которой я во многом не согласен, а также [Ambrazas 1981]), ср. пример (92a). Падеж объекта в таких конструкциях не может быть приписан ни инфинитивом, который сам по себе не способен менять падеж объекта, ср. пример (92b) с актантным инфинитивом, ни тем более глаголом или именем, от которого зависит инфинитивная клауза (предположение, что практически любой литовский глагол и тем более существительное способны приписывать датив, представляется невероятным).

- (92) a. *Mes pastat-ė-me ligonin-ę [gydy-ti vaik-ams].*
 мы:НОМ построить-РСТ-1РЛ больница-АСС.СГ лечить-ИНФ ребенок-ДАТ.РЛ
 ‘Мы построили больницу, чтобы лечить детей’.
- b. *Mes nor-i-me [gydy-ti vaik-us].*
 мы:НОМ хотеть-ПРС-1РЛ лечить-ИНФ ребенок-АСС.РЛ
 ‘Мы хотим лечить детей’.

Наиболее естественная трактовка конструкций, подобных (92a), состоит в том, что они возглавляются нулевым комплементаризером с семантикой цели и способностью приписывать датив прямому объекту⁴⁹, ср. схему (93), и аналогичным образом кажется разумным анализировать конструкции с причастными актантами, ср. схему (94a), и сирконстантами, ср. схему (94b).

- (93) [_{CP} C_{[GOAL][+DAT]} [_{TP} PRO T_{INF} + V NP_{DAT}]]

⁴⁹ Данный механизм, по-видимому, аналогичен обязательной замене аккузатива объекта на генитив при отрицании; здесь также падеж, требуемый более высокой функциональной вершиной, оказывается «сильнее» падежа, приписываемого в более локальной синтаксической конфигурации, ср. в этой связи [Richards 2007; Erschler 2009; Matushansky 2008; 2010].

- (94) a. ...[_{VP} V [_{CP} C_[+ACC] [_{TP} NP_{ACC} T_{PART} + V ...]]]
- b. [_{CP} C_[+DAT] [_{TP} NP_{DAT} T_{PART} + V ...]] [_{TP} ...]

Повторю, что постулирование нескольких фонологически невыраженных комплементаризаторов в данном случае теоретически оправдано, поскольку они необходимы не только для приписывания нужного падежа элементам нефинитных клауз, но и в первую очередь для корректного отражения их семантических и сочетаемостных свойств.

Такой анализ решает сразу несколько проблем. Во-первых, он позволяет дать единообразное объяснение целому ряду явлений литовской грамматики, связанных с падежным маркированием актантов нефинитных предикаций. Во-вторых, поскольку падежное маркирование при такой трактовке не пересекает границы фазы, данный анализ позволяет обойти неизбежные проблемы, возникающие при гипотезе об «исключительном падежном маркировании» в примерах с аккузативным субъектом в позиции после причастия, ср. схему (95) (в данном случае я полагаю, что субъект бытийного или синонимичного ему предиката порождается внутри глагольной группы и в ходе деривации остается *in situ*, в то время как глагол стандартным образом поднимается в вершину T).

- (95) [_{VP} V [_{CP} C_[+ACC] [_{TP} T_{PART} + V_i [_{VP} NP_{ACC} t_i]]]]

Проблему для изложенной выше концепции составляют лишь примеры с генитивным маркированием вложенного субъекта при отрицании матричного глагола и при глаголе *laukti*. Первые можно объяснить тем, что вложенный субъект, получив аккузатив от комплементаризатора, поднимается в его спецификатор, где оказывается доступным для падежного маркирования со стороны элемента главной клаузы, ср. схему (96). Вторые, особенно примеры типа (78) с рематическим вложенным субъектом в генитиве, таким образом объяснены быть не могут и в любом случае требуют какого-то специфического анализа и дальнейшего изучения.

- (96) ... [_{NegP} NEG_[+GEN] [_{VP} V [_{CP} NP_{ACC GENi} C_[+ACC] [_{TP} t_{ACCi} T_{PART} + V ...]]]]

Таким образом, если отвлечься от конкретных теоретических концепций и описательных моделей, можно сделать следующие выводы о падежном маркировании в конструкциях *accusativus cum participio* в литовском языке:

1. Механизм приписывания аккузатива вложенному субъекту причастной клаузы отличается от механизма падежного маркирования обычных прямых объектов; в частности, появление аккузатива на вложенном субъекте не зависит от способности матричного предиката приписывать этот падеж.

2. Падежное маркирование вложенного субъекта не зависит от его места в поверхностно-синтаксической и линейной структуре причастной клаузы и от ограничений на локальность приписывания падежа, обычно постулируемых для явлений «исключительного падежного маркирования» и «дальнего согласования».

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье было предложено описание и генеративная теоретическая интерпретация конструкций «аккузатив с причастием» в литовском языке (а также, по необходимости, краткий анализ ряда смежных конструкций), основанные на их употреб-

лении в современном литовском языке, отраженном в материале Интернета, корпуса текстов и в данных, полученных методом опроса носителей языка. Основные выводы исследования можно суммировать следующим образом.

1. Конструкции *accusativus cum participio* являются важным средством оформления пропозиционального актанта при практически неограниченном и семантически мотивированном классе матричных предикатов, обозначающих или способных обозначать восприятие, коммуникацию и иные виды пропозициональных установок. В этом отношении литовские конструкции подобны аналогичным конструкциям в латышском [Eiche 1983], древнегреческом [Cristofaro 2008; 2011], латинском [Schoof 2004], английском и многих других языках.

2. Литовские конструкции указанного типа представляют собой полноценные клаузы, в которых наблюдаются противопоставления видо-временных значений и даже актуальное членение, не зависящие от матричного предложения. В этом отношении такие клаузы, несмотря на свой нефинитный характер, демонстрируют высокую степень семантической и синтаксической автономности, а с точки зрения генеративной грамматики могут трактоваться как составляющие уровня CP.

3. Конструкции *accusativus cum participio* входят в целый ряд парадигматических противопоставлений с другими типами оформления зависимых пропозиций. Конструкциям с подчинительными союзами они противопоставлены в основном на регистровых и социолингвистических основаниях; конструкциям *dativus cum participio* – как актантные клаузы сирконстантным; конструкциям с зависимым инфинитивом – как имеющие временную референцию, независимую от таковой главной клаузы. Наконец, конструкциям *poimnativus cum participio*, разделяющим с ними все основные содержательные свойства, конструкции «аккузатив с причастием» противопоставлены по синтаксическому признаку несовпадения «логического субъекта» вложенной предикации с номинативным субъектом главной.

4. Конструкции *accusativus cum participio* распадаются на два типа, отличающихся семантическими и морфосинтаксическими характеристиками. В конструкциях первого типа «логический субъект» причастной клаузы порождается и интерпретируется в позиции прямого дополнения матричного предиката, т. е. такие конструкции демонстрируют случаи объектного контроля. Этот подтип сочетается с ограниченным набором матричных глаголов. Только в конструкциях этого типа допускается продвижение «логического субъекта» причастия в позицию подлежащего при пассивизации главного сказуемого, и только в них «логический субъект» причастия обязательно маркируется генитивом при отрицании матричного глагола.

5. Конструкции второго типа допускаются при существенно более широком круге матричных предикатов и являют собой структуры, где по целому ряду признаков «логический субъект» причастия находится во вложенной клаузе и образует с ним единую составляющую. Это подтверждается запретом на продвижение данной ИГ при пассивизации матричного глагола, необязательностью или невозможностью его генитивного оформления при отрицании матричного глагола, допустимостью в этой позиции прономиналов, кореферентных подлежащему главного предложения, тестами на передвижение, эллипсис и позицию обстоятельств. Таким образом, ни один из типов литовских конструкций *accusativus cum participio* не допускает трактовки в терминах подъема субъекта зависимой клаузы в позицию прямого дополнения главной.

6. Конструкции второго типа, не являющиеся конструкциями объектного контроля, не могут быть описаны и в рамках концепции «исключительного падежного маркирования». Как было показано, аккузатив вложенного субъекта допускается и в тех случаях, когда нельзя предполагать его приписывание матричным предикатом – либо по причине неспособности последнего приписывать аккузатив, либо из-за нелокального отношения между вложенным субъектом и матричным предикатом. Вместо этого была выдвинута гипотеза, что аккузатив приписывается вложенному субъекту нулевым комплементаризатором в составе причастной клаузы. Такой анализ получает независимые подтверждения как типологического, так и внутриязыкового характера и может быть

естественным образом распространен на целый ряд других литовских конструкций с «неканоническим» маркированием актантов в нефинитных клаузах.

Тем самым, литовские данные, проанализированные в настоящей статье, служат аргументом против получившей широкое распространение концепции «исключительного падежного маркирования» и проливают дополнительный свет на внутреннее устройство, синтаксические свойства и механизмы падежного маркирования в пропозициональных актантах в языках мира.

СОКРАЩЕНИЯ

III – согласовательный класс, ACC – аккумулятив, ASSOC – ассоциатив, AUX – вспомогательный глагол, CMP – сравнительная степень, CNJ – подчиненная форма, CNT – континуатив, CNV – конверб, COMPL – комплетив, CP – группа комплементаризера, DAT – датив, DEF – определенность, ERG – эргатив, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, GOAL – цель, HAB – хабиуталис, INF – инфинитив, INS – инструменталис, LOC – локатив, M – мужской род, N – «средний род» (дефолтное согласование), NEG – отрицание, NML – номинализация, NOM – номинатив, NP – именная группа, OBJ – объект, PA – активное причастие, PART – причастие, PASS – пассив, PL – множественное число, POS – положительная полярность, PP – пассивное причастие, PROG – прогрессив, PRS – настоящее время, PRV – преверб, PST – прошедшее время, Q – вопросительность, RFL – рефлексив, SVJ – субъект, SVJV – сослагательное наклонение, SG – единственное число, TOP – топик, TP – группа времени, VP – глагольная группа

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амбразас 1990 – *В. Амбразас*. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс, 1990.
- Амбразас (ред.) 1985 – *В. Амбразас* (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Бэбби 1994 – *И.Х. Бэбби*. Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемого синтаксическим контекстом // *ВЯ*. 1994. № 2.
- Вимер 2008 – *Б. Вимер*. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // *В.С. Храковский* (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб., 2008.
- Вимер 2009 – *Б. Вимер*. Таксис в литовском языке // *В.С. Храковский* (ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Генюшене 1974 – *Э.Ш. Генюшене*. Диатезы и залогов в современном литовском языке // *А.А. Холодович* (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
- Жуперка 1969 – *К. Жуперка*. Синонимия придаточных предложений и причастных, полупричастных, деепричастных оборотов в современном литовском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вильнюс, 1969.
- Сердобольская 2005 – *Н.В. Сердобольская*. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Сердобольская 2009 – *Н.В. Сердобольская*. Аккумулятив субъекта в зависимой предикации: за и против подъема аргумента в калмыцком языке // *С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская* (ред.). Исследования по грамматике калмыцкого языка. СПб., 2009.
- Al-Balushi 2010 – *R. Al-Balushi*. The licensing of structural case in Standard Arabic // *Proceedings of the 2010 Annual conference of the Canadian linguistics association*. Montreal, 2010.
- Ambrazas 1979 – *V. Ambrazas*. Lietuvių kalbos dalyvių istorinė sintaksė. Vilnius, 1979.
- Ambrazas 1981 – *V. Ambrazas*. Zur Geschichte einer indoeuropäischen Konstruktion (Dativus cum infinitivo im Baltischen) // *Kalbotyra*. 1981. T. 32. № 3.
- Ambrazas (ed.) 1997 – *V. Ambrazas* (ed.). Lithuanian grammar. Vilnius, 1997.
- Arkadiev 2011 – *P.M. Arkadiev*. Participial complementation in Lithuanian // *V. Gast, H. Diessel* (eds.). *Clause combining in cross-linguistic perspective*. Berlin; New York, 2011.
- Aygen 2002 – *G. Aygen*. Finiteness, case and clausal architecture. PhD diss. Harvard University, 2002.
- Bobaljik, Wurmbrand 2004 – *J.D. Bobaljik, S. Wurmbrand*. Long distance object agreement, restructuring and anti-reconstruction // *Proceedings of NELS 33*. 2004.
- Bolkestein 1979 – *A.M. Bolkestein*. Subject-to-object raising in Latin? // *Lingua*. 1979. V. 48.

- Bruening 2001 *B. Bruening*. Syntax at the edge: Cross-clausal phenomena and the syntax of Passamaquoddy. PhD diss. MIT, 2001.
- Chomsky 1973 *N. Chomsky*. Conditions on transformations // S. Anderson, P. Kiparsky (eds.). A Festschrift for Morris Halle. New York, 1973.
- Chomsky 1981 *N. Chomsky*. Lectures on government and binding. The Pisa lectures. Dordrecht, 1981.
- Chomsky 2000 – *N. Chomsky*. Minimalist inquiries: The framework // R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka (eds.). Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik. Cambridge (Mass.), 2000.
- Chomsky 2001 *N. Chomsky*. Derivation by phase // M. Kenstowicz (ed.). Ken Hale: Life in language. Cambridge (Mass.), 2001.
- Chomsky 2005 *N. Chomsky*. Three factors in language design // *LIn*. 2005. V. 36. № 1.
- Chomsky 2008 *N. Chomsky*. On phases // R. Freidin, C.P. Otero, M.L. Zubizarreta (eds.). Foundational issues in linguistic theory: Essays in honor of Jean-Roger Vergnaud. Cambridge (Mass.), 2008.
- Cole, Hermon 1980 *P. Cole, G. Hermon*. Subjecthood and islandhood: Evidence from Quechua // *LIn*. 1981. V. 12. № 1.
- Cristofaro 2003 *S. Cristofaro*. Subordination. Oxford, 2003.
- Cristofaro 2008 *S. Cristofaro*. A constructionist approach to complementation: Evidence from Ancient Greek // *Linguistics*. 2008. V. 46. № 3.
- Cristofaro 2011 *S. Cristofaro*. Participial and infinitival complement sentences in Ancient Greek // V. Gast, H. Diessel (eds.). Clause combining in cross-linguistic perspective. Berlin; New York, 2011.
- Davies, Dubinsky 2004 *W.D. Davies, S. Dubinsky*. The grammar of raising and control. A course in syntactic argumentation. Oxford, 2004.
- Dik, Hengeveld 1991 – *S. Dik, K. Hengeveld*. The hierarchical structure of the clause and typology of perception verb complements // *Linguistics*. 1991. V. 29. № 2.
- Eiche 1983 – *A. Eiche*. Latvian declinable and indeclinable participles. Their syntactic function, frequency and modality. Stockholm, 1983.
- Enghels 2009 – *R. Enghels*. The syntactic position of the perceived participant as indicator of the internal structure of the Spanish and French infinitival complement // *Linguistics*. 2009. V. 47. № 3.
- Erschler 2009 *D. Erschler*. On case conflicts in Russian: An optimality-theoretic approach // G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertová, P. Biskup (eds.). Studies in formal Slavic phonology, morphology, syntax, semantics and information structure. Proceedings of FDSL 7, Leipzig 2007. Frankfurt am Main, 2009.
- Fehri 1993 – *A.F. Fehri*. Issues in the structure of Arabic clauses and words. Dordrecht, 1993.
- Franks, Lavine 2006 *S. Franks, J.E. Lavine*. Case and word order in Lithuanian // *JL*. 2006. V. 42. № 1.
- Gast 2010 – *V. Gast*. Complements of perception verbs in selected European languages. Presentation at the «Workshop on clausal complements in cross-linguistic perspective». Berlin, 2010.
- Geniušienė 2006 – *E. Geniušienė*. Passives in Lithuanian (in comparison with Russian) // W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and typology. Form and function. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Giparaitė 2010 *J. Giparaitė*. The non-verbal type of small clauses in English and Lithuanian. Newcastle upon Tyne, 2010.
- Greenberg, Lavine 2006 – *G. Greenberg, J.E. Lavine*. New syntax in Russian and Lithuanian: The case of the adverbial participle // R. Rothstein, E. Scatton, Ch. Townsend (eds.). Studies in Slavic linguistics and folklore. Bloomington (IN), 2006.
- Gronemeyer, Usonienė 2001 – *C. Gronemeyer, A. Usonienė*. Complementation in Lithuanian // C. Gronemeyer. Laying the boundaries of syntax: Studies in the interfaces between syntax, semantics and lexicon. Lund, 2001.
- Holvoet 2004 *A. Holvoet*. On the marking of predicate nominals in Baltic // P. Baldi, P.U. Dini (eds.). Studies in Baltic and Indo-European linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 2004.
- Holvoet, Judžentis 2003 *A. Holvoet, A. Judžentis*. Sudėtinio prijungiamojo sakinio aprašymo pagrindai // A. Holvoet, A. Judžentis (red.). Lietuvių kalbos gramatikos darbai. 2. Sintaksinių ryšių tyrimai. Vilnius, 2003.
- Hornstein 2003 – *N. Hornstein*. On control // R. Hendrick (ed.). Minimalist syntax. Oxford, 2003.
- Kornfilt 2008 – *J. Kornfilt*. DOM and two types of DSM in Turkish // H. de Hoop, P. de Swart (eds.). Differential subject marking. Dordrecht, 2008.
- Landau 2008 *I. Landau*. Two routes of control: Evidence from case transmission in Russian // *Natural language and linguistic theory*. 2008. V. 26. № 3.

- Lasnik 2001 – *H. Lasnik*. Subjects, objects, and the EPP // W.D. Davies, S. Dubinsky (eds.). Objects and other subjects: Grammatical functions, functional categories, and configurationality. Dordrecht, 2001.
- Lasnik, Saito 1991 – *H. Lasnik, M. Saito*. On the subject of infinitives // Proceedings of the 27th Regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1991.
- Matushansky 2008 – *O. Matushansky*. A case study of predication // F. Marušič, R. Žaucer (eds.). Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from FDSL 6.5. Frankfurt am Main, 2008.
- Matushansky 2010 – *O. Matushansky*. Some cases of Russian // G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, E. Pshekhotskaya (eds.). Studies in formal Slavic linguistics. Proceedings of FDSL 7.5. Frankfurt am Main, 2010.
- Muysken, Lefebvre 1988 – *P. Muysken, C. Lefebvre*. Mixed categories. Nominalizations in Quechua. Dordrecht, 1988.
- Pesetsky, Torrego 2011 – *D. Pesetsky, E. Torrego*. Case // C. Boeckx (ed.). The Oxford handbook of linguistic minimalism. Oxford, 2011.
- Polinsky, Potsdam 2001 – *M. Polinsky, E. Potsdam*. Long-distance agreement and topic in Tsez // Natural language and linguistic theory. 2001. V. 19. № 3.
- Postal 1974 – *P.M. Postal*. On raising. Cambridge (Mass.), 1974.
- Richards 2007 – *N. Richards*. Lardil «case stacking» and the structural/inherent case distinction. Ms., 2007 (<http://web.mit.edu/norvin/www/papers/Lardil.pdf>).
- Rizzi 1997 – *L. Rizzi*. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). Elements of Grammar. Dordrecht, 1997.
- Schoof 2003 – *S. Schoof*. Impersonal and personal passivization of Latin infinitive constructions: A scrutiny of the constructions called Acl // J.-B. Kim, S. Wechsler (eds.). Proceedings of the 9th International conference on HPSG. Stanford (CA), 2003.
- Schoof 2004 – *S. Schoof*. An HPSG account of nonfinite verbal complements in Latin. Groningen dissertations in linguistics 51. 2004.
- Şener 2008 – *S. Şener*. Non-canonical case licensing is canonical: Accusative subjects of CPs in Turkish. Ms., 2008 (lingBuzz/000759).
- Sundaresan, McFadden 2009 – *S. Sundaresan, Th. McFadden*. DP distribution, finiteness and control in Tamil and other languages: selection vs. case // Journal of South Asian linguistics. 2009. V. 2.
- Tangl 1928/1999 – *E. Tangl*. Der Accusativus und Nominativus cum Participio im Altltitaischen. Dissertation. Berlin, 1928 (переизд. в: Res Balticae. 1999. Т. 5).
- Timberlake 1988 – *A. Timberlake*. Case agreement in Lithuanian // M. Barlow, Ch.A. Ferguson (eds.). Agreement in natural language: Approaches, theories, descriptions. Stanford (CA), 1988.
- Usonienė 2001 – *A. Usonienė*. On direct/indirect perception with verbs of seeing and seeming in English and Lithuanian // Working papers, Lund University, Dept. of linguistics. V. 48. 2001.
- Viberg 2001 – *Å. Viberg*. Verbs of perception // M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and linguistic universals. An international encyclopaedia. V. 2. Berlin; New York, 2001.
- Wurmbrand 2001 – *S. Wurmbrand*. Infinitives. Restructuring and clause structure. Berlin; New York, 2001.
- Zidani-Eroğlu 1997 – *L. Zidani-Eroğlu*. Exceptionally case-marked NPs as matrix objects // LIn. 1997. V. 28. № 2.

Сведения об авторе:

Аркадьев Пётр Михайлович
Институт славяноведения РАН,
Институт лингвистики РГГУ
peterarkadiev@yandex.ru

© 2011 г. К.В. АНТОНЯН

ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматриваются грамматические категории прилагательного в китайском языке: оформление прилагательных глагольными видовыми показателями, функционирование прилагательного в качестве первого компонента результативной конструкции и форм потенциального наклонения, сочетаемость прилагательных с грамматикализованными модификаторами (дополнительными элементами направления), имеющими видовые значения.

1. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В современном китайском языке (СКЯ) прилагательное по своим свойствам чрезвычайно близко к глаголу. А.А. Драгунов и С.Е. Яхонтов объединяют глаголы и прилагательные в системе частей речи китайского языка в одну общую категорию – категорию предикатива [Драгунов 1952: 12, 159; 1962: 63–68; Яхонтов 1957: 12–13]. Важнейшими чертами категории предикатива, в противоположность категории имени, являются следующие: способность без связки выступать в роли сказуемого; способность сочетаться с отрицаниями *bu* и *mei*.

Американский исследователь Чжао Юаньжэнь рассматривает прилагательное как один из подтипов глагола, называя слова этой категории как прилагательными, так и непереходными глаголами со значением качества (*intransitive quality verbs*). Наряду с этой категорией Чжао Юаньжэнь выделяет также глаголы состояния (*status verbs*), являющиеся непереходными, и переходные глаголы со значением качества (*transitive quality verbs*) [Chao 1968: 662–670]. Свойства прилагательных, глаголов состояния и переходных глаголов со значением качества оказываются во многом сходными, различаясь в основном типичностью и частотностью.

Основные формальные отличия прилагательного от глагола в китайском языке таковы.

В позиции определения к существительному глагол всегда требует оформления атрибутивной частицей *de*, прилагательное же допускает употребление и без такого оформления.

Прилагательное характеризуется ограниченной предикативностью: оно может быть употреблено в позиции сказуемого без специального оформления (в частности, наречием *hen* ‘очень’) лишь в определенных контекстных условиях.

Форма удвоения у прилагательного имеет иное значение и образуется иначе, чем у глагола. У глагола она имеет значение кратковременности действия, у прилагательного – значение интенсивности признака. При удвоении односложного глагола в удвоенной форме тонируется только первый слог, второй произносится нейтральным тоном. При удвоении односложного прилагательного тонируются оба слога, но тон второго слога – обязательно первый. При удвоении двусложного глагола, состоящего из двух синонимичных морфем (АВ), глагол удваивается целиком (АВАВ), при удвоении же двусложного прилагательного, состоящего из двух синонимичных морфем, удвоение происходит по модели ААВВ [Драгунов 1952: 159–175, Яхонтов 1957: 12–15].

Свойства прилагательных в китайском языке рассматривались как в некоторых общих грамматиках китайского языка [Драгунов 1952; Chao 1968; Shiyong 1983; Горелов

1989], так и в специальных исследованиях, посвященных глаголу и прилагательному [Zhu Dexi 1956/1985; Яхонтов 1957; Кишинский 1970]¹.

Однако вопрос о грамматических категориях прилагательного и, в частности, вопрос о сочетаемости прилагательных с глагольными видовыми показателями и глагольными модификаторами (дополнительными элементами), остается в китаистике малоисследованным. Как правило, отмечается только, что способность прилагательных присоединять видовые показатели и модификаторы ограничена.

Кроме того, описание грамматических свойств служебных слов, морфологических и синтаксических конструкций нередко делается «под глагол»². То, что присоединять эти служебные слова или участвовать в этих конструкциях могут также и прилагательные, зачастую остается «за кадром». Между тем, эти случаи, безусловно, заслуживают не только упоминания, но и особого, отдельного толкования. В частности, ниже мы постараемся показать, что формы потенциального наклонения имеют несколько другое значение в случаях, когда они образуются от прилагательного, а не от глагола. Мы полагаем, что более правильно было бы формулировать свойства служебных слов, а также морфологических и синтаксических конструкций не для глаголов, а для предикативов вообще, и делать необходимые уточнения для различных разрядов предикативов.

Таким образом, задача данной работы – исследование грамматических свойств прилагательных в предикативной функции (то есть в роли сказуемого), а именно, их сочетаемости с видовыми показателями и модификаторами, а также их способности образовывать формы потенциального наклонения. Заметим, что, по данным С. Томпсон, в СКЯ из 340 употреблений прилагательных в спонтанной устной речи 71 % приходится именно на предикативную функцию и лишь 29 % – на атрибутивную, см. [Thompson 1988: 179].

Мы полагаем, что такое исследование позволило бы, с одной стороны, более четко определить место прилагательных в системе частей речи китайского языка, а с другой стороны – уточнить определения и описания ряда служебных слов, а также морфологических и синтаксических конструкций СКЯ.

Опубликованные в последние годы в КНР толковые словари и словари сочетаемости, в частности словарь «Восемьсот слов современного китайского языка» [ХНВС 1984/2007], «Словарь сочетаемости глаголов» [DCYF 1987], «Новый полифункциональный словарь китайского языка» [DGNC 1989], «Словарь сочетаемости прилагательных» [XRCYF 1991], «Новый словарь китайского языка» [ХВНУСД 1990], «Словарь современного китайского языка» [DDHYCD 2001], а также новые исследования китайских ученых в области семантики предикативных комплексов позволяют подойти к этой проблеме на новом уровне и, в частности, обследовать достаточно большие и репрезентативные массивы лексических единиц.

2. ОФОРМЛЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-СКАЗУЕМЫХ ВИДОВЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ (*LE*, *GUO*, *ZHE*)

1. Показатель совершенного вида (*le*₁) и конечная модальная частица (*le*₂).

Грамматисты различают две омонимичные служебные морфемы: показатель совершенного вида (*le*₁), оформляющий сказуемое, и конечную модальную частицу (*le*₂), оформляющую предложение в целом [Chao 1968: 691–692; ХНВС 1984: 314; Shiyong 1983: 98].

¹ Об истории изучения прилагательного в китайском языке см., в частности, [Кондрашевский 2008].

² Так, например, *le*, *guo*, *zhe* традиционно именуется в китаистике глагольными видовыми или глагольными видо-временными показателями (в западном китаеведении – *verbal aspect markers*, см. [Li, Thompson 1981: 185]). Ср. также определения результативных глаголов и форм потенциального наклонения в [Задосенко, Хуан Шуин 1986: 266–269] – этому будет специально посвящен раздел 3 данной работы.

Предложения со сказуемыми-прилагательными часто оформляются конечной модальной частицей (*le*₂), которая, как отмечает А.А. Драгунов, «при качественном сказуемом употребляется в двух основных функциях (которые, конечно, могут и перекрещиваться): в тех случаях, когда говорящий желает противопоставить то, что есть, тому, что было (временная функция), и в тех случаях, когда говорящий желает противопоставить одну степень интенсивности – другой (сравнительно-оценочная функция)» [Драгунов 1952: 161]. Ср. *Ta de toufa bai le* ‘Его волосы поседели’ (временная функция), *Tai gui le!* ‘Слишком уж дорого!’ (сравнительно-оценочная функция).

Прилагательные-сказуемые могут оформляться показателем совершенного вида (*le*₁) в случае, если предложение включает обстоятельство меры или длительности, ср. *hong le yixia* ‘слегка покраснел’, *Zhe ge yue zhi qing le san tian* ‘В этом месяце только три дня было ясных’ [ХНВС 1984: 317; Shiyong 1983: 122].

2. Прилагательные-сказуемые могут оформляться показателем испытанного вида *guo*³.

Грамматисты отмечают очень редкий и контекстуально ограниченный характер подобных употреблений, ср. [Драгунов 1952: 162; Яхонтов 1957: 124–125; Chao 1968: 668].

Чжао Юаньжэнь в своей фундаментальной грамматике [Chao 1968: 668] приводит пример из речи известного общественного и политического деятеля Ху Ши (произнесенной в 1959 году) – *Conglai meiyou zheme hao-guo* ‘Никогда еще не было так хорошо’ как нечто необычное и обращающее на себя внимание.

Как правило, прилагательные (А) оформляются показателем *guo* в предложениях с отрицанием: ‘никогда не было А’ (*mei A-guo*) или ‘никогда не было столь А’ (*mei zheme A-guo*), ср. *Qunian yi tian ye mei leng-guo* ‘В прошлом году и дня не было холодного’, *Yuanzi-li conglai jiu mei zheme zang-guo* ‘Во дворе еще никогда не бывало так грязно’ [Горелов 1989: 40].

Авторы «Словаря употреблений прилагательных» отмечают, что прилагательные оформляются на *guo* в основном в риторических вопросах (ср. *Ta jiji-guo ma?* ‘Разве он когда-нибудь бывал активным и энергичным?’) и в отрицательных предложениях [ХРСУФ 1991: 3].

Впрочем, как отмечают авторы словаря ХНВС [ХНВС 1984: 216], показатель *guo* может оформлять сказуемое-прилагательное и в утвердительном предложении, если в нем указан промежуток времени, в течение которого имело место указанное положение дел. Ср. *Ta xiao shihou pang-guo* ‘В детстве он был толстым’, *Qian ji tian leng-guo yi zhen, zhe liang tian you re-qilai le* ‘Несколько дней было холодно, а в последние два дня потеплело’.

3. Прилагательные сравнительно редко оформляются показателем длительного вида (прогрессива) *zhe*. (Следует отметить, что оформление сказуемого-прилагательного показателем *zhe* в сочетании с модальной частицей *le* представляет собой особый случай, см. ниже.)

Можно выделить три типа контекстов, в которых прилагательное-сказуемое оформляется показателем длительного вида *zhe*.

Во-первых, прилагательное может оформляться показателем *zhe*, если в предложении речь идет не о постоянном признаке, а о временном состоянии (причем таком, какого могло и не быть; оно воспринимается как не вполне обычное, преходящее и т. п.). Ср. *Ye shen le, wu-li de deng que hai liang-zhe* ‘Было уже очень поздно, но в комнате еще горел свет’ (букв. ‘лампа еще светила’), *Meihua zheng hong-zhe* ‘Цветы мэйхуа красны’ (букв. ‘Цветы мэйхуа сейчас как раз красны’).

Во-вторых, *zhe* может оформлять сказуемое-прилагательное в предложениях, в которых явно или неявно выражено сравнение. Ср. *Chuan zai shen-shang duan-zhe yi dajie*

³ Значение категории испытанного вида (англ. experiential aspect, кит. jingyan ti): действие или состояние какое-то число раз имело место в прошлом (ср. русск. «бывало», «было когда-то»).

‘Когда наденешь на себя, станет намного короче’, *Ta bi wo gao-zhe liang gongfen ne* ‘Он выше меня на два сантиметра’.

В-третьих, *zhe* может использоваться в формах императива. Императив от прилагательного выражается по-разному, в том числе чисто интонационно, ср. *Kuai!* ‘Быстро!’, конструкцией со словом *dianr* ‘немного’, ср. *Xiao xin dianr!* ‘Осторожнее!’.

Но конструкция со словом *dianr* может включать и показатель *zhe*: *A + zhe + dianr* ‘немного’, ср. *Man-zhe dianr!* ‘Потихонечку!’, ‘Осторожно!’ [Chao 1968: 669], *Man-zhe dianr, bie shuai le!* ‘Осторожнее, не упадите!’, *Jiling-zhe dianr* ‘Давай соображай быстрее!’.

Оформление сказуемого-прилагательного показателем *zhe* в сочетании с модальной частицей *ne* рассматривается грамматистами (в частности, авторами словаря [ХНВС 1984], см. с. 595) как особый случай.

Zhe ne выражает констатацию наличия некоторого признака в высокой степени. При этом часто присутствует выражение одобрительного отношения говорящего к этому. Ср. *Zhumulangma shan gao zhe ne!* ‘Да, гора Джомолунгма высока!’, *Chang'an jie kuan zhe ne!* ‘Широка улица Чан-ань!’, *Zhe tiao lu nanzou zhe ne!* ‘Ох, и трудненько идти по этой дороге!’

3. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОСТАВЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

3.1. Определение результативной конструкции

«В китайском языке существует группа сложных глаголов, состоящих из двух частей, первая из которых обозначает действие, а вторая – его результат, то есть качество или действие, появляющееся в результате первого действия. Глаголы, образованные таким образом, называются результативными, а вторая часть их, указывающая на результат действия, – результативной морфемой или модификатором» [Яхонтов 1957: 83].

Авторы учебника «Основы китайского языка» пишут: «Результативными называют глаголы, состоящие из двух компонентов, первый из которых (всегда глагольный) обозначает действие, а конечный (глагольный или качественный) – результат этого действия...

Результативным глаголам свойственна особая форма, обозначающая возможность (или невозможность) достижения данного результата. Образуется она при помощи инфиксов *-de-* и *-bu-*, ставящихся внутрь результативного глагола» [Задоевко, Хуан Шуин 1986: 266–269]⁴.

Вопрос об уровне статусе результативных глаголов – представляют они собой слова или словосочетания – является в китайском языкознании дискуссионным (подробнее см. [Антонян 2003: 20–22]). Чтобы избежать употребления терминов «слово» и «словосочетание», мы будем пользоваться термином «конструкция» в том понимании, в котором его вводит С.Е. Яхонтов: «Две единицы, связанные грамматическими отношениями, составляют конструкцию (являясь ее компонентами). Вместе с тем эти две единицы образуют сложную единицу того же или более высокого уровня, которая в свою очередь может быть компонентом другой конструкции» [Яхонтов 1982: 157].

Второй компонент результативной конструкции (РК) в отечественной традиции (вслед за А.А. Драгуновым и С.Е. Яхонтовым, см. [Драгунов 1952: 121; Яхонтов 1957: 14]) обычно называют модификатором. В китайской грамматической традиции он называется *biu* ‘дополнительный элемент’ (ДЭ). Отметим, что эти два термина не вполне эквивалентны: *biu*, вообще говоря, охватывает более широкий круг объектов, чем «модификатор» (подробнее см. [Антонян 2003: 20–22]). В данной работе мы будем использовать оба термина (как синонимы).

⁴ Вслед за А.А. Драгуновым [Драгунов 1952: 117] мы будем называть эти формы формами потенциального наклонения (ФПН).

Важно отметить, что прилагательные могут выступать не только в качестве второго, но и в качестве первого компонента РК. Но, если их участие в РК в роли второго компонента, как правило, фиксируется учебными и научными грамматиками (ср. приведенные выше определения)⁵, то их употребление в роли первого компонента РК, как правило, остается «за кадром». Заметим, что даже определение РК не учитывает того, что ее первым компонентом может быть прилагательное.

Эти случаи мы и рассмотрим более подробно.

Выделяется две группы случаев: (1) прилагательные в качестве первого компонента собственно результативной конструкции, в том числе – прилагательные в так называемых формах потенциального наклонения (ФПН); (2) прилагательные в составе направительной конструкции (в сочетании с грамматикализованными направительными модификаторами)⁶.

3.2. Прилагательные в качестве первого компонента собственно РК

3.2.1. Прилагательные в составе РК, обозначающих крайнюю степень проявления качества

Это особый, специфический вид РК: второй компонент выражает крайнюю степень проявления качества, обозначенного первым компонентом. Этот вид РК не допускает образования ФПН путем инфлексии *de/hu*, однако грамматисты обычно относят их к РК, ср. [Chao 1968: 450; Lu Jianming 1990: 14].

Наиболее распространенные ДЭ со значением крайней степени проявления качества, присоединяемые к прилагательным, – это *ji* ‘крайне’, *tou* ‘насквозь’, *huai* ‘плохой’. Такие РК обычно оформляются модальной частицей *le*. Ср. сочетания вышеперечисленных ДЭ с прилагательными *hao* ‘хороший’, *shi* ‘мокрый’, *e* ‘голодный’: *hao-ji le* ‘здорово!’, *shi-tou le* ‘мокрый насквозь’, *e-huai le* ‘страшно голоден’.

Крайнюю степень проявления качества обозначают также *daodi* (букв. ‘до дна’), *daojia* (букв. ‘до дома’) и *daotou* (букв. ‘до головы’). Ср. РК с первым компонентом *ying* ‘твердый’: *ying-daojia* ‘абсолютно твердый’ [Cartier 1972: 189]. Все эти ДЭ представляют собой лексикализованные сочетания глагола *dao* ‘достигнуть’ с существительными (о глаголе *dao* в качестве оформляющего прилагательное модификатора см. ниже, раздел 3.3).

Особый интерес представляет группа РК со вторым компонентом *si* ‘умереть’ (произносится нейтральным тоном), обозначающая сильное проявление качества (как правило, неприятного): *zang-si le* ‘ужасно грязно’. Впрочем, в ХНВС (с. 450) можно обнаружить пример, в котором речь идет о сильном проявлении приятного качества: *gaoxing-si le* ‘ужасно рад’. Такие конструкции также часто оформляются модальной частицей *le*; они могут присоединять в качестве дополнения слово *wo* ‘я’, ср. *re-si wo le* ‘ужасно жарко’. Конструкция с дополнением *wo* подчеркивает интенсивность воздействия на говорящего. Допустима *ba*-конструкция (вынос дополнения в препозицию с предлогом *ba*), ср. *Zhen ba wo re-si le!* ‘Ну и жарыща!’.

⁵ Более подробные сведения о том, какие именно прилагательные употребляются в качестве второго компонента РК, а также сведения об их сочетаемости и частоте встречаемости в составе РК можно найти в работах [Тань 2002: 287–313; Антонян 2003: 57–67].

⁶ Направительная конструкция (сочетание глагола или прилагательного с модификатором, обозначающим направление) обычно рассматривается как особый подтип результативной. Направительные модификаторы образуют небольшой закрытый класс из 27 (по некоторым данным – см. ниже – из 28) элементов. Многие из них имеют, наряду с исходными пространственными, также и грамматикализованные значения и употребления, характеризующие протекание действия во времени.

Чжао Юаньжэнь приводит пример сочетания прилагательного *lei* 'усталый' с морфемой *hen* 'очень' в качестве ДЭ: *Wo lei-hen le jiu shui-bu-zhao* 'Я очень устал и поэтому не мог уснуть' [Chao 1968: 450].

Однако эта форма, по-видимому, малоупотребительна в современном языке; авторы словарей ХНВС и ХРСУФ таких примеров не приводят. *Hen* чаще употребляется в составе так называемого дополнительного элемента степени, присоединяемого к прилагательному-сказуемому с помощью частицы *de*, ср. *hao de hen* 'очень хороший', *zixi de hen* 'очень тщательный' [ХНВС 1984: 235].

Прилагательные могут присоединять в качестве второго компонента РК морфему *duo* 'много'. Такая конструкция имеет значение 'намного более..., чем...', ср. *zang-duo le* 'намного грязнее [чем где-либо]' [БКРС, 3: 389].

3.2.2. Прилагательные в качестве первого компонента форм потенциального наклонения

Лю Юэхуа [Liu Yuehua 1989a: 2] выделяет три типа ФПН:

1. $V + de/bu + C$
2. $V + de/bu + liao$
3. $V + de$ или $V + bu + de$,

где V обозначает предикатив (глагол или прилагательное), выступающий в роли первого компонента, de/bu – инфиксы *de* и *bu* (образующие соответственно утвердительную и отрицательную формы), C – полнозначный предикатив (глагол или прилагательное), выступающий в роли второго компонента. *Liao* – грамматикализованная морфема с исходным значением 'завершить', *de* – грамматикализованная морфема с исходным значением 'получить' (она записывается тем же иероглифом, что и инфикс *de*; обе эти морфемы восходят к полнозначному глаголу *de* 'получить' и записываются тем же иероглифом, что и этот глагол. Об истории развития этих форм см. [Li Zongjiang 1994]).

Прилагательные крайне редко выступают в качестве первого компонента в ФПН первого типа.

В.И. Горелов приводит, однако, следующий пример [Горелов 1989: 41]: *Shenzhi xingqitian ta hai xian-bu-zhu, zong yao zhao xie huor gan* 'Даже в воскресный день он все же не может сидеть без дела (не может быть праздным), всегда ищет какую-нибудь работу'.

Прилагательные легко образуют ФПН второго и третьего типа.

ФПН второго типа (на *de-liao/bu-liao*) с первым компонентом прилагательным многозначны и заслуживают подробного рассмотрения.

Вообще говоря, формы потенциального наклонения вида $V-de/bu-C$ по своему значению телеономичны: второй компонент (C) обозначает некоторое положение вещей, к которому стремятся, а первый (V) обозначает способ достижения этого положения вещей [Ијис 1989: 50–51]. Ср. *kan-de-jian* 'видно' и *kan-bu-jian* 'не видно': второй компонент *jian* 'видеть' – это то, к чему стремятся, а *kan* 'смотреть' – способ достичь этого положения вещей (чтобы было видно). Формы потенциального наклонения выражают возможность или невозможность достижения именно нужного, желательного результата. По мнению Ч. Ли и С. Томпсон, именно ненужность и нежелательность тех или иных положений вещей (результатов) делает формы потенциального наклонения от некоторых РК семантически неприемлемыми, так как людям несвойственно стремиться к таким результатам, как 'устать' или 'умереть' [Li, Thompson 1981: 84].

Как обстоит дело с ФПН на *de-liao/bu-liao*?

«Словарь употреблений глаголов» [DCYF 1987] описывает значение форм на *de-liao/bu-liao* с первым компонентом глаголом следующим образом: 1) есть ли возможность или силы осуществлять действие, обозначенное первым компонентом; 2) возможно ли довести до конца действие, обозначенное первым компонентом [Ibid: 12]. Приводятся следующие примеры.

Fanwen wo fanyi-bu-liao 'С санскрита я переводить не могу'. Положение вещей 'переводить (с санскрита)' является желательным (по крайней мере, для кого-то из участников разговора); для его достижения могут быть предприняты усилия (разыскать кого-то, кто знает санскрит, или выучить этот язык).

Zheme duo waiwen ziliao san tian ke fanyi-bu-liao 'Столько материалов на иностранном языке за три дня не переведешь'. Положение вещей 'перевести (все материалы)' является желательным; для его достижения могут быть предприняты усилия.

Таким образом, ФПН на *de-liao/bu-liao* с первым компонентом – глаголом, как и обычные ФПН (вида *A-de/bu-C*), – телеономичны: только в отличие от ФПН вида *V-de/bu-C* целью является осуществление или доведение до конца самого действия, обозначенного первым компонентом. Само осуществление этого действия представляет собой нечто желательное для говорящих, то, к чему они стремятся.

Теперь рассмотрим ФПН второго типа (на *de-liao/bu-liao*) с первым компонентом – прилагательным.

Если обозначить значение первого компонента (прилагательного) как А, то первое значение ФПН с первым компонентом – прилагательным – 'положение вещей А может / не может наступить', ср. *Ta ziji ye zhidao hao-bu-liao* 'Она и сама знала, что не сможет выздороветь (не сможет стать здоровой)' [Яхонтов 1957: 157; Горелов 1989: 41].

Положение вещей *hao* 'быть здоровым' является желательным, но в момент речи не имеет места, для его достижения необходимы и, вероятно, предпринимаются меры.

Такое значение вполне стандартно для ФПН и, по сути, не отличается от первого значения ФПН с первым компонентом – глаголом (см. выше).

Однако у ФПН на *de-liao/bu-liao* с первым компонентом прилагательным может быть и другое значение – эпистемическое (оценочное).

Рассмотрим пример, приводимый С.Е. Яхонтовым [Яхонтов 1957: 157]: *Tamen de shengyin, bi zai huanggua huashang weng-weng fei zhe de mifeng de shengyin da-bu-liao duoshao*. 'Их голоса были ненамного громче (досл. 'не могли стать насколько-нибудь громче') жужжания пчел, летавших над цветами огурцов'.

Заметим, что речь здесь явно идет не о стремлении беседующих людей говорить громче, чем жужжат пчелы, а об оценке говорящим громкости их голосов: голоса говорящих вряд ли могли быть оценены как сколько-нибудь более громкие, чем жужжание пчел.

Эпистемическое значение очень характерно для ФПН с прилагательными на *de-liao/bu-liao*.

«Словарь употреблений прилагательных» [ХРСУФ 1991] приводит примеры подобных форм практически для всех включенных в словарь лексем. Большинство этих ФПН имеет именно второе – эпистемическое – значение: насколько вероятно то, что имеет место положение дел, обозначенное первым компонентом – прилагательным? Как указывают авторы словаря, наиболее часто эти формы употребляются в вопросительных (форма на *de-liao*) и в отрицательных предложениях (форма на *bu-liao*) [Ibid: 2].

Ср. следующие примеры.

Ta de shencai ai-de-liao ma? - Ai-bu-liao. 'Может ли так быть, чтобы он был небольшого роста? – Не может' [Ibid: 2]. Речь здесь не может идти о чьих-либо стремлениях и возможности их реализовать (рост человека не зависит от его усилий и желаний; в самом крайнем случае – его можно несколько увеличить, но не уменьшить). Цель этого высказывания – оценка вероятности того, что некоторое положение вещей имеет место.

Kan ta de yangzi, gan shenme ye ben-bu-liao 'Судя по его виду, он с любым заданием справится' (букв. 'что бы ни пришлось делать – тупым он не окажется') [Ibid: 17].

Понятно, что 'быть тупым' не может быть ничьей целью; речь идет об оценке вероятности этого события.

ФПН третьего типа (на *de/bu-de*) имеет десонтическое значение. Употребляется, как правило, только отрицательная форма (на *bu-de*). Предложения, включающие эту форму, имеют значение 'нехорошо, если...', 'нельзя, чтобы...', 'не следует...' Лю Юэуа

предлагает следующую интерпретацию формы на *bu-de*: *qingli-shang bu xuke* 'непозволительно из соображений справедливости, этики, здравого смысла' [Liu Yuehua 1989a: 24]. Ср. следующие примеры, приводимые Лю Юэхуа [Ibid: 24]: *Liang shui jiao-bu-de!* 'Нельзя поливать [цветы] холодной водой!', *Zhe ge ren ni ke xiaokan-bu-de* 'Ты не смей неуважительно относиться к этому человеку!' В этих двух примерах первый компонент ФПН представлен глаголом.

Приведем примеры формы на *bu-de* с прилагательными. Так, в следующем предложении употреблены четыре ФПН с первым компонентом – прилагательным: *Na tui zhen de shou, qing-bu-de, zhong-bu-de, kuai-bu-de, man-bu-de* 'При иглоукалывании нажим должен быть не слишком слабым и не слишком сильным, не слишком быстрым и не слишком медленным'.

Рассмотрим еще раз пример, упоминаемый в работах С.Е. Яхонтова и В.И. Горелова: *Gan shouyi de ren yuan shi lan-bu-de*. С.Е. Яхонтов переводит этот пример как 'Рабочий человек вообще не может быть ленивым' [Яхонтов 1957: 157]; В.И. Горелов – как 'Мастеровой по своей природе не может быть ленивым' [Горелов 1989: 41]. Русское словосочетание «не может» многозначно (не может, потому что это не разрешается? не может в силу своих внутренних моральных качеств? говорящий считает такое положение вещей невероятным? и пр.) и поэтому, как нам представляется, недостаточно точно передает значение формы *lan-bu-de*. На наш взгляд, переводы, предлагаемые С.Е. Яхонтовым и В.И. Гореловым, можно было бы уточнить следующим образом: 'Мастеровому вообще лениться нельзя', 'Мастеровой не может позволить себе лениться'.

3.3. Прилагательные в качестве первого компонента результативно-направительной конструкции (в сочетании с грамматикализованными направительными модификаторами)

Одну из разновидностей РК представляют собой РК с дополнительным элементом – глаголом направления движения (в китайской традиции – *qixiang buyu*, т. е. 'дополнительный элемент направления'). Эти глаголы образуют небольшой закрытый класс: *lai* 'прийти', *qu* 'уйти', *shang* 'подняться', *xia* 'спуститься', *jin* 'войти', *chu* 'выйти', *hui* 'вернуться', *guo* 'пройти через', *qi* 'подняться', *kai* 'открыть(ся)', 'отделить(ся)', *dao* 'достигнуть'). Все эти глаголы, кроме *lai* и *qu*, могут быть оформлены морфемами *lai* 'прийти' (в этом случае обозначается то, что движение направлено к говорящему) и *qu* 'уйти' (такая конструкция показывает, что движение направлено от говорящего). Так образуется сложный дополнительный элемент (ДЭ) направления.

Важная особенность ДЭ направления состоит в том, что они могут употребляться метафорически, ср. *chu* 'выйти' в сочетании с глаголом *shuo* 'говорить' в примере *shuo-chu ziji de guandian* 'высказать свою точку зрения'.

Кроме того, у целого ряда ДЭ направления существуют и чисто грамматические значения. Так, *shang*, *qi*, *qilai*, *kai* и *kailai* могут обозначать начало действия, *xialai* и *xiaqu* – продолжение действия, обозначенного оформляемым глаголом, а *guo* является показателем испытанного вида.

Таблица 1 представляет систему ДЭ направления в современном китайском языке.

В этой таблице дополнительные элементы, имющие метафоризованные употребления, выделены жирным шрифтом, а дополнительные элементы, имющие также и чисто грамматические значения, подчеркнуты.

Теоретически возможен сложный ДЭ *qiqi* (клетка 9*3), но он не употребляется в общенациональном китайском языке (путунхуа). По свидетельству Чжао Юаньжэня, встречается только в диалектах [Chao 1968: 463].

Заслуживает особого обсуждения также клетка 10*3. Сложный ДЭ *kaiqu* 'разделиться; отделиться от говорящего' обычно отмечается в научных и практических грамматиках как отсутствующий (ср. [Shiyong 1983: 345; Тань 2002: 199, 225]). Он, в отличие от *kailai*, не приводится и в нормативном словаре «Восемьсот слов современного китайского языка», исправленном и дополненном в 1995 г. [ХНВС 2007: 330]. Однако,

как мы покажем ниже, эти формы существуют; они немногочисленны, но вполне употребительны.

Лю Юэхуа в работе [Liu Yuehua 1998/2008], посвященной ДЭ направления, приводит примеры употребления ДЭ *kaiqu* со следующими глаголами движения и глаголами действия: *zou* 'идти', *piaoyi* 'реять, веять', *paо* 'кидать, бросать'. Это примеры из прозы популярных современных писательниц Чжан Цзе (род. в 1937) и Ван Аньи (род. в 1954). Ср. *Ranhou zhen de tai jiao zou-kaiqu* 'Потом (он) действительно взял и пошел прочь' (Ван Аньи; от глагола *zou* 'идти'), *Ta de sixu piaoyi-kaiqu* 'Ее мысли ушли в сторону' (Чжан Цзе; от глагола *piaoyi* 'реять', 'веять').

Приводятся также примеры метафоризованного *kaiqu* с глаголами *cha* 'разветвлять(ся)', *san* 'рассивать(ся)', *chuan*, *chuanbo* 'передавать(ся)', ср. *Gu yi ba hua cha-kaiqu* 'Намеренно перевел разговор на другую тему' (от глагола *cha* разветвлять(ся)), *Xiang-bu-dao shiqing chuan-kai qu* 'Кто бы мог подумать, что это дело получит такую огласку' (от глагола *chuan* передавать(ся)) [Liu Yuehua 1998/2008: 398–399].

По нашим наблюдениям, *kaiqu* часто встречается в заголовках в китайской прессе. Это конструкция вида «*cong X shuo-kaiqu*» (букв. 'от X говорить-отделяться-двигаться прочь'), где X обозначает некоторую отправную точку для рассказа, рассуждения или дискуссии. На русский язык такой заголовок может быть переведен, например, как «К вопросу об X», «Об X и многом другом», «Еще раз об X» и т. п. Ср. следующие примеры:

(1) «*Cong Zhu De "Yao jieban bu yao jieguan" shuo-kaiqu*» «Еще раз о лозунге Чжу Дэ "Нам нужна преемственность, а не семейственность"» (статья опубликована на сайте «Экономика Китая» (Zhongguo jingji wang, http://views.ce.cn/view/gov/200912/11/t20091211_20597737.shtml);

(2) «*Cong baixuebing huan'er xiehou zongli shuo-kaiqu*» «О встрече премьеры Госсовета с детьми, больными лейкемией» (статья, посвященная проблемам финансирования лечения лейкемии и созданию благотворительных фондов, опубликована на сайте китайского радио, Zhongguo guangbo wang, http://www.cnr.cn/luntan/szgc/200902/t20090223_505243285.html).

Как мы полагаем, приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что состав класса ДЭ направления пополнился еще одним, двадцать восьмым, членом. Этот факт должен быть в дальнейшем учтен авторами научных и учебных грамматик китайского языка.

Сочетаемость ДЭ направления с прилагательными еще не была, насколько нам известно, объектом специального рассмотрения, хотя факт возможности их употребления с прилагательными, а также отдельные примеры таких сочетаний приводятся в научной, учебной и справочной литературе. (В частности, в исследовании С.Б. Кишинского упомянуты сочетания прилагательных с *qilai*, *xiaqu* и *xialai*, см. [Кишинский 1970: 12–13].) Мы постарались составить полную картину сочетаемости ДЭ направления с прилагательными на основании словарей ХНВС, ХРСҮҲ, DGNC, нормативных грамматик [Shiyong 1983] и [Ma Zhen 1997], работ Лю Юэхуа [Liu Yuehua 1989a-c; Liu Yuehua 1998/2008].

В Таблице 1 клетки, в которых размещены модификаторы, могущие оформлять прилагательные, затемнены. Если хотя бы в одном из вышеприведенных источников обнаруживался пример сочетания прилагательного с тем или иным модификатором, соответствующая клетка затемнялась.

Ниже приводятся примеры, иллюстрирующие употребление направительных модификаторов с прилагательными, сопровождаемые кратким комментарием. Цифра до звездочки обозначает номер строки, цифра после звездочки – номер столбца.

Для описания сочетаемости прилагательных с направительными модификаторами существенным является противопоставление так называемых прилагательных «положительного полюса» (кит. *zhengxiang*) и «отрицательного полюса» (кит. *fuxiang*), см. [Liu Yuehua 1989a: 71–73]. Это параметрические прилагательные, образующие пары контрарных антонимов: прилагательные «положительного полюса» относятся к правой

	Простой ДЭ	Значение простого ДЭ	Сложный ДЭ	
			+ lai	+ qu
	1		2	3
1	lai	прийти	–	–
2	qu	уйти	–	–
3	shang	подняться	shanglai	shangqu
4	xia	спуститься	xialai	xiaqu
5	jin	войти	jinlai	jinqu
6	chu	выйти	chulai	chuqu
7	hui	вернуться	huilai	huiqu
8	guo	пройти через	guolai	guoqu
9	qi	подняться	qilai	–
10	kai	открыть(ся), отделить(ся)	kailai	(kaiqu)
11	dao	достигнуть	dao...lai	dao...qu

части шкалы (*da* ‘большой’, ‘громкий’; *qiang* ‘сильный’; *kuai* ‘быстрый’), прилагательные «отрицательного полюса» – к левой части (*xiao* ‘маленький’; *di* ‘тихий’; *ruo* ‘слабый’; *man* ‘медленный’).

3*1. Немногочисленные прилагательные могут присоединять модификатор *shang* (исходное пространственное значение – ‘подняться’), обозначающий начало действия (в случае сочетания с глаголом) или наступление нового положения вещей (в случае сочетания с прилагательным). Конструкция обозначает, что действие или положение вещей началось и продолжает иметь место; акцент делается именно на том, что оно началось [ХНВС 1984: 419].

Как правило, речь при этом идет о наступлении не очень желательного положения вещей. В предложении нередко содержится наречие *you* ‘опять’. Ср. *Chesu you man-shang le*. ‘Скорость движения [поезда, машины] снова снизилась’ [XRCYF 1991: 233].

3*2. Очень немногочисленные (единичные) прилагательные могут присоединять модификатор *shanglai* (исходное пространственное значение – ‘подняться (к говорящему)’). Конструкция обозначает постепенное нарастание некоторого признака; нередко при этом дополнительно присутствует значение постепенного распространения признака на более широкую область [ХНВС 1984: 421]. Ср. *Nuanqipian man-man re-shanglai le* ‘Батарея парового отопления медленно нагрелась’, *Yan kan zhe tian yi dian-dianr hei-shanglai le* ‘Небо, кажется, немного потемнело’.

Число прилагательных, которые могут присоединять *shanglai*, исчерпывается несколькими единицами. Это, в частности, *re* ‘горячий’, *liang* ‘прохладный’, *hei* ‘черный’, ‘темный’.

4*1. Словарь ХНВС не фиксирует возможности сочетания модификатора *xia* (исходное пространственное значение – ‘спуститься’) с прилагательными. Однако в словаре [XRCYF 1991: 2] нам удалось обнаружить следующий пример, в котором модификатор *xia* оформляет прилагательное *ai* ‘низкий’, образуя сложный комплекс с каузативным значением – ‘уменьшить’, ‘сделать ниже’: *Zai ai-xia ban chi jiu heshi le* ‘Сделать пониже еще на половину *chi*⁷, и будет как раз’.

⁷ Один *chi* равен приблизительно 33 см.

По-видимому, *xia* может обозначать достижение некоторого результата, связанного с уменьшением, сжатием и т. п.

4*2. В сочетании с прилагательными модификатор *xialai* (исходное пространственное значение – ‘спуститься вниз (к говорящему)’) обозначает, что некоторое качество возникло и, возможно, продолжает нарастать; акцент делается именно на возникновении качества (ср. п. 4*3). Этот модификатор могут присоединять только так называемые прилагательные «отрицательного полюса» (*hei* ‘темный’, *anjing* ‘спокойный’, *ruan* ‘мягкий’, ‘слабый’, *di* ‘тихий’) [ХНВС 1984: 501]. Ср. также п. 9*2. Ср. следующие примеры: *Tianse jian-jian hei-xialai* ‘Постепенно стемнело’, *Huichang gang-gang anjing-xialai* ‘Собравшиеся только-только успокоились’, *Peng-dao kunnan jiu ruan-xialai, na hai xing?* ‘При первой же встрече с трудностями сразу раскиснуть куда это годится?’, *Shengyin man-man di le xialai* ‘Звук постепенно стал тихим’.

4*3. В сочетании с прилагательными модификатор *xiaqu* (исходное пространственное значение – ‘спуститься вниз (в направлении от говорящего)’) может употребляться в одном из двух значений.

1. *Xiaqu* обозначает достижение некоторого результата, связанного с уменьшением, ослаблением, сжатием. Ср. *Ta yijing shou-xiaqu hen duo le* ‘Он уже сильно похудел’.

В этом значении сочетаемость *xiaqu* ограничивается прилагательными «отрицательного полюса»: (*huai* ‘плохой’, *shao* ‘мало’, *shou* ‘худой’), ср. *huai-xiaqu* ‘стать хуже’, *shao-xiaqu* ‘уменьшиться’, *lengdan-xiaqu* ‘охладеть’, *songxie-xiaqu* ‘расслабиться’, *guan-ruo-xiaqu* ‘ослабеть’, *shou-xiaqu* ‘похудеть’ [ХНВС 1984: 501].

2. *Xiaqu* обозначает, что некоторое уже существующее качество продолжает нарастать; как правило, модификатор *xiaqu* акцентирует именно дальнейшее нарастание признака (ср. п. 4*2).

В этом значении с *xiaqu* могут сочетаться как прилагательные «отрицательного» (например, *shou* ‘худой’), так прилагательные «положительного полюса» (*pang* ‘толстый’), ср. *Zai zheyang shou-xiaqu (pang-xiaqu) ke bu xing!* ‘Нельзя же и дальше так худеть (толстеть)!’ [ХНВС 1984: 392]. Ср. также п. 9*2.

6*1. Модификатор *chu* (исходное пространственное значение – ‘выйти’), управляющий именной группой с количественным значением, в сочетании с прилагательным обозначает превышение некоторого параметра на величину, обозначенную именной группой. Ср. употребление *chu* с прилагательным *chang* ‘длинный’: *zhe guoliang chang-chu yi chi lai* ‘эта балка на фут длиннее, чем это необходимо’ [Драгунов 1952: 163].

8*1. Модификатор *guo* (исходное пространственное значение – ‘пройти через’, ‘миновать’), управляющий именной группой, задающей некоторую границу, обозначает, что некоторое качество в своем развитии перешло эту границу. Ср. употребление *guo* (управляет именной группой *ren tou* ‘голова человека’) с прилагательным *gao* ‘высокий’: *Xiangrikui yijing zhang de gao-guo ren tou le* ‘Подсолнухи выросли уже выше человеческого роста’.

Заметим, что к этому же модификатору восходит показатель испытанного вида *guo*, который также может сочетаться с прилагательными. См. раздел 3.2. данной работы.

9*2. Модификатор *qilai* (исходное пространственное значение – ‘подняться (к говорящему)’) в сочетании с прилагательными показывает, что некоторое качество возникло и продолжает нарастать.

Авторы словаря ХНВС отмечают, что большинство употребляемых с *qilai* прилагательных – так называемые прилагательные «положительного полюса» (в отличие от *xiaqu*, см. п. 4*3), и в качестве иллюстрации приводят следующие пары: *hao-qilai* ‘стало (и становится еще) лучше’ – *huai-xiaqu* ‘стало (и становится еще) хуже’, *pang-qilai* ‘стал (и становится еще) толще’ – *shou-xiaqu* ‘стал (и становится еще) более худым’, *ying le qilai* ‘стал (и становится еще) тверже’ – *ruan le xiaqu* ‘стал (и становится еще) мягче’, *jinzhang-qilai* ‘стал (и становится еще) напряженнее’ – *songxie-xiaqu* ‘стал (и становится еще) расхлябаннее’, *fuyu-qilai* ‘стал (и становится еще) богаче’ – *pinkun-xiaqu* ‘стал (и становится еще) беднее’ [ХНВС 1984: 392].

Однако эти ограничения не носят абсолютного характера; возможны исключения.

Так, в «Словаре употреблений прилагательных» [XRCYF 1991] нам удалось обнаружить целый ряд примеров сочетаний прилагательных «отрицательного полюса» с модификатором *qilai* (конструкция обозначает становление нового качества): *huai-qilai* 'испортиться', стать плохим; *pinkun-qilai* 'стать бедным'; *songxie-qilai* 'стать расхлябанным' (впрочем, следует отметить, что для *shou* 'худой' и *ruan* 'слабый' примеров с *qilai* не приводится).

По мнению Лю Юэхуа, *qilai* может сочетаться как с прилагательными «положительного», так и с прилагательными «отрицательного полюса», а также с прилагательными, лежащими вне этого противопоставления, такими как *huang* 'желтый', ср. *huang-qilai* 'пожелтеть', *keqi* 'вежливый', ср. *keqi-qilai* 'стать вежливым' [Liu Yuehua 1989c: 72-73].

С другой стороны, возможны, наоборот, сочетания прилагательных «положительного полюса» с *xiaqu* в тех случаях, когда *xiaqu* обозначает продолжение существования или дальнейшее нарастание признака (см. п. 4.3). Ср. *hao-xiaqu* 'продолжать быть в хороших отношениях', *pang-xiaqu* 'продолжать толстеть', *jinzhang-xiaqu* 'продолжать быть напряженным, сосредоточенным', *fu-xiaqu* 'продолжать богатеть' (примеры из словаря XRCYF см. ниже).

По мнению авторов словаря ХНВС, *qilai*, как правило, акцентирует именно возникновение нового качества, а *xiaqu* -- продолжение или дальнейшее нарастание (уже существующего) качества. Ср. следующие их сочетания с прилагательным *re* 'жаркий': *Tian re-qilai le* 'Стало жарко', *Zai zheme re-xiaqu ke zenme de le!* 'Когда же кончится эта жара?!' (букв. 'Все жарче и жарче -- когда же это кончится?!') [ХНВС 1984: 392].

В «Словаре употреблений прилагательных» [XRCYF 1991] нам удалось обнаружить немало примеров сочетаний одного и того же прилагательного (как «положительного полюса», так и «отрицательного полюса») с *qilai* и с *xiaqu*, причем *qilai* обозначает возникновение нового качества, а *xiaqu* -- его продолжение и дальнейшее нарастание. Ср. следующие примеры. *Zhe haizi kan zhe laoshi, keshi huai-qilai ye gou qiren de* 'Этот ребенок с виду хороший, но как начнет плохо себя вести (букв. 'как начнет быть плохим' -- так просто ужас)', *Tianqi zai huai-xiaqu, zanmen you zou-bu-cheng le* 'Если погода еще испортится, мы опять не сможем пойти' (с. 130), *Xihongshi huai-qilai ke kuai ne!* 'Помидоры очень быстро портятся' (букв. 'Помидоры как начнут портиться -- все происходит очень быстро'), *Zhe ke yachi zai huai-xiaqu zhi you ba-diao le* 'Если этот зуб продолжит разрушаться, его придется удалять' (с. 131), *Ta you gen suozhang hao-qilai le* 'Он снова в хороших отношениях с директором', *Nimen kan, tamen hai neng hao-xiaqu ma?* 'Как вы думаете, они смогут и дальше продолжать быть в хороших отношениях?' (с. 113), *Ta guo le si shi sui, jiu pang-qilai le* 'После сорока он располнел (начал полнеть)', *Zheme pang-xiaqu ke gouqiang!* 'Так толстеть -- это просто ужасно!' (с. 263), *gongzuo bian de jinzhang-qilai* 'работа стала напряженной', *Zai zheyang jinzhang-xiaqu, wo zhen shou-bu-liao le,* 'Если и дальше придется работать так же напряженно, я просто не выдержу' (с. 171).

Эти примеры, а также наблюдения Лю Юэхуа, позволяют предположить, что существует тенденция к разделению функций модификаторов *qilai* и *xiaqu* и к их универсализации: *qilai* обозначает возникновение нового качества (независимо от семантики оформляемого прилагательного), а *xiaqu* -- то, что некоторое качество продолжает существовать и, возможно, нарастать (тоже независимо от семантики оформляемого прилагательного).

10*1. Словарь ХНВС ничего не говорит о возможности сочетания прилагательных с модификатором *kai* в его грамматикализованном значении -- значении начала действия или состояния.

Однако в «Словаре употреблений прилагательных» нам встретился следующий пример, в котором *kai* оформляет прилагательное *pang* 'толстый': *Ta ting-zhi le yundongyuan de shengya zhi hou, jiu pang-kai le* 'После завершения своей спортивной карьеры он начал полнеть' [XRCYF 1991: 263].

По-видимому, употребление прилагательных с модификатором *kai* представляет собой инновацию, характерную больше для разговорного языка.

11*1. Модификатор *dao* (исходное пространственное значение -- 'достигнуть'), управляющий именной группой или предикативной структурой (предложением), весь-

ма часто встречается в сочетании с прилагательными, обозначая степень развития того или иного признака или качества. Ср. *mixin-dao kexiao de dibu* 'суверен до смешного', *Zheli de dongtian keyi leng-dao ling xia ershi du* 'Зимой здесь бывают морозы до минус двадцати градусов', *Shengyin gao-dao bu neng zai gao le* 'Звук был так громок, что громче уже невозможно'.

К прилагательным также могут присоединяться лексикализованные сочетания *dao* с различными существительными (*daotou* 'до головы', *daojia* 'до дома' и др.), обозначающие высшую степень развития признака. См. раздел 3.2.1 данной работы.

4. ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели грамматические свойства прилагательного в функции сказуемого в СКЯ, а именно, сочетаемость прилагательных с видовыми показателями и модификаторами. В частности, мы представили полную картину сочетаемости прилагательных с направительными модификаторами.

Рассмотренный материал, как представляется, позволяет сделать вывод о том, что оформление прилагательных видовыми показателями, а также участие прилагательных в результативной конструкции в качестве первого компонента является вполне распространенным явлением, хотя и более ограниченным лексико-семантическими, контекстуальными и прагматическими факторами, чем у глаголов.

Прилагательное может выступать в качестве первого компонента собственно результативной и результативно-направительной конструкций (хотя общепринятые определения этих конструкций не учитывают этого). Свойства некоторых морфологических конструкций с первым компонентом прилагательным несколько отличаются от соответствующих глагольных. Так, форма потенциального наклонения на *de-liao/bu-liao* в том случае, если в ней участвует прилагательное, имеет несколько другое значение, чем если в ней участвует глагол. ФПН на *de-liao/bu-liao* с первым компонентом прилагательным может иметь не только значение возможности / невозможности (как ФПН с первым компонентом – глаголом), но и эпистемическое (оценочное) значение, причем именно оно является преобладающим (более типичным, более частотным).

Прилагательные активно сочетаются с направительными модификаторами. Из двадцати восьми направительных модификаторов прилагательные могут сочетаться с десятью (все эти десять модификаторов употребляются с прилагательными в своих грамматикализованных значениях и характеризуют протекание процесса во времени или степень развития признака). Для описания сочетаемости прилагательных с направительными модификаторами существенно противопоставление прилагательных «положительного полюса» и «отрицательного полюса». Наиболее широкой сочетаемостью с прилагательными обладают модификаторы *qilai* (исходное значение – 'подняться вверх к говорящему') и *xiaqi* (исходное значение – 'спуститься вниз от говорящего'). В СКЯ существует тенденция к их универсализации и четкому разделению их функций: *qilai* обозначает возникновение нового качества (независимо от семантики оформляемого прилагательного), а *xiaqi* – то, что некоторое качество продолжает существовать и, возможно, нарастать (также независимо от семантики оформляемого прилагательного).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонян 2003 – К.В. Антонян. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М., 2003.
БКРС – Большой китайско-русский словарь. М., 1983–1984.
Горелов 1989 – В.И. Горелов. Теоретическая грамматика китайского языка. М., 1989.
Драгунов 1952 – А.А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского разговорного языка. М.; Л., 1952.
Драгунов 1962 – А.А. Драгунов. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962.
Задосенко, Хуан Шуин 1986 – Т.П. Задосенко, Хуан Шуин. Основы китайского языка. Основной курс. М., 1986.

- Кишинский 1970 – С.Б. Кишинский. Прилагательное в современном китайском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Кондрашевский 2008 – С.А. Кондрашевский. Синтаксические функции и грамматическое оформление прилагательных китайского языка в концепциях Чжу Дэси и Драгунова // Вестник МГУ. Сер. 13. Востоковедение. 2008. № 1.
- Тань 2002 – А. Тань. Проблемы скрытой грамматики. М., 2002.
- Яхонтов 1957 – С.Е. Яхонтов. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
- Яхонтов 1982 – С.Е. Яхонтов. Основные понятия грамматики изолирующих языков. Теоретические проблемы восточного языкознания. Ч. 2. М., 1982.
- Cartier 1972 – А. Cartier. Les verbes résultatifs en chinois moderne. Paris, 1972.
- Chao 1968 – Chao Yuen-ren. A grammar of spoken Chinese. Berkeley, 1968.
- DDHYCD 2001 – Dangdai Hanyu cidian. Shanghai, 2001. (Словарь современного китайского языка. Шанхай, 2001.)
- DCYF 1987 – Dongci yongfa cidian. Shanghai, 1987. (Словарь сочетаемости глаголов. Шанхай, 1987.)
- DGNC 1989 – Xinbian hanyu duogongneng cidian. Beijing, 1989. (Новый полифункциональный словарь китайского языка. Пекин, 1989.)
- Iljic 1989 – R. Iljic. A propos des composés verbaux V-O et V₁-V₂ en mandarin // J.J. Franckel (ed.). La notion de prédicat. Université Paris 7. Laboratoire de linguistique formelle. Paris, 1989.
- Li, Thompson 1981 – C.N. Li, S.A. Thompson. Mandarin Chinese: A functional reference grammar. Berkeley; Los Angeles, 1981.
- Li Zongjiang 1994 – Li Zongjiang. «V de (bu de)» yu «V de liao (bu liao)» // Zhongguo yuwen. 1994. № 3. (Ли Цзунцзян. Конструкция «V de (bu de)» и конструкция «V de liao (bu liao)» // Китайская филология. 1994. № 3.)
- Liu Yuehua 1989a – Liu Yuehua. Keneng buyu yufa de yanjiu // Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji. Beijing, 1989. (Лю Юэхуа. Исследование грамматических свойств дополнительного элемента со значением возможности / невозможности // Лю Юэхуа. Избранные статьи по грамматике китайского языка. Пекин, 1989.)
- Liu Yuehua 1989b – Liu Yuehua. Quxiang buyu de yufa yiyi // Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji. Beijing, 1989. (Лю Юэхуа. Грамматические значения дополнительных элементов направления // Лю Юэхуа. Избранные статьи по грамматике китайского языка. Пекин, 1989.)
- Liu Yuehua 1989c – Liu Yuehua. Ji zu yuyi xiangguan de quxiang buyu yuyi fenxi // Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji. Beijing, 1989. (Лю Юэхуа. Семантический анализ некоторых групп взаимосвязанных по смыслу дополнительных элементов направления // Лю Юэхуа. Избранные статьи по грамматике китайского языка. Пекин, 1989.)
- Liu Yuehua 1998/2008 – Liu Yuehua. Quxiang buyu tongshi. Beijing, 1998, 2008. (Лю Юэхуа. Дополнительный элемент направления в китайском языке. Пекин, 1998/2008.)
- Lu Jianming 1990 – Lu Jianming. Shubu jiegou de fuzaxing // Yuyan jiaoxue yu yanjiu. 1990. № 1. (Лу Цзяньмин. Многообразие конструкций типа 'повествующее слово + дополнительный элемент' // Преподавание и исследование языка. 1990. № 1.)
- Ma Zhen 1997 – Ma Zhen. Jianming shiyong Hanyu yufa jiaocheng. Beijing, 1997. (Ма Чжэнь. Вводный курс грамматики современного китайского языка. Пекин, 1997.)
- Shiyong 1983 – Shiyong xiandai hanyu yufa. Beijing, 1983. (Практическая грамматика современного китайского языка. Пекин, 1983.)
- Thompson 1988 – S.A. Thompson. A discourse approach to the cross-linguistic category 'Adjective' // J.A. Hawkins (ed.). Explaining language universals. Oxford, 1988.
- XBNYCD 1990 – Xinbian Hanyu cidian. Changsha, 1990. (Новый словарь китайского языка. Чанша, 1990.)
- XHBC 1984/2007 – Xiandai hanyu babai ci. Beijing, 1984, 2007. (Восемьсот слов современного китайского языка. Пекин, 1984/2007.)
- XRCYF 1991 – Xingrongci yongfa cidian. Changsha, 1991. (Словарь сочетаемости прилагательных. Чанша, 1991.)
- Zhu Dexi 1956/1985 – Zhu Dexi. Xiandai Hanyu xingrongci yanjiu // Zhu Dexi. Xiandai Hanyu yufa yanjiu. Beijing, 1985. (Чжу Дэси. Прилагательное в современном китайском языке // Чжу Дэси. Исследования по грамматике современного китайского языка. Пекин, 1985.)

Сведения об авторе:

Ксения Владиславовна Антонян
Институт языкознания РАН
kvantonian@yandex.ru

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

М.Л. ГАСПАРОВ

**СТИХОСЛОЖЕНИЕ ПОСЛЕДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
И. БРОДСКОГО**

Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» решила опубликовать еще одну статью из архива академика Михаила Леоновича Гаспарова (13.04.1935–7.11.2005)¹. В этой работе, относящейся к числу поздних стиховедческих исследований ученого, анализируются особенности стихосложения позднего И. Бродского. Статья сохраняет свою актуальность и представляет значительный интерес, поскольку М.Л. Гаспаров предлагает в ней взвешенное, точное, убедительное решение вопроса, над которым давно бьются ученые разных стран.

Иосиф Бродский (1940–1996) был новатором формы – изобретательным, настойчивым и, как кажется, очень влиятельным. Это – общее место в быстро множющейся научной литературе о нем; но при этом его обычно лишь восторженно хвалят (а изредка столь же категорично осуждают), но не показывают, в чем это новаторство состоит. В этой статье мы попробуем показать хотя бы один из аспектов его поэтической формы. Материалом будут стихи двух последних лет его жизни. Они составили часть последнего подготовленного им сборника, «Пейзаж с наводнением» (Dana Point, Калифорния, 1996), и вошли отдельным разделом в 4-й том наиболее полного издания «Сочинения Иосифа Бродского» (Санкт-Петербург, 1998) – под заглавием «1994–1996». В этот раздел входят также две поэмы, «Театральное» и «Тритон», 246 и 222 строки, вдсестеро длиннее средней величины малых стихотворений; из-за этой несоизмеримости мы их не рассматриваем. Конечно, такое ограничение материала рискует быть произвольным; но предварительное рассмотрение остальных стихотворений 4-го тома начиная с 1987 г. позволяет думать, что стихи 1994–1996 гг. скорее усиливают особенности формы его более ранних стихов, чем отклоняются от них. При разборе мы будем пользоваться обычной для русского стиховедения статистической методикой, с небольшими изменениями применительно к особенностям материала.

Для удобства ссылок эти 24 стихотворения пронумерованы по их порядку в «Сочинениях» (в скобках – страницы 4-го тома):

1 – «Храм Мельпомены» (165); 2 – «О если бы птицы пели...» (166); 3 – «Остров Прочида» (167); 4 – «В воздухе – сильный мороз и хвоя...» (168); 5 – «Византийское» (169); 6 – «В разгар холодной войны» (170); 7 – «В следующий век» (171); 8 – «Из Альберта Эйнштейна» (172); 9 – «Меня упрекали во всем...» (173); 10 – «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки...» (174); 11 – «На возвращение весны» (175); 12 – «После нас, разумется, не потоп...» (176); 13 – «Робинзонада» (177); 14 – «МСМХСІV» (193); 15 – «Клоуны разрушают цирк...» (194); 16 – «Осень – хорошее время года...» (195); 17 – «Воспоминание» (196); 18 – «Стакан с водой» (197); 19 – «На виа Фунари» (198);

¹ О предшествующей публикации см. предыдущий номер журнала «Вопросы языкознания».

20 – «Корнелию Долабелле» (199); 21 – «С натуры» (200); 22 – «Acce peregnius» (202); 23 – «Бегство в Египет, II» (203); 24 – «Август» (204).

Характер и рассматриваемые аспекты этого материала можно видеть на примере стих. 20, «Корнелию Долабелле». Его прощальная интонация, его уклон к нигилизму характерны для всей этой группы стихотворений. Поэт обдумывает свой приближающийся уход и говорит – скорее с уверенностью, чем с размышлением – о том, что от него останется, в особенности о стихах. Подчеркнутая автобиографичность этого стихотворения присутствует приблизительно в половине других стихотворений, обращение к мужчине-собеседнику – в четверти. Неоднократно встречается и главный прием этого стихотворения – взгляд на античный Рим сквозь картину современной Италии. Смерть как метаморфоза (иссыхание, окаменение превращают живое существо в неживое) – обычное представление у позднего Бродского; человек, который становится мраморной статуей, – почти навязчивый образ. И наоборот, искусство слова – тоже метаморфоза: невозможное возвращение неживого существа в живое.

1. Добрый вечер, проконсул или только-что-принял душ.
2. Полотенце из мрамора, чем обернулась слава.
3. После нас ни законов, ни мелких луж.
4. Я и сам из камня и не имею права
5. жить. Масса общего через две тыщи лет.
6. Все-таки время – деньги, хотя неловко.
7. Впрочем, что есть артрит если горит дуплет
8. как не потустороннее чувство локтя?
9. В общем, проездом, в гостинице, но не об этом речь.
10. В худшем случае, сдавленное «кого мне...»
11. Но ничего не набрать, чтоб звонком извлечь
12. одушевленную вещь из недр каменоломни.
13. Ни тебе в безрукавке, ни мне в полушубке. Я
14. знаю, что говорю, сбивая из букв когорту,
15. чтобы в каре веков вклинилась их свинья!
16. И мрамор сужает мою аорту.

Бродский печатает эти 16 строк без разбивки; однако этот текст распадается на четыре единообразные четверостишия с чередованием мужских и женских окончаний *aBaB*. Как и всюду у Бродского, синтаксическое членение здесь играет со стиховым членением. Стихотворение начинается тремя строчками, каждая по одному предложению, но на 4-й строке, в конце четверостишия, эта инерция нарушается, фраза перехлестывает через стихораздел и захватывает первый слог следующей строки. В этом выделенном слогом сказано *жить*: это один полюс антитезы, на которой построено стихотворение, второй полюс остается неназванным. В дальнейшем тексте концы предложений совпадают с концами четверостиший (ст. 8, 12, 16) и анжамбманы избегаются, за единственным исключением в строках 13–14, симметрично перекликающихся со строками 4–5.

Силлабический состав стихотворения можно представить, обозначая ударные слоги как *X* и безударные как *x*. Для удобства дальнейшего разбора строки в схеме выровнены по правому краю и слоги пронумерованы справа налево.

Сразу видно, что строки в стихотворении неравносложны и стихосложение их не силлабическое и не силлабо-тоническое. Длина строк колеблется очень широко: если не считать безударных окончаний, то 15-сложными будут строки 1 и 9, 14-сложными – 2 и 13, 13-сложными – 12 и 14, 12-сложными – 4, 5, 7, 11 и 15, 11-сложными – 3, 6, 8 и 10-сложной – 16. Всего в 16 строках 198 слогов, в среднем по 12,4 на строку.

Строки	Слоги (справа налево)															
	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	
1	X	x	X	x	x	X	x	x	x	X	x	x	X	x	X	
2		x	x	X	x	x	X	x	x	x	x	x	X	x	X	x
3					x	x	X	x	x	X	x	x	X	x	X	
4				x	x	X	x	X	x	x	x	x	X	x	X	x
5				X	X	x	X	x	x	x	x	x	X	x	X	
6					X	x	x	X	x	X	x	x	X	x	X	x
7				X	x	X	x	x	X	X	x	x	X	x	X	
8					x	x	x	x	x	X	x	x	X	x	X	x
9	X	x	x	X	x	x	X	x	x	x	x	x	X	x	X	
10					X	x	X	x	x	X	x	x	x	x	X	x
11				x	x	x	X	x	x	X	x	x	X	x	X	
12			x	x	x	X	x	x	X	x	X	x	x	x	X	x
13		x	x	X	x	x	X	x	x	X	x	x	X	x	X	
14			X	x	X	x	x	X	x	X	x	x	X	x	X	x
15				x	x	x	X	x	X	X	x	x	X	x	X	
16						x	X	x	x	X	x	x	X	x	X	x

Строки разной длины следуют друг за другом неупорядоченно, две одинаковых строки подряд встречаются только один раз – в строках 4–5, где их равенство незаметно из-за анжамбмана с точкой после первого слога второй строки. Однако длина строк небезразлична к положению строки в четверостишии. Здесь обнаруживается примечательная архитектура. Первые строки четверостиший содержат в сумме 56 слогов (в среднем 14,0); вторые строки – 49 (в среднем 12,2); третьи – 47 (в среднем 11,7); четвертые – 46 (в среднем 11,5). Таким образом, перед нами тенденция к последовательному укорачиванию строк («облегчению») от начала к концу четверостишия, хорошо известная в русском стихе и на других уровнях ритма. Особое значение при этом приобретает заключительная строка стихотворения.

Традиционная русская метрика условно различает только слоги ударные или безударные, без промежуточных степеней, и слоги промежуточной силы на сильных позициях считаются ударными. Но когда речь идет о не-силлабо-тоническом стихе, где различие сильных и слабых слогов не задано метрической схемой, неизбежно возникают спорные случаи. Любопытнее всего поведение местоимения я. На последней позиции строки 13 (четвертый стих от конца) это слово стоит в рифме, и мы его считали ударным. Симметричным образом это слово стоит на начальной позиции строки 4 (четвертый стих от начала), и мы видели, что это было отражено и в синтаксисе; но здесь мы не считали его ударным, потому что логическое ударение приходится не на я, а на сам.

Всего в 16 строках – 72 ударения, в среднем по 4,5 на строку. Отношение числа ударных слогов к числу всех слогов 1:2,7, это очень близко к среднему показателю для русской прозаической речи. Ударность отдельных строк соотносится с их слоговой длиной лишь приблизительно. Например, пять 12-сложных строк (4, 5, 7, 11 и 15) несут соответственно 4, 5, 6, 4 и 4 ударений. Но в пределах четверостишия распределение ударности обнаруживает ту же тенденцию, что и распределение слоговой длины строк: средняя ударность первых строк четверостиший – 5,3; вторых и третьих – 4,5; а четвертых – только 3,7 (3,5?), отчасти под влиянием заключительной строки, самой короткой в стихотворении.

Распределение ударений внутри строки тоже позволяет заметить некоторые тенденции. 1-й слог с конца, в рифме, всегда ударен. 2-й и 4-й слоги с конца, наоборот, всегда безударны. 3-й слог несет ударение в 14 из 16 строк (87,5%), а 5-й, наоборот, только в одной строке. На 6-м слоге – 11 ударений (68,8%), на 7-м и 8-м только по 3 ударения; на 9-м – 9 ударений (56,3%), на самом дальнем 10-м – только 4 ударения. Таким образом, можно сказать, что в ритме строк «Корнелию Долабелле» одни слоговые позиции являются преимущественно сильными, другие преимущественно слабыми. На сильных позициях (1, 3, 6, 9) ударность постепенно убывает от конца к началу строки, на слабых позициях (2, 4, 5, 7, 8, 10) постепенно убывает от начала к концу строки.

Начало строки организовано гораздо слабее, чем конец. Если посмотреть на первые три слога строки, то в четырех строках (2, 3, 4, 13) начин окажется анапестический (ххХ), в четырех (1, 7, 10, 14) – анапестический со сверхсхемным ударением в начале (ХхХ), в двух (6, 9) – дактилический (Ххх), в одной (16) – амфибрахический (хХх), в одной (5) – амфибрахический со сверхсхемным ударением в начале (ХХх); три строки (11, 12, 15) начинаются тремя безударными слогами, и одна (8) – даже пятью безударными слогами.

Из сказанного ясно, что такая стиховая структура не соответствует ни двусложным, ни трехсложным русским силлабо-тоническим размерам. Она содержит междуударные интервалы от нуля (...*артрит если...*) до 5 слогов (...*из мрамора, чем обернулась...*). Как мы видели, чувствуется сильное тяготение односложных интервалов ко 2-й позиции и двусложных интервалов к 4–5-й и 7–8-й позициям. Если рассматривать только ядро каждой строки (от первого не сверхсхемного до последнего, константного, ударения), то всего в тексте 51 интервал. Среди них только один – нулевой, 18 – односложных (14 из них на 2-й позиции), 24 – двусложных (в том числе 10 на 4–5-й позициях и 5 на 7–8-й позициях), 3 – трехсложных, 2 – четырехсложных и 3 – пятисложных.

В традиционном русском стихе четырех- и пятисложные интервалы появляются только при пропуске ударения на икте; то же можно сказать и о трехсложных в контексте двусложников (ямбов и хорсев). Нулевой интервал невозможен ни в двусложниках, ни в трехсложниках и появляется только при сверхсхемном ударении. По возможности мы проставляли ударения именно так. Поэтому начальное ударение в 5-й строке мы считали сверхсхемным. В 7-й строке ударение на *если* тоже можно было бы считать сверхсхемным, на первом слоге трехсложного интервала. Мы старались в сомнительных случаях действовать так, как действовали бы в двусложных или трехсложных размерах, т. е. допускали трехсложные интервалы только там, где это было неизбежно, как в строке 12-й. Спорные результаты бывали, но редко (в стих. «Корнелию Долабелле» – 4 интервала из 51, т. е. меньше 8%). В целом можно сказать, что на уровне строки в нашем материале около 37% интервалов односложных (преимущественно на предпоследней позиции) и 41% двусложных; вместе они составляют около 80% всех интервалов.

Рассмотрим теперь все 24 стихотворения таким же образом, как мы рассматривали «Корнелию Долабелле». В таблице 1 и далее стихотворения перечислены в последовательности нарастания средней длины строки (не считая безударного окончания). Указывается длина (число строк) стихотворения, общее и среднее число слогов и ударений (включая сверхсхемные) и отношение числа слогов к числу ударений.

Таблица 1

Строки, слоги и ударения в 24 стихотворениях

№ стих.	Число строк	Число слогов	Число ударений	Число слогов в строке	Число ударений в строке	Отношение
23	24	225	85	9,4	3,5	2,6
4	16	153	61	9,5	3,8	2,5
21	40	403	146	10,1	3,6	2,8
22	16	168	72	10,5	4,5	2,3
18	16	182	75	11,4	4,7	2,4
3	8	95	35	11,9	4,4	2,7
9	16	191	72	11,9	4,5	2,6
1	20	244	84	12,2	4,2	2,9
20	16	198	72	12,4	4,5	2,7
2	16	199	79	12,4	4,9	2,5
7	16	201	67	12,5	4,1	3,0
15	14	176	53	12,6	3,8	3,3
13	21	266	93	12,7	4,4	2,9
8	16	205	73	12,8	4,5	2,8
12	23	312	97	12,9	4,2	3,1
6	16	208	80	13,0	5,0	2,6
10	22	287	94	12,0	4,3	3,0
16	16	213	82	13,3	5,1	2,6
19	31	414	139	13,3	4,5	3,0
14	23	314	122	13,6	5,3	2,5

Таблица 1 (окончание)

№ стих.	Число строк	Число слогов	Число ударений	Число слогов в строке	Число ударений в строке	Отношение
24	16	221	77	13,8	4,8	2,8
5	16	222	83	13,9	5,2	2,6
11	16	228	80	14,2	5,0	2,8
17	16	236	81	14,7	5,1	2,9
Всего	450	5561	2002			
В среднем	18,7	231,7	83,4	12,3	4,4	2,8

Из таблицы видно, прежде всего, что ни одно из 24 стихотворений не принадлежит к традиционной силлаботонике. Это завершение долгого развития стиха Бродского. Особенно замечательно в этом отношении стих. 23, «Бегство в Египет, II», хронологически последнее в ряду рождественских стихов Бродского. Предыдущее стихотворение, озаглавленное датой сочинения «25.XII.1993» («Сочинения», т. 4, с. 199), написано 4-ст. амфибрахийем, как и вся рождественская серия, и это было, по-видимому, последнее силлабо-тоническое стихотворение Бродского.

В наиболее употребительных силлабо-тонических размерах ядерная часть строки содержит 7–10 слогов: 7 – в 4-ст. хорее, 8 – в 4-ст. ямбе и 3-иктном дольнике с 2-сложной анакрусой, 9 – в 5-ст. хорее и 3-ст. анапесте, 10 – в 5-ст. ямбе. В стихах Бродского даже наименьшая длина строки (9,4 слога в стих. 23) стоит у верхнего предела этого диапазона. Колебания средней длины строк во всех 24 стихотворениях – от 9,4 до 14,7 слогов, в среднем – 12,3 слога: это заметно больше, чем в основных размерах силлаботоники. Длинные строки – самый характерный признак лирики позднего Бродского. При этом можно заметить, что в двух поэмах, не рассматриваемых нами, строки короче: в «Театральном» – в среднем 10,8, а в «Тритоне» даже 6,4 слога. Бродский явно играет с привычными стиховыми ассоциациями длинных и коротких, эпических и лирических произведений.

Наконец, из таблицы видно, что в стихе Бродского нет прямой связи между длиной строки, ударностью и соотношением слогов и ударений, а есть лишь приблизительная. Отношение числа ударений к числу слогов показывает, так сказать, «густоту» ударений, и можно видеть, что от стихотворения к стихотворению она сильно колеблется: в стих. 15 она необычно малая, а в стих. 22 необычно большая.

В таблице 2 показано количество строк различной длины в 24 стихотворениях; в последнем столбце – число типов строк разной длины в каждом стихотворении. Строки очень редких объемов особо не выделены: это 3 строки по 19 слогов, 4 по 18, 8 по 17, 4 по 7 и по одной 5-, 4- и 2-сложной. Три последних типа встречаются только в стих. 7: это единственное стихотворение со строками относительно урегулированной длины – за тремя длинными строками следует одна короткая.

Таблица 2

Длина строк в 24 стихотворениях

№ стих.	Число слогов в строке (кроме окончания)									Число типов
	16	15	14	13	12	11	10	9	проч.	
23	0	0	0	0	0	0	11	11	2	3
4	0	0	0	0	0	0	9	7	0	2

Таблица 2 (окончание)

№ стих.	Число слогов в строке (кроме окончания)									Число типов
	16	15	14	13	12	11	10	9	проч.	
21	0	2	1	0	5	5	9	12	2	8
22	0	0	0	0	0	8	8	0	0	2
18	0	1	0	4	3	1	5	2	0	6
3	0	0	2	1	1	2	2	0	0	5
9	0	0	0	7	6	0	1	2	0	4
1	0	3	4	1	6	0	4	2	0	6
20	0	2	2	2	5	4	1	0	0	6
2	0	0	1	7	6	2	0	0	0	4
7	3	1	0	2	1	0	1	1	10	13
15	1	3	1	2	2	0	1	1	4	10
13	2	3	1	2	5	3	3	1	1	9
8	0	3	4	3	3	1	0	1	1	7
12	2	2	5	4	2	4	0	3	1	8
6	1	3	1	5	5	0	0	0	1	6
10	0	5	4	4	2	4	1	1	1	8
16	2	3	3	2	3	2	1	0	0	7
19	6	5	4	5	2	4	3	0	2	9
14	1	4	3	3	1	3	3	1	4	11
24	3	3	2	4	4	0	0	0	0	5
5	0	0	2	1	1	2	2	0	1	5
11	5	3	2	3	3	0	0	0	0	5
17	3	8	3	2	0	0	0	0	0	4
Всего	31	56	46	69	66	44	63	45	30	153
В %	6,9	12	10	15,3	14,7	9,8	14	10	6,7	

Строки разных объемов сочетаются в этих стихотворениях очень разнообразно. В стихотворениях 4 и 22 мы находим строки двух объемов, в стих. 23 – трех объемов, в стихотворениях 9, 2 и 17 – четырех объемов и т. д., вплоть до уникального по неоднородности стих. 7 со строками 13 разных объемов. Среднее количество разных типов строки на одно стихотворение – 6,4. Как мы уже видели, поэт заботится прежде всего о разнообразии: нет таких двух стихотворений, в которых разные типы строк были бы представлены одинаково. А на примере стих. 20 мы наблюдали, что Бродский избегает единообразия и при последовательном сочетании отдельных строк.

Значение этих показателей станет яснее, когда мы перенесем рассмотрение с уровня строки на уровень строфы. Уже в таблице 1 можно было заметить, что в большинстве стихотворений число строк делится на 4. Теперь в таблице 3 мы подробнее рассмотрим членение стихотворений при наличии и при отсутствии рифм. Будем различать тексты с типографской разбивкой (РЗБ) и без типографской разбивки (НРЗБ).

Строфические и нестрофические стихотворения

Строфика	Объем	Рифмовка	№ стих.	Всего
РЗБ	2-стишия	АА	21	1
		аа	22	1
	4-стишия	аааа	1	1
		аабб	23	1
		ААББ	4, 6	2
		АБАБ	2, 8, 9, 24	4
		абаб	3	1
		АБАБ	6, 18	2
		смешанное чередование	11	1
НРЗБ	4-стишия	АБАБ	17	1
		аБаБ	20	1
		смешанное чередование	5, 7	2
		неурегул. нерифмованные	10, 12, 13, 14, 15, 19	6

Таким образом, три четверти всех стихотворений – рифмованные. Нерифмованные образуют отдельную группу; все они не имеют типографской разбивки и расчленяются только на строки. Из 18 рифмованных стихотворений, наоборот, не имеют разбивки только четыре; остальные разбиты на 2-стишия (два стихотворения) и на 4-стишия (все остальные). Это преобладание 4-стиший – знак связи позднего Бродского с господствующей традицией русской лирики: он сближается с ней после долгого творческого экспериментирования с более длинными сложными строками. Памятью о его виртуозной работе с рифмой осталось в нашем материале стих. 1, «Храм Мельпомены» – 4-стишия на одну рифму с типографской разбивкой, в которых, вдобавок, все рифмующиеся слова первых четырех строф кончаются на *-ль*: *дуэль – шинель – ужель – в цель...* и т. д.

Шесть нерифмованных стихотворений насчитывают 134 строки; Бродский не раз объявлял о своей приверженности к рифме, поэтому удивительно, что почти 30% его последних стихов ее лишены. Временное ли это отклонение от своих предпочтений или результат глубинной тенденции, – это еще предстоит исследовать. Средняя длина этих стихотворений – 22,3 строки, заметно больше, чем в рифмованных; и они не делятся на 2- и 4-стишные отрезки, как остальные стихотворения.

Рассматривая стих. 20, мы видели, что длина строки в нем зависела от ее места в 4-стишии. Рассматривая остальные стихотворения, мы видим, что эта закономерность наблюдается не всюду. Она характерна для еще трех стихотворений: стих. 2 (длина первых, вторых и т. д. строк четверостиший – 51, 50, 50, 48 слогов), стих. 3 (28, 23, 23, 21 слог) и стих. 18 (53, 47, 41, 41 слог). В четырех стихотворениях наибольшая длина строки приходится на вторую позицию: стих. 4 (38, 39, 39, 37), стих. 5 (56, 59, 57, 50), стих. 8 (55, 60, 51, 49) и стих. 17 (57, 62, 59, 58). В одном стихотворении строка удлиняется на третьей позиции: стих. 9 (50, 48, 50, 43); и в одном, как исключение, на третьей и четвертой: стих. 24 (54, 52, 55, 60). Наконец, есть группа стихотворений с тенденцией удлинения первой и последней строк: стих. 1 (64, 60, 58, 62), стих. 6 (57, 51, 47, 53), стих. 11 (62, 54, 54, 58), стих. 16 (56, 52, 50, 55) и стих. 23 (58, 57, 54, 56). Распределение ударности, как и в стих. 20, следует тем же тенденциям. Таким образом, облегчение стиха к концу строфы – это у Бродского скорее ритмический прием, применяемый от случая к случаю, нежели проявление глубинных языковых норм.

От упорядочивания конца строки посредством рифмы обратимся к упорядочиванию начала строки -- того, что в традиционном стихе называется анакрусой. В рассматриваемом типе стиха позиция первого икта (как и остальных) не определяется метрической схемой. В таблице 4 приводятся данные о расположении ударений на первых трех слогах строки (так же, как выше -- для стих. 20). X по-прежнему означает ударный слог, x -- безударный.

Таблица 4

Зачины стихотворной строки

<i>№ стих.</i>	<i>Xxx</i>	<i>xXx</i>	<i>xxX</i>	<i>XxX</i>	<i>др.</i>
23	3	17	1	1	2
4	3	12	0	0	1
21	14	10	8	3	3
22	0	0	12	4	0
18	0	8	5	1	2
3	3	1	3	0	1
9	1	14	0	0	1
1	4	7	3	2	4
20	3	2	4	3	4
2	2	14	0	0	0
7	1	3	8	2	2
15	7	2	2	1	2
13	9	10	1	0	1
8	6	5	3	0	2
12	8	2	8	1	4
6	4	5	2	4	1
10	3	5	9	4	1
16	6	5	2	0	3
19	6	9	12	0	4
14	8	4	9	1	1
24	6	6	2	1	1
5	4	10	1	1	0
11	3	9	2	2	0
17	6	10	0	0	0
Всего	110	170	97	31	42
В %	24,4	37,8	21,6	6,9	9,3

Таблица показывает полное отсутствие какой-либо упорядоченности в зачине строки -- даже если мы будем считать XxX вариантом xxX со сверхсхемным ударением. Почти все стихотворения содержат зачины всех пяти типов. Разнообразие зачинов, которое мы видели в стих. 20, оказывается характерно для всего нашего материала. Только в пяти стихотворениях (2, 4, 5, 9, 23) обнаруживается предпочтение какого-

либо одного зачина (75% и больше), и во всех пяти случаях это амфибрахический зачин. По сумме строк амфибрахический зачин – самый частый (около 38%), а за ним следуют анапестический (28,5% при учете сверхсхемного ударения) и дактилический: можно сказать, что реально здесь противопоставляются амфибрахический зачин и все остальные.

Таким образом, мы находим в нашем материале большую степень урегулированности в конце строки и меньшую в начале строки. Переходим теперь к серединной части строки. В таблице 5 приводятся данные о распределении междуударных интервалов в каждом из 24 стихотворений и во всем их корпусе в целом.

Таблица 5

Междуударные интервалы и количество слогов

№ стих.	Междуударные интервалы								Всего
	0	1	2	3	4	5	6	7	
23	0	24	30	0	6	0	0	0	60
4	0	20	23	0	0	2	0	0	45
21	0	40	35	3	12	8	0	1	99
22	0	25	22	1	0	0	0	0	48
18	0	15	12	2	10	0	2	0	41
3	1	9	12	0	6	4	0	0	26
9	1	19	28	2	4	0	1	0	55
1	0	23	25	3	6	4	1	0	62
20	3	26	24	2	2	3	0	0	60
2	0	25	38	0	1	0	0	0	64
7	1	12	18	5	5	5	0	0	46
15	0	11	8	0	10	6	1	1	37
13	0	15	26	8	12	2	1	0	64
8	1	18	29	3	8	1	0	0	60
12	0	18	32	5	13	4	0	0	72
6	1	20	30	2	4	1	1	0	59
10	0	14	35	2	12	3	1	0	67
16	1	24	34	2	3	1	0	0	65
19	0	34	44	8	12	4	1	1	104
14	0	17	35	8	15	3	0	0	78
24	2	21	23	5	9	2	0	0	62
5	0	18	34	3	6	2	0	0	63
11	1	20	34	3	2	4	1	0	65
17	0	19	17	2	14	5	1	1	59
Всего	12	487	648	69	168	62	11	4	1461
В%	0,8	33,3	44,4	4,7	11,5	4,2	0,8	0,3	

Из таблицы сразу виден признак, объединяющий все стихотворения в ритмическое целое: более 77% всех интервалов 1-сложные и 2-сложные, на первые приходится около трети от всех, на последние – еще на 10% больше. Следующий по частоте – 4-сложный интервал (около 11%): его можно считать, как в дольнике, сочетанием 1-сложного и 2-сложного интервала с пропуском на икте между ними. Следующий, 5-сложный, интервал – точно такое же сочетание двух 2-сложных интервалов с пропуском ударения на икте между ними. 3-сложный интервал (только около 5%) – сочетание двух 1-сложных интервалов с пропуском ударения между ними; он характерен для 2-сложных метров. 5-, 6- и 7-сложные интервалы можно интерпретировать аналогичным образом. Нулевой интервал, не характерный ни для 2-сложных, ни для 3-сложных метров, составляет менее 1%.

По цифрам отдельных строк видно, что некоторые стихотворения организованы строже, чем другие, т. е. интервалы их единообразнее. Как было показано, признаком относительной однородности может считаться повышенный процент 3-сложных интервалов: в таблице 5 это стихотворения 7, 13 и 14.

Наконец, следует рассмотреть распределение различных интервалов по стихотворной строке. Разбор стих. 20 показал, что удобнее всего для этого подсчитать частоту ударений на всех позициях строки. Эти цифры (для последних 12 позиций) представлены в таблице 6; суммарные процентные показатели высчитаны от 450 строк, хотя мы видели из таблицы 1, что не все из этих строк достигают такой длины.

Таблица 6

Ударность на слогах стихотворной строфы

№ стих.	Слоги (справа налево)											
	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
23	0	0	0	14	7	0	21	0	0	19	0	24
4	0	0	0	11	4	1	14	0	0	15	0	16
21	4	3	4	20	12	5	24	4	0	29	0	40
22	0	3	1	8	10	0	15	3	0	16	0	16
18	3	3	3	7	6	2	9	1	0	7	0	16
3	3	1	1	3	4	4	5	1	0	4	0	8
9	7	5	1	9	7	0	12	1	0	14	0	16
1	3	5	5	10	6	1	13	1	0	16	0	18
20	4	3	4	9	3	3	11	1	0	13	0	16
2	7	8	1	9	7	0	15	0	0	15	0	16
7	3	6	4	3	2	5	7	1	0	7	0	15
15	4	3	2	6	3	4	5	0	0	6	0	14
13	5	5	8	10	3	3	19	0	1	8	0	21
8	7	4	3	9	4	2	11	0	1	9	0	16
12	7	4	5	11	4	2	18	0	1	13	0	23
6	6	7	1	9	4	3	11	0	0	15	0	16
10	9	6	2	13	7	0	16	0	1	11	0	20
16	4	7	3	9	5	1	16	1	1	12	0	16
19	7	10	10	11	6	4	22	1	0	21	0	31
14	5	2	9	10	5	2	19	0	0	10	0	23
24	5	4	7	4	4	5	12	0	0	10	0	16
5	11	4	2	8	4	6	11	0	0	12	0	16
11	11	3	4	8	4	2	9	2	0	10	0	16
17	2	0	5	6	6	6	13	1	0	9	0	16
Всего	117	96	85	217	127	61	326	18	5	301	0	445
В %	26,3	21,6	18,9	48,8	28,5	13,6	72,3	4,0	1,1	76,6	0	98,9

Можно видеть, что стих. 20 было достаточно показательно для всего нашего материала: сильными позициями от конца строки к началу являются 1, 3, 6, 9 и (может быть) 12. 6-й слог на 5% сильнее, чем 3-й, но дальше к началу строки ударность слабеет. И наоборот, слабые позиции становятся все сильнее от 2-й до 8-й позиции, а 10-я позиция опять слабеет (подтверждая этим силу 9-й позиции). 11-я позиция сильнее 10-й, а 12-я позиция (которая при выдержанном трехсложном ритме была бы сильной) сильнее 11-й лишь менее, чем на 5%. Далее влево от 12-й позиции начинается область анакруссы, о которой мы уже говорили.

Встает вопрос, как соотносится это суммарное распределение ударений по строкам с длиной отдельных строк. Чтобы дать ответ, мы сделали подсчеты отдельно по наиболее частым объемам строк, от 9 до 16 слогов. Результаты представлены в таблице 7. 2-я позиция пропущена, потому что, как мы видели, она всегда безударна.

Таблица 7

Ударность на слогах восьми главных типов строк

Число слогов	Ударения на слогах (справа налево)											Число строк
	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	1	
16	48,4	16,1	51,6	38,7	9,7	6,4	77,4	0	0	45,2	96,8	31
15	35,5	12,9	32,3	51,6	22,6	6,5	48,4	7,1	0	64,3	100	56
14	41,3	26,1	17,4	58,7	36,9	10,9	65,2	2,2	2,2	47,8	100	46
13	44,9	31,9	21,7	39,1	29	24,6	73,9	5,8	0	75,4	100	69
12	39,6	41,3	15,9	52,4	27	15,9	71,4	0	1,6	77,8	100	65
11		38,6	6,8	52,3	43,2	4,8	75	4,5	2,3	68,2	100	44
10			17,5	55,6	28,6	9,5	79,4	4,8	1,6	79,4	100	63
9				44,4	42,2	6,7	66,7	0	0	71,1	100	45

Число строк так невелико, что статистические сопоставления становятся ненадежны; однако ясно, что общая схема с сильными позициями 1, 3, 6 и 9 сохраняется при любой длине строки. Есть, однако, и особенности: 3-й слог сильнее 6-го в 15- и 12-сложных строках, 6-й сильнее 3-го в 14- и 11-сложных строках, а в 10-сложных строках они равносильны. Дальше к началу строки ритмический рисунок становится сложнее. Амфибрахический зачин (обычно самый частый) появляется здесь только в 10-сложных строках. Его суммарное преобладание складывается в основном за счет более длинных строк, анакруссы которых не вмещаются в таблицу 7. А именно, в 16-сложных строках ударность первых трех слогов 12,9 – 64,5 – 12,5; в 15-сложных 29 – 45,2 – 22,6; в 13-сложных 23,2 – 44,9 – 31,9. В 14-сложных строках зачин – дактилический, а в 12- и 9-сложных первые два слога приблизительно равноударны. 16-, 15-, 14- и 13-сложные строки выдерживают ритм, в котором за сильными 12-м и 9-м слогами следуют 2-сложные интервалы (11–10, 8–7), но к концу строки эта четкость слабеет. Остальные же (12-, 11-, 10- и 9-сложные) строки слишком коротки, чтобы в промежутке между анакрусой и сильным 6-м слогом определился какой-то ритм.

Таковы основные характеристики 24 стихотворений: длина строк, строфическое членение, наличие и отсутствие рифмы, ритм ударений. Они подтверждают наше впечатление от таблицы 1: ни одно стихотворение не совпадает по характеристикам с другим. Скорее они образуют непрерывную цепь постепенных переходов от большей к меньшей упорядоченности по каждому признаку. На одном конце этого спектра – такой стих, как в стихотворении 4:

На Юге, где в редкость осадок белый,
Верят в Христа, так как сам он беглый:
Родился в пустыне, песок-солома,
и умер тоже, слышать, не дома.

Длина строк в этом стихотворении колеблется между 10 и 9 слогами: три из четырех строк имеют амфибрахическую анакрису: в строке 4 ударения, места их упорядочены, расположение интервалов 2-2-1 (исключение - 1-й интервал последней строки). Здесь легко опознается 4-иктный дольник с высокой урегулированностью. Бродский не только печатает эти стихи отдельными четверостишиями с парной рифмовкой (ААББ), но и следит, чтобы синтаксические членения совпадали с метрическими. В стихотворениях 22 и 23 легко узнаваем тот же размер; менее привычны, но родственны 5-иктный дольник в стих. 2 и 6-иктный дольник в стих. 17. Строрифика всюду одинакова.

На противоположном конце спектра упорядоченности стоит стих. 19:

Во всяком случае, не менее вероятно.
Что знаменитая неодушевленность
Космоса, устав от своей дурной
Бесконечности, ищет себе земного
Пристанища, и мы тут как тут. И нужно еще сказать
Спасибо, когда она ограничивается квартирой...

Строки здесь содержат 13, 11, 10, 11, 16 и 16 слогов (не считая женских окончаний, несмотря на отсутствие рифм); в них 4 - 2 - 4 - 4 - 6 и 4 ударения, а между ними встречаются очень длинные интервалы, например 6-сложный в словах *знаменитая неодушевленность*. Зачины строк непредсказуемы - от нуля до 4 слогов перед первым ударением. Все это объединяется страстью Бродского к синтаксическим анжамбманам, особо ощутимым на фоне повторяющихся в конце каждой строки (после 6 слога с конца) ритмов 2-1, причем 6-й слог с конца во всех этих строчках, кроме второй, несет ударение.

Это стихотворение - одно из шести, не имеющих ни рифмовки, ни строфической организации (другие пять - это 10, 12, 13, 14 и 15). Мы видели в них повышенное разнообразие типов строки - в среднем 9,2 вместо общего среднего 6,4 (см. таблицу 2). Средняя длина строки в них - 13,2 слога вместо общей средней 12,3 (см. таблицу 1) и вместо средней для остальных стихотворений 12. Однако среднее число ударений на строку - 4,5, в точности, как общее среднее (см. таблицу 1). Это значит, что густота ударений в этих стихах ниже средней (1:3 вместо 1:2,7). Ритмика приведенных шести строк характерна для всех шести нерифмованных стихотворений. Ударность последних 9 слогов в их 134 строках: 44,8 - 21,6 - 11,2 - 73,1 - 0 - 0 - 51,5 - 0 - 98,5. Общий профиль ударности сглажен по сравнению со средним из-за пониженной ударности 3-й позиции (см. таблицу 6), но сохраняет четкость благодаря полной безударности 2-й, 4-й и 5-й позиций. Этот концовочный ритм и служит фоном для синтаксических анжамбманов.

Большинство рассматриваемых стихотворений Бродского (13 из 24) лежит в промежутке между этими крайностями порядка и беспорядочности. Полноправным представителем этого большинства может служить стих. 20, рассмотренное нами ранее. Эти 13 стихотворений можно выстроить по нескольким критериям с убывающей упорядоченностью. Примем за основу характер организации стиха на уровне выше строки (см. таблицу 3), а внутри получившихся категорий расположим стихотворения по нарастанию разнообразия типов строк и по убыванию доли 1-сложных и 2-сложных интервалов. Все эти факторы в конечном счете определяют большую или меньшую однородность или неоднородность стиха.

В таблице 8, однако, не показан самый главный признак, с которым мы имели дело: отчетливость расположения сильных и слабых слогов. В таблице 9 мы приводим показатели ударности сильных позиций для пяти максимально упорядоченных (дольниковых) и шести минимально упорядоченных (нерифмованных) стихотворений, а между ними - для РЗБ и НРЗБ групп промежуточной строгости.

Таким образом, отчетливость стихового ритма, выраженная в степени ударности сильных позиций, убывает в прямой зависимости от остальных стихообразующих факторов. Единственное исключение – это 6-й слог в нерифмованных стихах, который несет ударение чаще, а не реже, чем в стихах с типографской разбивкой и без такой разбивки; ритмообразующую важность этого слога мы уже обсуждали по поводу цитаты из стих. 19.

Таблица 8

Классификация 13 стихотворений

Строфика	Объем	№ стих.	Типы строк	Анакруса	1–2-сл. интервалы
РЗБ	4-стишия	9	4	хХх	85%
		3, 11	5	смеш.	80%
		24	5	смеш.	70%
		6	6	смеш.	85%
		1	6	смеш.	77%
		18	8	смеш.	66%
		16	7	смеш.	90%
		8	7	смеш.	78%
		2-стишия	21	9	смеш.
НРЗБ	4-стишия	20	6	смеш.	80%
		5	7	хХх	82%
		7	10	смеш.	75%

Таблица 9

Ударность сильных позиций в четырех группах стихов

Ударения на слоге	9	6	3	1	Всего
Дольник	54,5	88,6	84,1	100	88
С разбивкой (РЗБ)	48,6	70,0	70,0	98,9	140
Без разбивки (НРЗБ)	45,9	60,2	69,3	98,9	88
Нерифмованные	44,8	73,1	51,5	98,5	134

Показатели таблицы 9 еще раз свидетельствуют: при построении стиха разных типов Бродский пользуется более строгой и более слабой упорядоченностью его стихообразующих признаков не для того, чтобы компенсировать один другим, а для того, чтобы создать типы стиха с убывающей упорядоченностью по всем признакам, на всех уровнях структуры. Мы видели, что классификация этих типов стиха – дело нелегкое; может быть, вернее всего считать эти 24 стихотворения образующими единую группу с плавными переходами упорядоченности от строгого дольника до расшатанного акцентного стиха. Называть их свободным стихом не приходится: даже при наибольшей расшатанности они сохраняют отчетливый ритмический профиль. Эти последние стихи Бродского – вершина оригинального и яркого индивидуального решения проблемы стихового новаторства в русской поэзии конца XX в. Оно позволяет нам ощущать эти стихи как неповторимо характерные для Бродского и видеть их отличие от более традиционных стихотворных форм с их культурными ассоциациями.

2001 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Carstairs-McCarthy. The evolution of morphology. Oxford: Oxford university press, 2010. 253 p. (Studies in the evolution of language 14)

Книга Эндрю Карстейрса-Маккарти вышла в серии, посвященной происхождению языка. Но, хотя в книге имеется немало рассуждений о том, как разговаривали первобытные люди, соображения эволюции оказываются в большой степени лишь поводом для того, чтобы взглянуть на современное состояние человеческого языка и попытаться понять, как те свойства языка, которые мы реально наблюдаем, могут существовать и воспроизводиться.

В центре теории Э. Карстейрса-Маккарти – понятие «прозрачности словаря», опирающееся на известный «принцип контраста», или принцип «избегания синонимии» (*synonymy avoidance*). Суть этого принципа в следующем: наш ум предрасположен считать, что любая языковая форма значит не то, что любая другая, отличная от нее языковая форма (с. 59). Эта предрасположенность была продемонстрирована на маленьких детях (см., например [Diesendruck, Markson 2001]), обезьянах и даже на собаке колли по имени Рико [Kaminski, Call, Fischer 2004; Bloom 2004], а значит, возникла задолго до человека и человеческого языка. Тем не менее взрослым людям постоянно приходится сталкиваться с тем, что та или иная языковая форма передаст тот же смысл, что и некоторая другая. Например, англ. *dog* значит то же, что русск. *собака*. Слова *здравствуйте* и *привет* передают одно и то же значение – но в разных коммуникативных ситуациях. Показатель множественного числа *-и* в слове *плечи* имеет ровно тот же смысл, что и *-а* в слове *копыта*. Идея определенного способа перемещения может быть выражена и при помощи формы *бег-* (*бегу*), и при помощи формы *беж-* (*бежит*). Два последних случая, иногда объединяемые под общим названием алломорфии, удостоиваются особого внимания автора, в том числе и потому, что в большинстве существующих морфологических теорий эта проблема недооценивается.

Э. Карстейрс-Маккарти стремится создать теорию, которая бы объясняла не только возможность того, что возможно, но и невозможность того, что невозможно, в отличие от других теорий, способных объяснить возможность слишком многого, в том числе и того, чего в языке на самом деле не бывает.

В первой главе книги (*Design in language and design in biology*) автор ставит задачу своего исследования. На с. 5 формулируются три основных вопроса, касающиеся морфологии естественных языков. Во-первых, почему морфология вообще существует? Иными словами, почему у слов бывает внутренняя структура, которую невозможно описать теми же методами, что структуру предложения? Во-вторых, почему морфология имеет такие свойства, какие она имеет: откуда берутся различия между морфемой и алломорфом, аффиксом и корнем, словоизменением и словообразованием, агглютинацией и фузией, продуктивными и непродуктивными морфологическими процессами? И наконец, в-третьих, почему считается, что морфология теснее связана со словарем, чем синтаксис?

Вторая глава (*Why there is morphology: traditional accounts*) посвящена доказательству того, что морфология действительно существует и несводима к синтаксису. Это реакция на то, что среди англоязычных работ много таких, где делаются попытки распределить морфологические феномены между синтаксисом, фонологией и словарем, морфологию нередко рассматривают с исторической точки зрения как продукт распада более ранней системы, где были только фонология и синтаксис. И действительно, если грамматика нужна для того, чтобы семантические отношения между значащими единицами в высказывании были предсказуемы, то почему бы не обойтись одним синтаксисом?

Но, с другой стороны, если морфология представляет собой лишь досадное недоразумение или в лучшем случае побочный продукт эволюции, почему же тогда язык не стремится немедленно от нее избавиться? Почему в языке нет механизма, который бы не позволял словам превращаться в морфемы, блокировал бы развитие алломорфии, запрещал идиоматические приращения значения и т. д.? А такого механизма очевидным образом нет – иначе морфология в языках мира встречалась бы гораздо реже. Более того, морфология, как отмечает Э. Карстейрс-Маккарти, может накладывать свой отпечаток на регулярные фонетические соответствия при развитии языков (ср. [Бурлак, Старостин 2005: 201–202; Иткин 2007: 75–79]).

В третьей главе (*A cognitive-articulatory dilemma*) автор обращается к гипотезам о том времени, когда язык еще только зарождался, слова уже существовали, а синтаксиса еще не было. По его мнению, речь на этом этапе состояла все же не из отдельных слов, а из комбинаций слов, причем произносились эти комбинации достаточно бегло, без пауз между компонентами, а сами слова могли насчитывать по несколько слогов.

Могло ли быть, что возможность комбинировать сигналы уже была, сами сигналы были многосложными, но при этом комбинации более чем из двух слов не встречались? В принципе параллелью этому мог бы служить известный исследователям детской речи этап «двусловных высказываний» (следующий за этапом однословных высказываний и предшествующий этапу полных предложений; существенно при этом, что этапов «трехсловных», «четырёхсловных» или т. п. высказываний не существует, см., например, [Шинкер 2004: 256]), хотя сам автор такого сопоставления не принимает. Но могла ли такая речь быть беглой, не содержать уточняющих повторов (ни со стороны говорящего, ни со стороны адресата) – сказать трудно. При отсутствии правил синтаксиса ожидается скорее более низкий темп речи и большее количество уточняющих повторов. Между тем именно на беглости «первобытной» речи строится основная часть теории Э. Карстейрса-Маккарти: слова в потоке речи «обтrepывают края» друг об друга, и таким образом для выражения одного и того же значения появляется целый ряд различных форм (с краями, подвергшимися различным фонетическим изменениям и не подвергшимся никаким). С течением времени фонетическая обусловленность утрачивается, и на месте одного слова (состоявшего только из корня) возникает набор алломорфов, не имеющих фонетического распределения.

Алломорфия была устроена по-разному у разных типов слов. Поскольку в постулируемом Э. Карстейрсом-Маккарти протоязыке частей речи (ввиду отсутствия синтаксиса) не было, автору приходится вводить новые термины – «разборчивые» (*selective*) и «неразборчивые» (*unselective*) слова. Первые могли сочетаться лишь с узким кругом «неразборчивых» слов, чье значение по степени абстрактности приближалось к грамматическому, вторые – с многочисленными «разборчивыми» словами. Это разграничение похоже на разграничение между знаменательными и служебными словами.

«Неразборчивые» слова, подобно служебным словам в процессе грамматикализации, достаточно быстро теряют часть своего фонетического состава и в итоге, «грамматикализуясь» при различных «разборчивых» (= знаменательных) словах, могут превратиться в несколько совершенно различных фонетически, но при этом абсолютно синонимичных форм (похожим образом устроены, например, аффиксы множественного числа при разных типах основ). Напротив, «разборчивые» слова сохраняют большую часть своих фонем, что в итоге приводит к алломорфии, описываемой как «чередования (в корне)». Имеет ли это рассуждение какое-либо отношение к этапу протоязыка, проверить невозможно, но для того времени, когда язык уже стал таким, как сейчас (и, соответственно, для нынешнего времени тоже), оно вполне справедливо.

В этой же главе вводится еще одно важное понятие – «меню клишированных выражений» (*cliché pattern menu*; с. 77). Если некоторые «разборчивые» слова часто сочетались с несколькими разными «неразборчивыми», формировались наборы моделей, где «неразборчивые слова» образовывали своего рода ячейки, которые могли заполняться «разборчивыми» словами. По сути, получалась парадигма с «разборчивым» словом в роли основы и «неразборчивыми» словами в роли аффиксов. Термин «меню клишированных выражений» нужен автору для того, чтобы подчеркнуть, что процесс складывания парадигмы может происходить и до того, как начнется действие грамматикализации.

В четвертой главе (*Modes of synonymy avoidance*) рассматриваются случаи билингвизма и подобных ему явлений. Действительно, слова *dog* (англ.) и *chien* (франц.) обозначают одну и ту же внеязыковую сущность. Но настоящими синонимами они при этом все же не являются, поскольку ни в одном предложении замена одного слова на другое невозможна. Человек, пытающийся говорить на двух языках одновременно, в большей степени рискует по-

терпеть коммуникативную неудачу, чем тот, кто придерживается одного языка. Строго говоря, при языковых контактах, дошедших до степени всеобщего билингвизма, это предположение Э. Карстейрса-Маккарти часто не выполняется, но в качестве приближения его можно считать верным. Таким образом, знакомство людей с несколькими языками не нарушает основополагающего принципа избегания синонимии слова с одинаковым значением рассматриваются как представители нескольких разных, не смешивающихся между собой словарей. То же верно и для разных регистров внутри одного языка: слова «тещино» и обычного языка в Австралии или слова разных степеней вежливости в яванском могут иметь одно и то же значение, но ни в одном высказывании, произносимом в конкретной ситуации и обращенном к конкретному собеседнику, замена одного слова на другое невозможна.

При этом классификации, разбивающие доступный человеку запас слов на несколько разных словарей, могут быть любыми, в том числе и чисто историческими (т. е. для рассматриваемого момента произвольными), как, например, выделение среди французских слов, начинающихся с гласного звука, подмножества слов с *h aspiré*, не допускающих *liaison* с предшествующим словом.

Автор разделяет «парадигматический» и «синтагматический» аспекты избегания синонимии: первый связан с тем, что известные индивиду слова распределяются между несколькими словарями, второй – с тем, что выбор того или иного из «синонимов» в конкретном высказывании определяется контекстом (и тем самым замена одного из них на другой оказывается невозможной). Нам такое разделение представляется необязательным: в первом случае роль контекста играют другие слова того же языка или регистра, которые соседствуют в высказывании с выбираемым словом (за словом *read* более естественно поставить *a book*, а за словом *читать* – *книгу*, чем наоборот). Кроме того, для мозга, программирующего высказывание, роль контекста выполняют знания о ситуации и собеседнике, а нередко и программы артикуляции, различные для разных языков (например, когда говорящий, произнося звук *t*, прикасается кончиком языка к альвеолам, это мешает ему перейти с английского языка, например, на французский).

В пятой главе (The ancestors of affixes) рассматривается происхождение аффиксов. Основной источник аффиксальной алломорфии автор видит в переразложении: например, бывшие показатели основы могут стать частью окончаний. Э. Карстейрс-Маккарти задается вопросом о том, как человеческий ум справля-

ется с таким вопиющим нарушением принципа избегания синонимии. Но на самом деле, здесь, как и в предыдущем случае, полной синонимии нет: аффиксы с одинаковым значением либо распределены контекстно, в зависимости от фонетического окружения, либо входят в разные «словари» «словарь» окончаний первого склонения, «словарь» окончаний второго склонения и т. п.

В шестой главе (The ancestors of stem alternants) автор размышляет о происхождении и механизмах воспроизведения звуковых чередований: ведь их существование противоречит склонности человека считать, что разные звуковые оболочки должны соответствовать разным смыслам. Эта глава представляется нам, пожалуй, наиболее интересной в книге. Остановимся на ней несколько подробнее.

Одним из основных «испытательных полигонов» для демонстрации разработанной им концепции Э. Карстейрса-Маккарти, опираясь, в частности, на работы замечательного английского исследователя романской глагольной морфологии Мартина Мейдена ([Maiden 1992] и др.), избирает правила распределения основ в итальянских глагольных парадигмах. На первый взгляд эти правила противоречат всякой логике: так, в одном из типов спряжения чередования в основе противопоставляют, с одной стороны, формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. индикатива и весь конъюнктив, кроме 1 и 2 л. мн. ч., а с другой – все прочие формы презенса.

Чрезвычайно существенно при этом, что, сколь бы замысловатым ни было подобное распределение, раз возникнув, оно принимается как данность и способно расширять сферу своего действия: например, на месте лат. *crescamus, crescatis* (1 и 2 л. мн. ч. конъюнктива) мы находим в итальянском *cresciamo, cresciate*, где палатализация может быть объяснена лишь стремлением распространить противопоставление двух подпарадигм на те глаголы, в которых его изначально не было. Более того: у глагола *andare* «идти» формы 1 и 2 л. мн. ч. презенса индикатива образованы от другой основы, чем остальные формы (*vado, vai, vá, andiamo, andate, vanno*). Такое распределение полностью соответствует еще одной из моделей, представленных в итальянском спряжении. Э. Карстейрс-Маккарти называет рассматриваемое явление «фонетически обусловленным супплетивизмом» (основа *va-* представлена под ударением, основа *and-* – в безударном положении; с. 143), оговариваясь при этом: «...Можно ожидать, что любой дифференцирующий фактор, который может применяться к несупплетивным альтернантам, мо-

жет применяться и к супплетивным» (с. 144). Это утверждение, безусловно, справедливо, однако его трудно назвать по-настоящему новым. Тот факт, что распределение супплетивных алломорфов по формам парадигмы, несводимое к противопоставлению граммем (одна основа – в ед. ч., другая – во мн., одна основа в положительной степени прилагательного, другая – в сравнительной и т. д.), практически никогда не бывает произвольным, а соответствует распределению по тем же формам регулярно чередующихся алломорфов, хорошо известен, ср. [Maiden 2001; Иткин 2002; Corbett 2007]. Достаточно напомнить, что презентная подпарадигма французского глагола *aller* «идти» устроена полностью идентично *andare* при том, что сама безударная основа имеет иной вид (*all-*, а не *and-*).

Позволим себе привести менее известный, но чрезвычайно выразительный пример. В тохарском А языке в ряде классов презенса перед окончаниями, содержащими носовой согласный, выступает тематическая гласная (ТГ) *a*, а перед остальными окончаниями – ТГ *ä* (в большинстве случаев выпадающая). Эти ТГ обладают разными морфонологическими свойствами, что может создавать довольно причудливые соотношения между двумя основами презенса, ср., например, глагол *täm-* «рождаться»: 1 л. ед. ч. акт. *tmäms-a-m*, 3 л. мн. ч. мед. *tmäms-a-ntär*, но 3 л. ед. ч. акт. *tämnäṣ*, 3 л. ед. ч. мед. *tämnäštär* и т. д. У глагола «делать», относящегося к другому (!) классу презенса с ТГ *a* во всех формах, – супплетивные основы презенса *ur-* и *u-* тем не менее распределены в точном соответствии с тем же правилом, так что подпарадигма презенса имеет следующий вид:

	актив	
	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	урам	урамäs
2 л.	yat	yac
3 л.	yaṣ	уреṯc
	медий	
	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	урамär	урамtär
2 л.	yatär	(не засвидетельствована)
3 л.	yatär	уранtär

В результате анализа различных видов алломорфии, представленных у итальянских глаголов, автор приходит к исключительно изящному и убедительному правилу, представляющему все наблюдаемые факты в виде простой импликации, которая действительно может соответствовать некоторой психологической реальности:

«Если глагол в подпарадигме настоящего времени (презенте и конъюнктиве) имеет:

один вариант основы, то он принадлежит к типу I;
 три варианта основы, ... к типу IV;
 два варианта основы, то если только один из них может быть ударным, ... к типу II;
 если оба могут быть ударными, ... к типу III» (с. 151).

В других случаях предлагаемый автором подход работает значительно хуже. Это относится, в частности, к акцентным парадигмам русских существительных. При их анализе Э. Карстейрс-Маккарти также делает немало остроумных наблюдений, наиболее ценное из которых – опять-таки импликация «если ударение падает на основу в вин. п. ед. ч., ударение падает на основу в им. п. мн. ч.» (ср. *голова́* – *го́лову* – *го́ловы* при наличии множества парадигм вида *сова́* – *сову́* – *со́вы* и полной невозможности парадигм вида *сова́* – **со́ву* – **со́вы*) (с. 161). Однако общие правила, задающие реально встречающуюся у русских существительных подвижность ударения, автор оказывается вынужден формулировать следующим образом:

«(1) Если существительное имеет разноместное ударение в ед. ч., то оно имеет ударение на основе в вин. п., ударение на окончании – в остальных падежах.

(2) Если существительное имеет разноместное ударение во мн. ч., то оно имеет ударение на основе в им. п., ударение на окончании – в остальных падежах.

(3) Если существительное имеет разноместное ударение по иным правилам, чем указано в случаях (1) и (2), оно имеет ударение на основе в ед. ч. и ударение на окончании во мн. ч. или наоборот за исключением тех случаев, когда это противоречит правилу (1) или правилу (2)» (с. 159).

Как кажется, правило (3) довольно сложно даже понять; тем более невозможно поверить, чтобы им – в каком бы то ни было смысле – могли руководствоваться дети, выучивающие русский язык.

Подобно ряду других исследователей, Э. Карстейрс-Маккарти спорит с распространенным мнением, согласно которому главную роль в морфологии играют аффиксы, тогда как чередования в основе представляют собой не более чем сопутствующее явление. Заключительный раздел главы VI так и называется: «Summing-up: The importance of non-affixal morphology». На наш взгляд, такой подход неоправдан и обусловлен не вполне точным пониманием природы морфонологических явлений. Так, у глаголов типа *crescere*, о которых шла

речь выше, одна из основ представлена перед гласными *a* и *o*, другая – перед гласными *i* и *e*. Этот факт сразу бросается в глаза исследователю, существенно облегчает запоминание форм итальянского глагола иностранцу и едва ли может оставаться незамеченным самими посетителями языка. Тем не менее Э. Карстейрс-Маккарти отрицает какую-либо его значимость, основываясь, во-первых, на том, что в других случаях, в частности, в формах 2 л. ед. ч. глаголов типа *pescare* (*peschi* и т. д.), чередования перед *i* не происходит, во-вторых, на том, что соотношение, например, основ глагола *morire* – *muoi-* перед *a* и *o*, *muor-* ~ *mor-* перед *i* и *e* – с синхронной точки зрения нельзя рассматривать как палатализацию (с. 149). Оба эти аргумента не выдерживают критики. Ситуация, когда сходные или материально тождественные суффиксы – или даже одни и те же суффиксы при разных классах основ – проявляют разные свойства, для языков с развитой морфонологией представляет собой абсолютную норму. Так, в русском языке один и тот же суффикс императива *-и* требует от одной и той же основы *волох* перехода *к* в *ч* в глаголе II спряжения *волочить* и не требует его в атематическом глаголе *волочь*: *волочи*, но *волохи*, ср. [Иткин 2007: 101]. Недооценка этого обстоятельства приводит Э. Карстейрса-Маккарти к совсем уж удивительной интерпретации польских форм звательного падежа: согласно ему, не показатель вокатива *e* вызывает палатализацию конечного согласного основы, а те лексемы, которые, так сказать, «по природе» обладают двумя основами (!), выбирают в качестве вокативного суффикса *-e*, а не несмягчающее *-и* (с. 183 и сл.). Что касается «палатализации *i* в *r*», то вполне очевидно, что термин «палатализация» – не более чем ярлык, отражающий факт чередования одних звуков с другими в определенных формах, но не накладывающий никаких ограничений на то, какими могут быть исходные и производные члены этого чередования. Завершая свой анализ глаголов типа *crescere*, автор провозглашает: «So it really is morphology that is in operation here, not phonology» (с. 149). Однако дилемма, задаваемая этой фразой, не более чем мираж: «in operation» в подобных случаях выступает морфонология, которая как раз и представляет собой результат совместного действия морфологических и фонологических факторов.

Основываясь на данных итальянского, русского, польского, кушитского языка дасенеч и др., Э. Карстейрс-Маккарти предсказывает невозможность такого языка, где бы у половины глаголов противопоставлялись всем прочим формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., а у половины – 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. или т. п. (хотя с точки зрения, скажем, «сетевой морфологии» соответствующий алгоритм порождения вполне можно построить). Подмножества, на которые корневые

чередования делят парадигму, могут в разных словоизменительных классах вкладываться друг в друга, но не могут пересекаться, – этот принцип, названный автором «принцип неразмытости» (по *blur principle*; с. 190), создает основу для «прозрачности словаря». Безусловно, как безысключительное правило, регулирующее структуру парадигм в языках мира, этот принцип «слишком хорош (для исследователей), чтобы быть правдой», и представляется нам чересчур сильным. Тем не менее во многих случаях отрицать его действие – хотя бы в виде тенденции – невозможно.

В седьмой главе (*Derivation, compounding, and lexical storage*) рассматривается словообразование и в особенности словосложение. Его отличие от словоизменения состоит лишь в том, что оба соединяемых слова относятся к числу знаменательных (в досинтаксический период «разборчивых»). Слово, образованное при помощи словосложения, даже образуя устойчивые сочетания со многими другими словами, едва ли могло бы войти в «меню клишированных выражений» (т. е. в парадигму).

Такой подход позволяет дать объяснение непродуктивности морфологических моделей: если два неэлементарных понятия образовывались независимо, сходные смыслы в их составе могут кодироваться разными формами, и унификации не происходит, поскольку если для некоторого понятия то или иное клише уже закрепилось, то все другие возможные способы выражения этого понятия оказываются заблокированы вследствие принципа избегания синонимии.

Автор полагает, что если в языке имеются два слова, образованные от одного корня при помощи разных, но синонимичных моделей, то они всегда бывают распределены: каждый носитель языка либо употребляет только одно из этих слов, либо приписывает им несколько различающиеся значения. Однако и это утверждение представляется слишком категоричным: существует немало случаев, когда одни и те же носители употребляют разные формы примерно с одинаковой вероятностью, – в частности, таким путем обычно происходит замена одной из форм на другую.

В этой же главе автор обращается к вопросу о соотношении между формами, которые хранятся в памяти как отдельные цельные единицы, и формами, которые порождаются непосредственно в момент речи. Как отдельные единицы мозг может хранить и отдельные формы, типа англ. *took*, и целые предложения, типа *Который час?* К этому можно добавить, что, наоборот, существуют и слова, которые порождаются в момент речи, – таковы многочисленные полисуффиксальные формы в агглютинативных языках (типа др.-яп. *tasukasararadzarusikarika* «если бы его

не должны были заставлять помогать», где за корнем *tasukə-* следуют показатели каузатива *-sacə-*, пассива *-rapə-*, отрицания *-dzaru-*, долженствования *-bʒakari-* и условности *-sikaɓa*), а также слова-предложения инкорпорирующих языков. Тем не менее идиоматические приращения значения обычно ассоциируются со словами, а не с предложениями. В качестве вероятной причины такой ситуации Э. Карстейрс-Маккарти называет то, что во времена протоязыка, состоявшего из двусловных высказываний (это тот этап, когда, по Карстейрсу, возникали неэлементарные слова), синтаксиса еще не было – он возник позже и освободил мозг от необходимости искать за каждым сочетанием слов смысл, не сводимый к сумме их значений. Более правдоподобным, однако, представляется другое объяснение: если какое-то сочетание элементов формы, обладающее каким-то смыслом, встречается достаточно часто, оно распознается очень быстро (что можно рассматривать как хранение в качестве отдельной цельной единицы), поскольку соответствующий нейронный ансамбль активировался как единое целое столько раз, что теперь эта активация происходит автоматически (и блокирует другие возможные активации). Если же какое-то сочетание элементов формы встречается редко, своего сразу активируемого нейронного ансамбля у него сформироваться не может и оно будет распознаваться покомпонентно. Наличие у частей этого сочетания самостоятельных ударений и любых других признаков слова, видимо, менее важно, чем их совместная встречаемость.

В восьмой главе (*Morphological homonymy and morphological meaning*) автор обращается к омонимии. Омонимия в языках встречается достаточно часто, особенно среди словоизменяемых морфем, и, видимо, врожденной предрасположенности избегать ее (в отличие от синонимии) не существует – хотя, казалось бы, идея взаимно-однозначного соответствия между формой и значением должна этому препятствовать. Кроме того, в этой главе обсуждается природа морфологических значений, а также критически оценивается метод их описания посредством бинарных признаков.

В девятой главе (*Conclusions*) подводятся итоги исследования и формулируются основные результаты работы.

Книга написана ярким, неакадемичным языком. Сложность ее восприятия, определяемую отчасти особенностями авторского стиля, отчасти сложностью и многообразием затрагиваемых новозеландским исследователем вопросов, в значительной мере позволяют преодолеть превосходно составленные указатели.

В целом можно сказать, что рецензируемая монография вполне подтверждает репутацию Э. Карстейрса-Маккарти как одного из ве-

дущих специалистов в области морфологии и общей теории языка. Большинство проблем, которым посвящена книга, обсуждается всесторонне и на очень высоком уровне. Подкупает стремление автора искать содержательную интерпретацию даже для самых сложных и с трудом укладываемых в его концепцию явлений – не случайно Э. Карстейрс-Маккарти говорит о недостаточной объяснительной силе «traditional explanations in terms of 'proportional analogy' or 'levelling'» (с. 152). Спорность многих выдвигаемых в книге положений ни в коем случае нельзя назвать недостатком – напротив, она стимулирует дальнейший прогресс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2005 – С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
- Иткин 2002 – И.Б. Иткин. К типологии супплетивных парадигм // Доклад на III Зимней типологической школе (Международной школе по лингвистической типологии и антропологии), Московская область, 29 января – 6 февраля 2002 г.
- Иткин 2007 – И.Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.
- Пинкер 2004 – С. Пинкер. Язык как инстинкт. М., 2004.
- Bloom 2004 – P. Bloom. Can a dog learn a word? // *Science*. 2004. V. 304. Issue 5677.
- Corbett 2007 – G. Corbett. Canonical typology, suppletion and possible words // *Language*. 2007. V. 83.
- Diesendruck, Markson 2001 – G. Diesendruck, L. Markson. Children's avoidance of lexical overlap: A pragmatic account // *Developmental psychology*. 2001. V. 37. Issue 5.
- Kaminski, Call, Fischer 2004 – J. Kaminski, J. Call, J. Fischer. Word learning in a domestic dog: Evidence for «fast mapping» // *Science*. 2004. V. 304. Issue 5677.
- Maiden 1992 – M. Maiden. Irregularity as a determinant of morphological change // *Journal of linguistics*. 1992. V. 28.
- Maiden 2001 – M. Maiden. Sound change, morphemic structure and the rise of suppletion in the Romance verb // Paper presented at the Surrey linguistics circle, University of Surrey. 2001.

С.А. Бурлак, И.Б. Иткин

Сведения об авторах:

Светлана Анатольевна Бурлак
Илья Борисович Иткин
Институт востоковедения РАН
isv@yol.ru

Книга Анны Гладковой написана в рамках метода естественного семантического метаязыка (ЕСМ), основоположником которого является Анна Вежбицка, и ставит перед собой две основные цели: 1) доказать целесообразность использования русской версии ЕСМ и мотивировать предлагаемые автором русские соответствия универсальным семантическим примитивам; 2) иллюстрировать возможности и преимущества метода ЕСМ в анализе культурной семантики на примере некоторых русских слов и выражений, обозначающих важные для русской языковой картины мира ключевые идеи. Книга состоит из девяти глав: первые две главы содержат вводную информацию, третья посвящена переводу на русский язык универсальных семантических примитивов, а также обоснованию выбора тех или иных русских слов в качестве таких универсалий, в главах с четвертой по восьмую представлен анализ некоторых русских слов и выражений и сравнение их с коррелятами в английском языке, девятая глава представляет собой теоретическое заключение.

В первых главах автор подробно обсуждает ЕСМ в контексте других семантических теорий, в частности концептуальной семантики, когнитивной семантики и некоторых других. Особое внимание уделяется Московской семантической школе (МСШ) как одной из наиболее близких ЕСМ семантических теорий. Автор демонстрирует сходства и различия между ЕСМ и МСШ в их понимании семантических примитивов, а также в их подходе к семантическому метаязыку толкований. Одним из основных преимуществ ЕСМ перед МСШ автор считает свободную возможность перевода толкований, написанных на метаязыке универсальных семантических примитивов, на другие языки. В качестве примера непереводаемости толкований, созданных в рамках МСШ, автор приводит толкование русского слова *жалость*, принадлежащее И.Б. Левонтиной и включающее в себя идиоматическое выражение 'душевная боль'.

Однако возникает вопрос: действительно ли это выражение так непереводаемо и непонятно, как это представляется автором? Или перевод возможен, но не должен быть буквальным? Ведь если непереводаемость действительно являлась таким непреодолимым камнем преткновения, то не существовало бы и хорошего художественного перевода с одного языка на другой, переводчик был бы связан по рукам и ногам отсутствием точных переводных эквивалентов. Однако искусство перевода в том и со-

стоит, чтобы подбирать эквивалент не напрямую, буквально, а как бы немного в стороне от точного словарного соответствия, ища элемент со сравнимыми коннотациями и ассоциациями, который будет передавать замысел оригинала и производить похожий эффект. Безусловно, перевод не является точным аналогом оригинала, однако во многих случаях он может давать вполне адекватное представление о нем.

Возвращаясь к примеру *pain of the soul* или *soul pain*, можно сказать, что, во-первых, у выражения *душевная боль* есть вполне приемлемые, достаточно близкие и при этом очень частотные английские аналоги: *heartache* и *emotional pain*. Таким образом, толкование вполне переводимо, если не принимать в качестве установки необходимость буквального перевода. Во-вторых, даже и выражение *pain of the soul* или *soul pain* не является непонятным и встречается в реальных англоязычных текстах. Возможно, оно не в такой степени освоено английским языком, как русским, и не имеет статуса совершенно стертой языковой метафоры, однако различие русского и английского языков в этом отношении все-таки представляется сильно преувеличенным. Метафорические выражения *soul pain*, *soul in pain* встречаются в реальных текстах достаточно часто, и опрос англоязычных информантов показывает, что они не затрудняются в их понимании. Что же касается самого наличия метафоры в толковании, то оно, как представляется, позволяет передать важный смысл, который ускользает при опоре только на семантические примитивы – а именно, болезненный характер неприятного чувства. Более того, если *душевная боль* и не является семантической универсалией, это во всяком случае очень широко распространенная языковая метафора для чувств типа сострадания, которая понятна при переводе на самые разные языки при условии подбора реального, а не буквального, переводного аналога. При этом, даже если метафора и не является универсально распространенной, это тоже не гарантирует ее непонимания! Мы ведь способны понимать авторскую метафору, метафору, которой НЕТ в нашем языке, которая создана со специальной установкой на необычность, на расширение границ наших представлений и чувств. Почему не отнестись подобным образом и к лингвоспецифичной языковой метафоре? Подобно тому, как авторская метафора позволяет нам лучше понять то, что хотел сказать автор, языковая метафора может быть не препятствием, а способом лучше понять «характер» другого языка.

Кроме того, представляется, что в принципе сопоставление толкований, написанных в рамках подхода МСШ и ЕСМ, с целью определения того, какой подход является лучшим, не вполне корректно, так как каждый из подходов имеет свои преимущества для определенного типа задач. Так, в толкованиях МСШ не ставится цели достичь универсальной переводимости на все языки. Однако подход МСШ, в котором метаязык толкований состоит не только из примитивов, но также и из семантически более сложных элементов (при этом необходимо, чтобы используемые в толковании смыслы были семантически проще, чем толкуемое слово), которые гораздо легче воспринимаются и не требуют длинных комментариев, делает его практически более приемлемым, в частности, для целей лексикографии. Кроме того, толкования МСШ в большей степени отражают представления об организации семантической системы языка в целом, о семантических, в первую очередь гипонимических и гиперонимических связях между словами, о семантической иерархии и о лексикографических типах слов.

В третьей главе рецензируемой книги вводятся и обосновываются русские эквиваленты, или «экспоненты» универсальных семантических примитивов. Здесь высказывается ряд тонких соображений о том, почему то или иное русское слово является лучшим экспонентом для того или иного семантического примитива, отчасти в рамках полемики с другими переводами работ Анны Вежбицкой о семантических примитивах. Особенно интересны в этом контексте рассуждения о различиях между семантическим примитивом *хотеть* и его синонимом *желать*, а также между неопределенными местоимениями типа *некто*, *нечто*, с одной стороны, и семантическими примитивами *кто-то*, *что-то*, с другой, которые автор иллюстрирует толкованиями, выполненными на языке ЕСМ.

Однако вызывает возражения толкование местоимения *Вы* через семантический примитив *ты* как соединение смысла 'ты' со смыслом '(b) я знаю, что когда я говорю что-то тебе, (c) я не могу не сказать что-то такое в то же время: (d) «я думаю что-то хорошее о тебе»'. Русское местоимение *Вы* маркирует не хорошее, а уважительное отношение, различие в статусах между говорящим и адресатом. Опора на семантический примитив в данном случае, вместо того, чтобы передавать смысл более точно, «смазывает» его, и представляется, что проблема семантической точности возникает не только в случае местоимения *Вы*. Семантика слова имеет много уровней; иногда семантические примитивы обнаруживают

ся «близко к поверхности», тогда толкования, составленные при помощи примитивов, адекватны (например, так устроены многие слова со значением эмоций). Однако некоторые понятия возникают на более высоком семантическом уровне, они изначально складываются не из примитивов, а из гораздо более сложных смыслов, и описывать их при помощи примитивов нецелесообразно, во всяком случае, в практической лексикографии. В таких случаях рационально опираться на уже описанные понятия и использовать их в качестве новых «строительных блоков».

Кроме того, обилие аллолексов (лексических вариантов) у некоторых слов, которые провозглашаются семантическими примитивами, вызывает вопросы относительно их подлинно универсального, а не культурно-специфического статуса: так, экспоненты примитива *happen* — это *происходить* и *случаться*, экспоненты примитива *in one moment* — *в один момент*, *моментально* и *мгновенно*. Представляется, что наличие нескольких переводных вариантов для одного примитива может свидетельствовать о семантически не-примитивном и не-универсальном статусе хотя бы некоторых из них, что отчасти признает и сам автор.

В четвертой главе книги А. Гладковой рассматривается глагол ментального состояния *считать* и прослеживается история его изучения в лингвистической литературе. *Считать* (в отличие от семантического примитива *думать*) описывается как культурно-специфичный глагол, так же как и слово *мнение*, в силу чего критикуется их употребление в качестве инструментов семантического анализа в МСШ.

В пятой главе сравниваются русские и англосаксонские представления о терпимости: детально анализируются слова *терпеть*, *терпимый*, *толерантный*, *to tolerate* и *tolerant*, предлагаются их сравнительные толкования, формулируются культурные идеи и нормы, важные для этих семантических полей в русском и английском языках. Для русского языка в качестве такой идеи постулируется особое, положительно оцениваемое, отношение к боли и дискомфорту, когда человек сознательно не реагирует на них, а для английского языка положительно оцениваемое ненавязывание другим людям своей точки зрения. Русское качество *терпимый* рассматривается скорее как характеристика отношений в личной сфере субъекта, в то время как англосаксонское *tolerant* — как более социально ориентированное качество. Вызывают сомнения некоторые утверждения относительно прагматики слова *терпимый*, основанные скорее на единичных примерах, нежели на статистическом исследо-

вании: так, трудно согласиться с тем, что это качество ассоциируется скорее с женщинами, чем с мужчинами, или же с тем, что, согласно «русской наивной аксиологии», оно «является необходимым качеством в межличностных отношениях». Второе утверждение носит скорее энциклопедический, а не языковой характер, что же касается первого, то его статус не совсем понятен.

В шестой главе рассматривается семантика сопереживания и предлагается сравнительный семантический анализ русских и английских слов этой сферы — *сочувствие, сострадание, сопереживание, sympathy, compassion, empathy*. При том, что эта сфера весьма детально разработана в уже имеющейся лингвистической литературе, автор делает новые и интересные наблюдения, особенно в том, что касается слова *empathy*, а также сравнительного анализа русских и английских переводных эквивалентов. Кроме того, представляется правильным также введение компонента ‘я хочу сделать что-то хорошее для этого человека’ в толкование слова *сочувствие*. Однако в предлагаемом толковании этого слова никак не отражен тот факт, что *сочувствие* очень часто выражается в вербальной форме, а не в поступке — в отличие от *участия*. Наконец, автор удаляет из толкования слова *сочувствие* компонент, указывающий на то, что субъект в какой-то мере разделяет чувства объекта (этот компонент выделялся во всех предыдущих описаниях этого слова). Это представляется ошибочным, тем более, что в тех случаях, когда *сочувствие* выражается в поступках, эти поступки иногда бывают направлены не собственно на помощь объекту эмоции, а именно на выражение сопереживания ему; ср. примеры из Интернета типа *В Индии из сочувствия к талибам взорвали завод Coca-Cola; Из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи надевать такие же и на себя?; Удачливых предпринимателей из сочувствия к их конкурентам бойкотируют собственные клиенты; Из сочувствия к повалившимся даже сноубордисты из очереди приземляются на снег.*

Седьмая глава посвящена словам *молодец* и *умница* как способам выражения похвалы в русском языке, а также сравнению моделей похвалы детям в русской, англосаксонской и китайской культурных сферах. Во многом трактовка слов *молодец* и *умница* опирается на описание И.Б. Левонтиной из «Нового объяснительного словаря синонимов» под рук. академика Ю.Д. Апресяна, однако некоторые компоненты толкования вводятся впервые. В соответствии с семантикой слов *молодец* и *умница* автор выделяет две стратегии похва-

лы в русской культурной модели: похвала за что-то неожиданное и выходящее за пределы нормы (*молодец*) и похвала за соответствие социальным нормам (*умница*). Кроме того, рассматриваются английские выражения *good boy* и *good girl*, а также китайское *guāi*, которые также задают определенные, отличные от русской, модели поведения родителей с детьми.

В восьмой главе анализируется семантика притворства в русском и английском языках и сравниваются слова *притворяться, делать вид* и *to pretend*. Трактовка русских слов со значением притворства в некоторых ключевых аспектах опирается на описание Ю.Д. Апресяна в «Новом объяснительном словаре синонимов», однако во многом отличается от него. Автор вписывает русские представления о притворстве в общую картину русского языка и усматривает у слова *притворяться* негативную оценку, которая отражает общее культурно-специфичное негативное отношение к искажению действительности, связывая представления о *притворстве* с представлениями об искажении *правды*. Кроме того, автор включает притворство также и в русскую культурную парадигму положительного отношения к жалости, выделяя случаи притворства с целью вызвать сочувствие в качестве центральных для глагола *притворяться*. Основное различие в концептуализации «обманного поведения» в русском и английском языках автор видит в том, что в русском притворство связывается с представлениями о правде (что отражено в использовании семантического компонента ‘неправда’ в толковании глагола *притворяться*), а в английском — с представлениями о фактах и знании (что отражено в использовании семантического компонента ‘не так’ в толковании глагола *to pretend*). Это, с точки зрения автора, и обуславливает более негативное отношение к притворству в русской языковой картине, нежели в английской, где в притворстве часто усматривается игровое начало, а не неискренность. При том, что со многими наблюдениями и выводами автора хочется согласиться, трудно принять тезис об общей негативной оценке, характерной для *притворяться* в противоположность английскому *to pretend*. Как показано в описании Ю.Д. Апресяна, негативная оценка всегда свойственна глаголу *прикидываться*; что касается доминанты синонимического ряда *притворяться*, то она имеет и вполне нейтральные употребления (так, часто притворяются мертвыми животные с целью спастись от преследования).

В девятой главе кратко суммируется содержание книги, очерчиваются основные резуль-

таты и возможные области их будущего применения.

Несмотря на то что отдельные утверждения и выводы можно оспаривать, в целом книга написана на высоком теоретическом уровне, содержит большое количество интересных и новых лингвистических и культурологических наблюдений, а также содержательную полемику с предыдущими исследованиями. Она безусловно представляет собой существенный вклад в теоретическую семантику и этнолингвистику, продолжая знакомство русского читателя с теорией ЕСМ и предлагая его вниманию последовательно выполненное на языке ЕСМ описание многих важных ключевых слов

русского языка. Книга представляет интерес для самого широкого круга читателей, от специалистов по русскому и английскому языкам и межкультурной коммуникации до лингвистов, работающих в сферах теоретической семантики и лексикографии.

В.Ю. Апресян

Сведения об авторе:

Валентина Юрьевна Апресян
ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова
valentina.apresjan@gmail.com

R. Benacchio. Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ. München: Otto Sagner, 2010. 210 с. (Slavistische Beiträge 472)

Книга известного итальянского слависта, профессора университета г. Падуи Розанны Бенаккьо посвящена давней проблеме русской аспектологии: какой вид следует употреблять в императиве – совершенный или несовершенный. Говоря о вопросах вида, большинство авторов не могли обойти проблему выбора вида в императиве, но не могли и ее решить. В самом деле, уже такой пары примеров, как *Садитесь, пожалуйста* и *Встаньте, пожалуйста*, достаточно, чтобы поставить исследователя в тупик. Часто выбор вида связывался со степенью вежливости побуждения, но это не решало проблему: на с. 14–15 и с. 66–68 книги Р. Бенаккьо приводятся характерные примеры прямо противоположных высказываний различных авторов: одни утверждают, что более вежливы императивы в НСВ, другие – что в СВ. Та же проблема существует для некоторых других славянских языков, но не для всех – см. об этом ниже.

Важным этапом в решении этой загадки стала работа Е.В. Падучевой [Падучева 1992] (перепечатанная в сборнике [Падучева 1996]), в которой были выделены компоненты значения НСВ в императиве, в частности компонент обусловленности действия контекстом или ситуацией: *Садитесь!* говорят в ситуации, когда это сказать естественно (например, гостю); напротив, *Встаньте (пожалуйста)!* – в ситуации, когда сидящий человек вставать не собирался (о чем упоминали и раньше, ср. [Рассудова 1982: 131–132]). Обусловленность действия ситуацией – не то же самое, что вежливость или невежливость, однако первым можно попытаться объяснить второе: употребление НСВ там, где ожидается СВ, делает высказывание невежливым, поскольку представляет ситуацию так, будто адресат обязан

выполнить действие (например, *Садитесь!* человеку, который стоит в автобусе около свободного сиденья). Обратная замена НСВ на СВ – приводит, как кажется, не к невежливости, а скорее к неграмматичности, во всяком случае к «странности», высказывания (*Сядьте* в ситуации, когда человеку уступают место).

Признавая важность компонента обусловленности действия контекстом, а также других признаков НСВ, выделенных Е.В. Падучевой («внимание на начальной фазе действия» и «побуждение приступить к действию немедленно»), Р. Бенаккьо делает акцент на классе высказываний (как нам кажется, относительно небольшом, что, разумеется, не означает, что он неважен), где все же возможны оба вида, ср. такие примеры, как *Дайте / Давайте мне чемодан, он тяжелый* или *Сегодня на улице холодно, оденьтесь / одевайтесь теплее* и др.

Изложение построено по следующей схеме. Книга разделена на три части: в первой обсуждается русский императив, во второй – императив в других славянских языках, в третьей – императив в новогреческом языке, привлеченном для сравнения со славянскими. В каждой части вначале рассматриваются «первичные видовые значения» в императиве, а именно «фокус на конечном моменте действия» для СВ и многократность, «фокус на срединной фазе действия» и «фокус на начальном моменте действия» для НСВ; а потом – «вторичные видовые значения», связанные в основном с выражением вежливости. Для всех языков используется один и тот же набор из примерно пятидесяти примеров, которые оценивались информантами на предмет грамматической и прагматической приемлемости и относительной вежливости. Все эти примеры представляют собой конструкции с вежливым *вы* (и ее аналог в польском языке –

niech pan...). При необходимости проверяются на предмет употребления видов аналоги со 2-м лицом единственного числа и со 2-м лицом множественного, обращенным ко многим собеседникам. Другие лица императива, если не считать упомянутой польской конструкции, не затрагиваются.

Что касается первичных видовых значений, то для СВ это «фокус на конечном моменте действия». «Фазовая» терминология здесь, как и ниже, не кажется нам удачной: здесь лучше было бы говорить, как это часто и делается в аспектологии, о «фокусе на результате», поскольку повеление, естественно, состоит не в том, чтобы действие было просто окончено, а в том, чтобы его результат был достигнут. Это такие обычные примеры, как *Напишите письмо* (не *Пишите), *Сделайте эту работу к пяти часам* (не *Делайте) и т.д. Все славянские языки ведут себя в этом отношении одинаково, НСВ нигде в таких контекстах не допускается.

У НСВ значения, как мы видели, более разнообразны. Прежде всего это, разумеется, многократность и узуальность: *Пишите нам что-нибудь каждый день*, *Почаще открывайте окно* и т.д. В русском языке тут безусловно господствует НСВ.

Далее, в порядке перечисления в книге, идет «фокус на срединной фазе действия». У этого значения выделяются два подтипа.

Во-первых, это «продолжение осуществления действия», т.е. ситуация, когда действие уже совершается в момент высказывания и говорящий предлагает продолжить его: *Курите-курите, вы мне не мешаете*. Это хорошо известный подтип императива (см. [Бирюлин, Храковский 1992: 13-14; Бирюлин 1994: 45-47] и другие работы), и в самых разных языках для него характерны имперфективные формы.

Во-вторых, это «характеристика осуществления действия», когда повеление относится не к действию как таковому, а к способу его осуществления, например *Открывайте дверь медленно: она скрипит, и дети могут проснуться*. Открывание двери здесь осуществляется и без просьбы говорящего, в сферу действия повеления входит только то, как ее нужно открывать.

Опять же, формулировка «фокус на срединной фазе действия» в применении ко второму подтипу не кажется нам удачной: имеется в виду все действие целиком. (Ср. особенно другой пример из книги: *Входите осторожно, пол скользкий; вряд ли можно войти не до конца*.) Скорее акцент здесь просто на самом действии, а не на его результате, в отличие от СВ: говорящему неважно, откроет адресат дверь или нет, ему важно, чтобы дверь при этом не скрипнула (ср. другой пример: *Медленно откройте дверь*). Отметим, что в русском языке есть и

более «чистый» тип употребления НСВ для побуждения к действию как таковому, а не к достижению результата, ср. хотя бы известное: *Ничего, что вы чужие, вы рисуйте. Я потом, что непонятно, объясню*. Кажется, что такие высказывания и являются самыми простыми примерами «фокуса на срединной фазе», а точнее просто фокуса на самом действии, а не на его результате.

Третье «первичное значение» НСВ – это «фокус на начальном моменте действия». Имеются в виду такие примеры, как *Включайте телевизор! Уже семь часов. Фильм начинается* в отличие от *Включите телевизор!* Здесь «фазовая» терминология, на наш взгляд, уже не просто неудачна, а способна ввести в заблуждение. Во *Включайте телевизор*, несомненно, имеется в виду, что адресат должен включить телевизор, а не просто, скажем, потянуться за пультом. То же можно сказать и о *Хватит проветривать! Закрывайте окно*. Суть здесь, на наш взгляд, именно в том, что действие известно из предыдущего контекста или ситуации, и автор прямо говорит об этом (с. 29-30), но почему-то предпочитает называть это употребление «фокусом на начальном моменте».

Симметрия «фокус на конечном моменте действия – на срединном – на начальном», конечно, красивая, но явно ложная. Скорее следует говорить об оппозиции фокуса на результате (СВ) фокусу на самом действии (НСВ «характеристики осуществления действия»), а также о других значениях НСВ: многократности, продолжения действия, обусловленного действия.

Итак, «первичные значения» СВ и НСВ, как мы видели, вообще не соотносятся с вежливостью повелительного высказывания. Далее Р. Бенаккьо рассматривает «вторичные видовые значения», и вот они полностью оказываются связанными с такими понятиями, как вежливость и дистанция между собеседниками. Говоря о вежливости, автор опирается на классическую теорию П. Браун и С. Левинсона о негативной и позитивной вежливости [Brown, Levinson 1987] и на шкалу «выгоды – затрат» Дж. Лича [Leech 1983]. Негативная вежливость – это способ соблюсти дистанцию, не вторгаться в личное пространство собеседника; позитивная же вежливость – это, напротив, сокращение дистанции за счет выражения участия к собеседнику, установления более близкого контакта. Под «выгодой» понимается полезность (в широком смысле) действия для исполнителя.

Как показано в работе, в случае конкуренции видов (т.е. грамматической допустимости обеих видовых форм) в русском языке СВ кодирует негативную вежливость, иначе говоря,

сохраняет дистанцию между говорящим и слушающим. НСВ, наоборот, эту дистанцию сокращает, и из этого могут вытекать различные последствия для уровня вежливости высказывания. Если действие, выраженное императивом, «выгодно» для адресата, то НСВ даже не то что более вежлив, а, скорее, более ласков, более «интимен», ср. такие примеры, как *Сегодня холодно. Одевайтесь* (vs. *Оденьтесь*) *теплее* или *Давайте* (vs. *Дайте*) *мне чемодан, он тяжелый*. Если же действие «невыгодно», то употребление НСВ ведет к излишней фамильярности и от нее к грубости, ср. *Показывайте* (vs. *Покажите*) *документы* в устах представителя власти. Интересны с этой точки зрения разрешения: в разрешениях действие заведомо выгодно для исполнителя (раз он сам о нем просит), и СВ выражает нейтральное, вежливое, но отстраненное разрешение (*Можно открыть окно? Откройте*). НСВ же может иметь оттенок как грубого безразличия (*Открывайте*), так и поощрения, участия по отношению к адресату, особенно в сочетании с формулами вежливости или словами типа *конечно* (*Открывайте, конечно*).

Позитивная вежливость НСВ подтверждается и тем, что именно НСВ употребляется в этикетных формулах вежливости: приглашения и угощения (*Приезжайте к нам еще!, Наливайте чай!*) и пожелания (*Выздоровливайте!*).

Этот анализ интересен и в самом деле объясняет большой класс примеров, подобных приведенным выше. В то же время кажется, что не следует пренебрегать обусловленностью действия контекстом, о которой говорилось ранее. Сравним пару примеров: *Покажите! Показывайте документы* и *Сядьте! Садитесь* в адрес человека, стоящего в переполненном транспорте около свободного места. В первом случае НСВ вызывает ощущение грубости или в лучшем случае излишней фамильярности. Во втором случае *Садитесь* также вызывает протест, однако не грубостью, а тем, что ощущается как ограничение свободы из-за того, что действие, в выборе которого человек свободен, представляется как обязательное.

Во второй части книги те же самые примеры анализируются на материале прочих славянских языков. Для удобства примеры сохраняют свои номера, так что каждый номер встречается в книге 13 раз, по числу языков (за исключением немногочисленных случаев, когда какой-либо пример было невозможно перевести на тот или иной язык). Оказывается, что украинский и белорусский языки в том, что касается употребления видов в императиве, полностью тождественны русскому. В южно- и западнославянских языках наблюдается экспансия СВ, достигающая свое-

го максимума, по-видимому, в словенском и лужицких (Р. Бенаккьо предполагает, что этим они обязаны влиянию «безвидового» немецкого языка). В целом славянские языки удобно представляются в виде круга: от восточнославянских языков через болгарский и македонский к сербохорватскому, словенскому, чешскому, словацкому, верхне- и нижнелужицкому, польскому и обратно к русскому. (В этой последовательности и приводятся примеры, см. схему на с. 186.) Языки, ближайšie на этом круге к восточнославянским, т. е. болгарский и польский, обнаруживают больше всего сходств с русским; иными словами, в них экспансия СВ присутствует в наименьшей степени. Вероятно, это следует объяснять историческими связями и влиянием на них русского языка. Из других языков словацкий в отдельных случаях демонстрирует некоторое сходство с восточнославянским употреблением.

В целом ситуация в южно- и западнославянских языках следующая. Русскому СВ в императиве неизменно соответствует СВ. НСВ же употребляется гораздо реже. Даже для выражения многократности в ряде случаев употребляется СВ; то же касается употребления типа «характеристики действия» и того, что в данной работе называется «акцентом на начальном моменте». Гораздо слабее позиции НСВ и в разрешениях, и в этикетных формулах. НСВ твердо закреплен лишь за ситуацией продолжения начатого действия - как уже было сказано, это очень характерно и типологически.

В том, что касается вежливости, употребление НСВ за пределами восточнославянской области (и частично болгарского и польского языков) характеризуется как невежливое, излишне фамильярное, иногда и просто невозможное в литературной речи.

Третья часть исследования посвящена употреблению видов в императиве в новогреческом языке, который интересен тем, что, не являясь славянским, также имеет грамматическое противопоставление видов. Оказывается, что новогреческий на удивление полно повторяет южно- и западнославянскую модель. НСВ употребляется здесь только в случае несомненно длительных или дистрибутивных действий, а также для побуждения к продолжению начатого действия.

Понятно, что греческий язык представляет благодатную почву для диахронических штудий. Третья часть завершается очень интересным историческим экскурсом, в котором показывается, что в древнегреческом языке употребление видов в императиве было ближе, чем сейчас, к восточнославянскому типу: НСВ употреблялся для акцента на действии («воду в сосуде грейте; бинты и восковую мазь готовь-

те») или для выражения действия, вытекающего из контекста («вот он и идет, открывая дверь»). Как мы видели, в западно- и южнославянских языках такие употребления практически исключены, а в русском, украинском и белорусском вполне естественны.

В целом ситуация с относительной вежливостью видовых форм в императиве представлена в двух таблицах на с. 186. При конкуренции СВ и НСВ вторая форма всегда более фамильярна. В восточнославянских языках эта фамильярность оценивается положительно (форма считается более вежливой), если действие выгодно для исполнителя, и отрицательно (считается менее вежливой) – если действие исполнителю невыгодно. В южно- и западнославянских языках, за некоторыми исключениями в польском и болгарском, фамильярность всегда оценивается отрицательно, и, соответственно, НСВ в императиве либо невежлив, либо вовсе невозможен.

Разумеется, трудно удержаться здесь от упоминания хорошо известной большей «контактности» русской культуры по сравнению с западноевропейской, и Р. Бенаккьо говорит об этом. Отметим, выходя за пределы аспектологии, что и сами по себе формы императива во многих западноевропейских языках (а также многих других) избегаются или сопровождаются смягчающими частицами (см., например, [Fortuin 2000: 96] о нидерландском языке в сопоставлении с русским). В пользу этого предположения говорят, по-видимому, и исторические данные греческого языка, а также сохранившиеся в южно- и западнославянских диалектах следы употребления НСВ восточнославянского типа.

Рецензируемая работа, как мы видели, решает старую проблему аспектологии, выходя за пределы собственно аспектологической те-

матики, привлекая прагматику и, в частности, принципы речевого общения, и далее переходит от узко лингвистических проблем к вопросам различия культур и их исторических изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюлин 1994 *Л.А. Бирюлин*. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994. (Slavica Helsingiensia 13.)
- Бирюлин, Храковский 1992 – *Л.А. Бирюлин, В.С. Храковский*. Повелительные предложения: проблемы теории // В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
- Падучева 1992 *Е.В. Падучева*. Семантика и прагматика несовершенного вида императива // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Падучева 1996 *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Рассудова 1982 *О.И. Рассудова*. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
- Brown, Levinson 1987 *P. Brown, S.C. Levinson*. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Fortuin 2000 *E.L.J. Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and the dative-infinitive construction in Russian. Amsterdam, 2000.
- Leech 1983 – *G.N. Leech*. Principles of pragmatics. London; New York, 1983.

В.Ю. Гусев

Сведения об авторе:

Валентин Юрьевич Гусев
Институт языкознания РАН

F. Kortlandt. Baltica & Balto-Slavica. Amsterdam: Rodopi, 2009. 440 p. (Leiden studies in Indo-European 16)

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей известного нидерландского лингвиста Фредерика Кортландта, опубликованных им в разных изданиях в течение нескольких последних десятилетий. Она состоит из трех тематических разделов: «Фонология», «Морфология» и «Прусский язык». Ввиду разнообразия тем и широты обсуждаемого материала мы ниже ограничимся разбором лишь наиболее важных, с нашей точки зрения, идей автора.

Первые два раздела посвящены в основном вопросам балтославянской и балтийской реконструкции с упором на относительную

хронологию языковых изменений, что вообще характерно для работ Кортландта. Являясь сторонником гипотезы балтославянского единства, он разделяет изучаемый период на следующие этапы: (1) индоевропейский диалектный континуум; (2) балтославянский язык; (3) праславянский и восточнобалтийский языки (с. 46). Древнепрусский язык, по мнению автора, развивался независимо от восточнобалтийского после отделения от них праславянского языка (с. 5). Кортландт реконструирует изменения на каждом из этих этапов для объяснения засвидетельствованных фактов истории балтийских и славянских языков (в том числе

и в области акцентологии). Его относительная хронология выстраивается как строгий набор последовательных «законов». Все, кто знаком с работами Кортландта, отмечают особую – почти математическую – строгость и аккуратность его построений. В них четко разделяются фонетические и аналогические изменения, причем последние трактуются не как случайные явления, а как системные правила, полноценно участвующие в языковой эволюции. Приведем пример. Главным вопросом в балтославянской акцентологической реконструкции традиционно является происхождение подвижности ударения. Для его объяснения Кортландт прибегает к восстановлению целой серии изменений (с. 3–4):

(1) «Потеря праиндоевропейской подвижности ударения»: Кортландт не видит «следов праиндоевропейской подвижности за пределами именного склонения основ на согласные». На данной стадии, по Кортландту, ударение в именах с основами на гласные всегда колонно.

(2) «Закон Педерсена» (изначально предложенный де Соссюром): «иктус оттянулся с внутренних ударных слогов в подвижных парадигмах, например литов. *dùkterì, píemenì*, ср. греч. *θυγατέρα, ποιμένα*» (без оттяжки). Этот закон не является в полной мере фонетическим (несмотря на усовершенствование Педерсена, объяснившего оттяжку контрастом начального и конечного ударения) и относится только к многосложным основам на согласные (т. к. все прочие основы к этому времени уже неподвижны).

(3) «Баритонеза»: оттяжка аналогически распространилась на те же падежи основ на гласные, дав такие формы, как литов. *āvj, sūnų, diėva, žiėmą*.

(4) «Окситонеза»: «иктус сдвинулся с внутреннего ударного слога на конец в парадигмах с конечноударными формами» (закон предложен Эбелингом для славянского). Это объясняет формы типа *sūnumì, žiėtomìs*.

(5) «Закон Эбелинга»: «иктус оттянулся еще в ряде случаев, например литов. род. ед. *vilkò*, дат. ед. *vilkui, gálvai*, 3 ед. *nėša, nėšė*, серб.-хорв. *vūka, vūku, glāvi, pīlo*, аор. *něse*». Эти оттяжки, описанные, но не вполне объясненные Эбелингом, Кортландт трактует фонетически: «в двухсложных словоформах ударение оттянулось с конечного краткого или циркумфлексового гласного или дифтонга, если предыдущий слог не был закрыт шумным согласным». Это произошло, когда ларингалы еще были «обычными согласными», что объясняет конечные ударения типа *galvà < *golHuall* и др. Наличием шумного объясняется и неоттянутое ударение в русск. *несло́*.

Таким образом, по Кортландту, в формировании подвижности ударения в тематических основах участвовали три закона: «баритонеза» (аналогический), «окситонеза» (?) и «закон Эбелинга» (фонетический). Нельзя не обратить внимания на большую сложность этой реконструкции. Понятно, что речь идет о языковых состояниях чрезвычайной древности и любая реконструкция такого уровня неизбежно в той или иной степени умозрительна. Но именно поэтому такая многоступенчатость представляется искусственной. Ведь предлагаемый автором путь развития не является единственно возможным, а одни его недоказуемые предположения влекут за собой другие. Укажем на некоторые нестыковки в авторской концепции хронологии балтославянского ударения.

Сразу отметим, что нас удивляет сама постановка вопроса о «потере праиндоевропейской подвижности», как будто автору известно, какой именно была «праиндоевропейская подвижность», чьи следы можно или нельзя усмотреть в засвидетельствованных языках-потомках. По-видимому, имеется в виду, что индоевропейское подвижное ударение было связано исключительно с апофоническими чередованиями, которые, исчезнув в основах на гласные, свели на нет и подвижность. Это представление не кажется обоснованным, т. к., по нашему мнению, зиждется не на реконструкции, а на экстраполяции древнеиндийских и греческих данных. Таким образом, уже сама отправная точка реконструкции спорна. Остальные же пункты имеют смысл только по ее безоговорочному принятию¹. Дальнейшие реконструируемые автором изменения – «баритонеза» и «окситонеза» – тоже не представляются достоверными (и тем более доказуемыми), поскольку предполагают массовое действие аналогии маленькой группы многосложных основ на согласные на огромный массив основ на гласные. Что касается «закона Эбелинга», то он не объясняет ударения в многосложных словах: если ударение *valandà*, вин. *vālandą* (а. п. 3^b) предсказывается верно («баритонезой»), то объяснения ударения *vākaras*, род. *vākaro* (а. п. 3^b) мы в книге не нашли.

Впрочем, Кортландт не настаивает на единственности своей реконструкции, а предлагает «вариант, могущий быть приемлемым для наших коллег-младogramматиков» (с. 103). В этом «младogramматическом» варианте (статья относится к 2008 г.) «нет необходимости предполагать, что индоевропейская подвижность ударения была утрачена на ранней стадии».

¹ Впрочем, как представляется, для многих исследователей этот вопрос является делом принципа, ср. [Ослон 2010].

Что касается «баритонезы», то часть тематических имен (*āvj, sūnų*) сохранила – в этом варианте реконструкции – древнее накоренное ударение, часть (*žīēmq*) продолжает старые имена с основами на согласные (**ǵ^heim*), а в части (в основах на *-o-*: *diēvq*, которые «с самого начала» имели колонное ударение, ср. др.-инд. *devám*) все-таки прошла оттяжка по «баритонезе». Подобные уступки автор делает и по вопросу «окситонезы». Говоря об оттяжке с предпоследнего слога в словах типа литов. *dūkerj* («закон Педерсена»), о недоказуемости фонетической природы которой писал сам Педерсен, Кортландт сообщает, что возможно и фонетическое решение (с. 105). Это достигается за счет очень непростых построений:

(1) Метатония акут ⇔ циркумфлекс в словах среднего рода перед суффиксами вида **-CCo-*, которые в литовском относятся к а. п. 2, а в славянском к а. п. *b.*, ср. *aūkštas, tiñklas*, пол. *źqđlo*, «очевидно, возникла из восточнобалтийской оттяжки ударения с конечного **-ā*. Это и есть объяснение «доминантных» суффиксов Дыбо с сопутствующей метатонией на предыдущем слоге» (с. 106). Слова среднего рода перешли затем в женский или мужской. Таким образом, согласно автору, в этих суффиксальных образованиях ударение исконно стояло на конце².

(2) Кроме таких «доминантных» (в кавычках) суффиксов, продолжает автор, существуют еще и «доминантные» суффиксы второго класса, например литов. *-ỹbė, -ỹstė*, в которых «ударение оттянуто с **i* перед гласным»³.

(3) Третий класс «доминантных» суффиксов связан с законом Хирта, примеры: литов. *taukiótas, kraujiótas*, русск. *женáтый, блудни́ца, травя́на*⁴.

(4) Поскольку, по мысли автора, перечисленные три класса «доминантных» суффиксов

² В рамках концепции московской акцентологической школы (Дыбо, Николаев и др.) эта метатония происходит в рецессивных (слабых) слогах перед доминантными (сильными) и никак не связана с сегментным видом окончания [Николаев 1989]. Доминантность и рецессивность по Дыбо – это свойства, внутренне присущие морфемам и влияющие на место ударения в слове: иктус в балтославянском ставился на первой доминантной морфеме словоформы [Дыбо 1981: 261].

³ По Дыбо и Николаеву, такие суффиксы «вторично доминантны»: второй слог вызвал метатонию в первом.

⁴ Закон Хирта (в балтославянском) заключается в оттяжке ударения на неапофоническую долготу. По Дыбо и Николаеву, слоги, получившие ударение по закону Хирта, являются вторично доминантными.

связаны исключительно с оттяжками, а следовательно, все образования с ними возводимы к конечноударным, то в эпоху, когда ударение в них еще стояло на конце (и когда, надо полагать, единственными формами со срединным ударением были предки форм типа *dūkerj*), устранение срединного ударения («закон Педерсена») вполне могло быть фонетическим.

Прокомментируем. Очевидно, что отнесение к некогда среднему роду всех имен с доминантными суффиксами без **i* – совершенно произвольно и нужно лишь для подгонки фактов под сомнительную теорию об оттяжке с ударного *-ā*. Утверждение, что все доминантные суффиксы получились из оттяжки с окончания, вряд ли верно ввиду наличия в балтославянском контурного правила, согласно которому ударение ставится на первой (а не на последней!) доминантной морфеме [Дыбо 1981: 261]. Насколько нам известно, Кортландт нигде не упоминает об этом контурном правиле.

Среди примеров на закон Хирта приводится русск. *женáтый*. Кажется, Кортландт восстанавливает в нем наконечное ударение типа **-allt-òs*, не принимая во внимание, что производящее **žená* относится к а. п. *b.* Значит, он вообще не признает упомянутого контурного правила. Тогда совершенно непонятно, как он объясняет накоренное ударение при доминантных суффиксах, ср. ст.-литов. (Даукша) *aúksinĩkas, viėtinĩkas, svėikata, brángesnis*, ст.-хорв. (Крижанич) *brėzina, stáruica, zėrna*ст и мн. др. [Дыбо 2008].

При этом надо признать, что доминантный циркумфлекс действительно часто наблюдается в сложных суффиксах с **i* во второй части, а доминантный акут – в суффиксах, могших участвовать в оттяжке по закону Хирта, так что, если не обращать внимания на большие натяжки в реконструкции Кортландтом среднего рода, в целом набор доминантных суффиксов его теория предсказывает верно. И все-таки непонятно, какой же из приведенных реконструкций придерживается автор. Настаивает он на «потере праиндоевропейской подвижности ударения» или нет? Из рецензируемой книги выяснить это невозможно, в связи с чем еще больше удручает чрезвычайная «точность» авторских праформ и хронологий. И здесь возникает вопрос общего характера: в чем задача языковой реконструкции и чем измеряется ее точность (и оправдывается строгость)? Не ограничиваясь заветом Мейе насчет «простой констатации соответствий» и стараясь все-таки восстановить некоторую языковую действительность, можно ли заходить так далеко, как это делает Кортландт, не рискуя увлечься фантазиями?

В целом балтославянская реконструкция Кортландта представляется неоправданно сложной и требует признания большого числа различных аналогий, двойных и тройных переходов, совершенно произвольных предположений, чем заметно подрывается ее достоверность. Во многих случаях крайне смелые гипотезы выдвигаются исключительно для уточнения сугубо внутренней реконструкции, имеющей к засвидетельствованному материалу более чем косвенное отношение. Таким образом, метод Кортландта, невзирая на присутствующую ему строгость и логичность, можно, на наш взгляд, назвать телеологическим.

Третий – самый большой, занимающий почти половину книги (с. 189–370) раздел сборника составляют статьи, посвященные пруссистику. Он состоит из четырех тематических глав, в каждой из которых, соответственно, обсуждаются принципы филологического анализа письменных источников, проблемы фонологии и морфологии, а также приводятся транскрипции главных прусских текстов.

Важным вкладом Кортландта в пруссистику является проведенный им на основании подстрочного сравнения тождественных фрагментов всех трех катехизисов тщательный анализ орфографии прусских текстов (с. 195–211). Этот анализ позволил ему обнаружить ряд последовательных соответствий между тремя различными орфографическими системами. Автор утверждает, что орфография источников значительно более последовательна, чем принято думать. Можно принять его предположение, что за тремя различными орфографическими системами на самом деле кроются три различные, самостоятельно функционирующие языковые системы (например, три диалекта). Вряд ли, однако, верно, что эти три варианта отражают три хронологические ступени развития: язык I катехизиса якобы наиболее архаичен, язык Энхиридиона наиболее продвинут, а язык II катехизиса занимает промежуточное положение. Впрочем, как замечает автор, было бы наивно думать, что в текстах запечатлены различные этапы развития одного диалекта (I и II катехизисы напечатаны в одном году). Из этого следует, что одновременно сосуществовали три диалекта, на всех без исключения языковых уровнях представляющие разные ступени развития. Такой взгляд кажется нам искусственным. Почему, например, в самом прогрессивном говоре не могли сохраниться хоть несколько архаизмов, в свою очередь утраченных в более архаичном?

Во-первых, Кортландт не учитывает того, что катехизисы написаны тремя различными авторами, каждый из которых мог по-своему, т. е. иначе, чем другие авторы, но в рамках своего

текста довольно последовательно, обозначать одни и те же звуки. Например, нет достаточных оснований полагать, что в языке II катехизиса имелся дифтонг [ie] как промежуточное звено в развитии I [ē] > III [ī], ср. I *turrettwey*, II *turryetwey*, III *turrītwei*. Буквами <ye>, <yie> и даже <y> автор II катехизиса мог обозначать тот же звук [ī], который автор Энхиридиона обозначал <ī>, <i>, <ij> (буква <e> здесь является обычным в нижненемецкой орфографии того времени знаком долготы гласного, ср. еще II *daeczt*, III *dāts* и т. п.). Только отчасти можно принять эволюцию *ī > I, II [ei] > III [ī] и I [ū] > II, III [ou], поскольку для дифтонга *ou* она предполагает двойное изменение: сначала дифтонгизацию, потом обратную монофтонгизацию, что представляется искусственным ввиду хронологических соображений.

Распределение <ei> и <ī> в источниках на самом деле не так последовательно, как утверждает автор. Он не комментирует, почему оба варианта – как дифтонг, так и монофтонг – встречаются, например, во II катехизисе, ср. *steweyden* II 13₁₀ и *stewidan* II 15₁. Наличие обоих вариантов в Энхиридионе он пытается объяснить неодинаковой архаичностью различных частей текста, что, по нашему мнению, недостаточно убедительно. Впрочем, если оставить в стороне хронологическую интерпретацию фактов, обоснованной Кортландтом принцип автономии трех катехизисов (а также отдельных частей Энхиридиона) безусловно ценен для пруссистики и должен впредь серьезно учитываться.

Кроме катехизисов, немало внимания автор уделяет и языку мелких памятников прусского языка – Базельского эпитафия и пословицы *Dewes does dantes*, *Dewes does geitka* (с. 215–222). В числе прочего Кортландт предлагает метрическую интерпретацию текста (изосиллабический принцип), уточняющий прочтение неясных фрагментов (например, *thoneaw* = *tu ni jau), словообразовательный анализ слова *labonache* (суффикс *-ān-, ср. литов. *geltónas*), а также высказывает мнение, что автор Базельского эпитафия должен был быть немцем, только записавшим слова, произнесенные коллегой-пруссом. Особого внимания заслуживают подкрепляющие последнюю мысль рассуждения насчет происхождения парагогического *e* в словах *rekuse*, *labonache*, *thewelyse*: это явление Кортландт объясняет тем, что автор текста был носителем одного из верхненемецких говоров, апокопирующих конец слова, и стремился в письменных текстах всегда восстанавливать апокопированные гласные, что вело к появлению гипернормализмов.

Главным открытием Кортландта в области прусской фонологии, без сомнения, следует

считать сформулированный им закон сдвига ударения с краткого слога на следующий слог; в литературе названный «законом Кортландта», а также орфографическое правило, согласно которому ударение в текстах прусских катехизисов обозначалось удвоением предударных согласных (с. 241–254). Сам Кортландт строго различает свой закон и орфографическое правило и подчеркивает, что эти два явления он открыл независимо друг от друга, на основании совершенно разных доводов: закон основан на сравнительном методе, а орфографическое правило – на внутреннем анализе орфографии источников. Следовательно, и их критика возможна только в таком же строго дифференцированном виде. Заметим, что доводы, приводимые для обоснования орфографического правила (обилие таких форм, как *semmē*, *weddē*, *billīt*, *seggīt* и т. п.; смешение букв *e* и *a* в предударном слоге; отношение прусск. *kadden*, *dabber* к литов. *kadà*, *dabar̃*), в действительности лишь опровергают теорию некоторых прежних авторов, будто удвоением согласных обозначалась ударность предшествующего слога. Однако это вовсе не доказывает, что согласные буквы во всех случаях удваивались перед ударным слогом. Например, редукция гласного /a/, которую отражает смешение букв <e> и <a>, как замечает сам Кортландт (с. 245), одинаково возможна не только в предударном, но и заударном слоге, ср. *ainawijdei* : *ainawīdai*. Считая обсуждаемое орфографическое правило недостаточно доказанным и стараясь не путать его с законом сдвига ударения (Кортландт упрекает своих критиков в смешении этих двух явлений в одно), приходится с неизбежностью признать, что доводов для безоговорочного принятия этого закона (т. е. слов, где ударный долгий гласный был бы обозначен чертой над буквой в Энхиридионе и которые отличались бы ударением от соответствий в родственных языках) недостаточно. Поэтому и имеющиеся несоответствия в ударении между прусскими и иноязычными словами, на наш взгляд, рациональнее объяснять не фонетическим законом, а принадлежностью слов к разным акцентным парадигмам. Например, конечное ударение в слове *semmē*, не совпадающее с накоренным ударением в литов. *žėmė* (а. п. 2), можно объяснить подвижной акцентуацией прусского слова – как, между прочим, и славянского **zemljá* (а. п. с) (совершенно независимо от того, считать ли прусско-славянское соответствие архаизмом или новшеством). За более детальной критикой орфографического правила и закона Кортландта мы отсылаем читателя к работам [Young 1999; Rinkevičius 2009: 76–78, 89–92].

Нам кажется, что иногда автор преувеличивает значение внутренней реконструкции.

Необоснованна, например, попытка доказать апофонию в окончаниях настоящего времени ряда глаголов, ср. 3 ед. **turei* : 3 мн. **turi* (с тенденцией к обобщению второго варианта для обоих чисел) (с. 277 и далее). Оба графических варианта окончания встречаются в формах как единственного, так и множественного числа (3 ед. *turri* 18 раз, *turei* 8 раз, *turrei* 1 раз : 3 мн. *turri* 10 раз, *turei* 1 раз, *turrei* 1 раз), а преобладание варианта с удвоением в ед. ч. отчасти обусловлено большей частотностью форм ед. ч. в тексте (если оно не случайно). Автор чрезмерно полагается на орфографию и при классификации форм настоящего времени глаголов. Так, с нашей точки зрения, нет необходимости объединять в один класс все формы с окончанием 1 мн. *-imai* и утверждать, что оно вытеснило другие окончания (например, тематическое *-amai*, ср. 3 ед. *imma* : 1 мн. *immimai*, с. 276). На самом деле буква <i> во многих случаях может просто отражать редукцию гласного. Подобные замечания можно высказать по целому ряду авторских реконструкций.

Положительной чертой работ Кортландта по прусскому языку является его внимание к деталям. Он тщательно фиксирует и обсуждает все примеры из текстов, подтверждающие или опровергающие то или иное его утверждение, а в случае противоречия каждому из таких примеров находит всякий раз новое объяснение. С одной стороны, такая скрупулезность вытекает из характера прусских текстов (большое разнообразие вариантов при сравнительно малом количестве данных). С другой стороны, она связана с непохвальной, с нашей точки зрения, особенностью методики автора не столько обосновывать гипотезу подтверждающими ее примерами, сколько искать объяснения всем противоречащим ей исключениям. Многие из таких объяснений недоказуемы и подходят только для конкретного случая. Так, явно натянуты объяснения, согласно которым какая-либо форма попала в источник «из более древнего текста» (ср. случай *prei issprestun dāst*, не соответствующий предполагаемому распределению инфинитивов на *-tun* и *-twei*, с. 271). Конечно, некоторые (теоретически даже все) такие объяснения могут оказаться верными. Однако обилие исключений, каковых порой больше, чем примеров в пользу той или иной гипотезы, а также недоказуемость предлагаемых объяснений не способствуют убедительности выдвигаемых автором положений.

Рецензируемая книга с трудом поддается общей оценке из-за своей неоднородности. Конечно, чрезвычайно приятно, что работы выдающегося балтослависта Ф. Кортландта объединены в сборник, так что наконец можно ознакомиться с его важнейшими достиже-

ниями в данной области, не выходя за рамки этой пусть и объемной, но одной книги, снабженной прекрасным указателем словоформ и библиографией. С другой стороны, многие его идеи повторяются в нескольких местах, порой с изменениями, а конкретные его положения иногда все-таки, кажется, трудно понять в отрыве от остальных его работ (только в библиографии их 260). Не способствует легкости усвоения и характерная лапидарность и категоричность автора, однако многие, кто знаком с его трудами, вероятно, могут усмотреть в этих чертах его стиля особую привлекательность. В целом книга Кортландта, хотя и не содержит новых работ, представляет собой несомненно крупный вклад в развитие балтославянской и балтийской реконструкции, а также является ценным пособием по пруссистику (правда, явно не для начинающих). Научная ценность изложенных в книге идей (многие из которых мы считаем спорными) не подлежит сомнению, а прекрасное издание заметно облегчает знакомство с ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дыбо 1981 – В.А. Дыбо. Славянская акцентология. М., 1981.

Ф.И. Рожанский. Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011. 256 с. ISBN 978-5-9551-0454-6.

В течение последних 10–15 лет Федор Иванович Рожанский периодически выступал в печати со статьями, посвященными типологически ориентированному описанию редупликации. Рецензируемая монография является ожидаемым итогом этих исследований, не только удобным для читателя (которому теперь нет необходимости искать отдельные публикации), но и позволяющим яснее увидеть результат.

Книга состоит из двух частей: теоретической и описательной. В первой части вводится используемая в работе терминология (определение редупликации и классификация ее разновидностей) и анализируются языковые функции редупликации (в основном на материале языков Западной Африки). Первая часть содержит также анализ понятия иконизма применительно к редупликации, места редупликации в общей системе (и в общей модели) языка и один относительно частный сюжет (развитие геминации в отрицательных местоимениях одного водского говора). Во второй части работы описывается редупликация в семи различных языках (пяти африканских, а также хакасском и марийском), каждому из которых посвящена отдельная небольшая глава.

Дыбо 2008 – В.А. Дыбо. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском праязыке и балто-славянская метатония // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. М., 2008.

Николаев 1989 – С.Н. Николаев. Балто-славянская акцентуация и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

Ослон 2010 – М.В. Ослон. [Рец. на:] T. Olander. Balto-Slavic accentual mobility. Berlin; New York, 2009 // ВЯ. 2010. № 2.

Rinkevičius 2009 – V. Rinkevičius. Prūsų kalbos kirčiavimo sistema. Daktaro disertacija. Vilnius, 2009.

Young 1999 – S. Young. «Kortlandt's hypothesis» and Old Prussian stress // Baltistica XXXIV (1). Vilnius, 1999.

М.В. Ослон, В. Ринкявичюс

Сведения об авторах:

Михаил Владимирович Ослон
Институт славяноведения РАН
mcoakut@gmail.com

Vytautas Rinkevičius
Vilniaus universitetas
vytautas.rinkevicius@flf.vu.lt

За последние 30 лет появилось огромное количество англоязычных работ по редупликации. Как справедливо отмечает Ф.И. Рожанский (с. 13), эти исследования были посвящены преимущественно формальной стороне грамматической редупликации, тогда как функции и семантика редупликации, а также границы этого явления обсуждались сравнительно мало. Логично, что именно этим, сравнительно непопулярным, темам было уделено особое внимание в монографии. Но следует предупредить потенциального читателя, что данная монография не является теоретическим введением в изучение редупликации, она не содержит – даже реферативно – обзора существующих находок и проблем. Исследование Рожанского основано не столько на чтении специальных статей, сколько на трудоемком извлечении материала из словарей нескольких африканских языков и на опросе носителей. Теоретический инструментарий монографии ориентирован на удобство работы с конкретным использованным материалом. Практическая польза такого подхода очевидна; но в нашей рецензии мы остановимся и на том, какие теоретические проблемы при этом игнорируются.

Как и у любого традиционного понятия, у понятия редупликация есть очевидное ядро («общепризнанные случаи редупликации», о которых говорится на с. 33 монографии, – греческий перфект, турецкие интенсивные формы прилагательных) и разного рода периферия. Понятие «прототипа» Э. Рош, введенное в 1970-х годах, теоретически легализовало определение, основанное на ядерных случаях (редупликация – это такие-то случаи и отчасти также то, что на них похоже). Но полемизируя с мнением, будто «время точных определений прошло», во второй главе автор формулирует определение редупликации, которое бы в точности отражало объем изучаемого понятия (в духе формального моделирования 1960-х годов). Приводя ряд кратких определений редупликации (с. 14–17), автор отмечает, что они в той или иной степени сужают это понятие. Впрочем, «неполнота» процитированных определений имеет разную природу. В какой-то степени эта неполнота объясняется именно ориентацией на прототипические случаи. Правда, цитируемое определение В.А. Виноградова, вошедшее в Лингвистический энциклопедический словарь, согласно которому редупликация может состоять в «удвоении начального слога (...) или целого корня», настолько упрощает формальную типологию редупликации, что и не требует серьезной полемики. С другой стороны, исключение немотивированной редупликации из рассмотрения у И.А. Мельчука представляется совершенно необходимым в рамках принятой им модели (подробнее см. ниже).

Ф.И. Рожанский настаивает, что определение редупликации должно включать более чем однократный повтор, повтор отдельной фонемы и немотивированную редупликацию (т. е. лексемы, с формальной точки зрения содержащие повтор, но не соотносящиеся – по крайней мере, в данном языке – с лексемами без повтора). Действительно, трипликация – не очень распространенное, но сравнительно ясное явление, которое должно учитываться в базовых определениях. Менее очевидно включение в редупликацию повтора отдельных фонем, известного широкому кругу лингвистов по семитской геминации согласных. Такие явления полезно рассматривать в контексте редупликации, но возможны скорее как пограничный случай (см., например, работу [Zarka 2005] с точным названием «On the borderline of reduplication»). Наиболее ясным и консервативным решением кажется следующее: рассматривать геминацию и редупликацию как смежные явления, как частные случаи некоторого более общего понятия (например, «операции копирования»). Именно такое решение используется, например, в недавней статье [Udoh 2007], в которой

анализируются сходные функции определенной разновидности геминации («fortition») и редупликации в языке легтбо (кроссерверская группа).

С теоретической точки зрения наименее ясен вопрос о немотивированной редупликации. Точка зрения И.А. Мельчука, упомянутая выше, выражена вполне эксплицитно: формы вида ХХ, которые нельзя связать регулярным отношением с формой вида Х, «с морфологической точки зрения интереса не представляют» [Мельчук 2000: 49]. Нет смысла критиковать конкретное определение, так как оно совершенно корректно в рамках принятой модели языка. Скорее исследователь редупликации вправе сделать вывод о том, что «морфологическая точка зрения» И.А. Мельчука ему неудобна, – отметим попутно, что для типологического исследования семантики редупликации едва ли приемлема точка зрения Мельчука, согласно которой редупликация, сопровождаемая аффиксацией, является «незначащей», см. [Мельчук 2000: 60]. Включая редуплицированные формы без мотивирующих нередуплицированных в круг привычных морфологических явлений, можно было бы назвать их частным случаем реализации связанных морфем. Такой взгляд оправдан прежде всего при случайной потере мотивирующей лексемы, о которой идет речь на с. 125. Однако для развитых систем «словарной» редупликации (как описанные в рецензируемой монографии африканские или описанные в монографии [Thun 1963] английская) случайными кажутся скорее случаи наличия «мотивирующих» лексем, чем их отсутствия.

Итоговое определение редупликации находится на с. 32 и содержит три пункта (приводим ключевые пункты без комментариев, которые преимущественно заключались в скобки): «Редупликацией называется языковой механизм, состоящий в однократном или многократном повторе слова или его части (...) и удовлетворяющий следующим условиям: 1. Этот повтор не является случайным (...) или рекурсивным (...), 2. Этот повтор имеет интерпретацию с семантической точки зрения (...), 3. Этот повтор происходит или на уровне слова, или на уровне предложения, но в последнем случае он не должен быть тривиальным (...)).» Приведенные формулировки не могут быть приняты без некоторых уточнений. Наиболее уязвимым является п. 2 (про наличие семантической интерпретации). Одно возможное уточнение предложено на с. 31 («этот критерий может применяться только к случаям мотивированной редупликации»), однако это уточнение скорее всего неверно (так как у немотивированной редупликации, как блестяще демонстрирует

сам автор, могут выделяться регулярные значения). По всей видимости, автор сам склоняется к тому, что это лишь дополнительное требование («не слишком функциональное»), – в этом случае его было бы правильнее убрать из определения, если подходить к определению действительно серьезно. Заметим, что обращение к семантике в определении редупликации скорее всего выводит за пределы этого понятия редупликацию в семантически «вырожденных» текстах, например, в восточнославянских фольклорных сочетаниях *коляда-моляда* (правая редупликация), *шуря-буря*, *шерть-верть* (левая редупликация), про эти сочетания см. [Дурново 1902; Якобсон 1979: 343].

Ключевая формальная дилемма, связанная с редупликацией (операция или добавление морфемы с неполной фонетической спецификацией), была удостоена лишь подстрочного примечания на с. 138. Отметим, что второй подход, который упоминается как «заведомо провальный», характеризует абсолютное большинство американских работ по редупликации. Думается, что у такой аддитивной модели существуют проблемные места, однако отмахиваться от нее как от недоразумения довольно наивно.

Бросается в глаза тот факт, что автор исключает из определения редупликации какую-либо привязку к морфологии. Отчасти это объясняется тем, что автор считает неприемлемым строить определения на «прототипических» случаях. Более существенная причина заключается в таком представлении о редупликации, которое плохо вписывается в уровневую модель языка (о чем автор говорит на с. 117). Проблема связана прежде всего с авторской интерпретацией неполной редупликации. Под «неполной редупликацией» обычно понимают, грубо говоря, такие случаи, в которых редупликативная копия короче, «чем ожидалось бы», причем обычно предполагается, что исходный повторяемый сегмент является морфемой (корнем). В рецензируемой монографии понятие «неполной редупликации» упоминается на с. 35 как гипотетически возможное, но излишнее для анализируемого материала. Автор выбирает другое решение: в качестве основы, которая подвергается редупликации, могут выступать единицы любых уровней – лексема, морфема, слог, фонема. В рамках этого решения редупликация оказывается механизмом вне конкретного уровня. С нашей точки зрения, однако, это только видимость. Так, понятие «слоговая редупликация» определяется не в рамках слоговой, а в рамках морфологической структуры: например, часто редупликации подвергается именно первый слог корня. Таким образом, структурное описание такой редупликации все равно оказывается привязано к морфологии (с

этим, как представляется, согласуется и то, что пишет о слоговой редупликации автор на с. 37–39). Действительно ли необходимы оба уровня (морфологический и просодический) для описания некоторого подкласса редупликации? Известно, что копия часто может быть определена как слог, на что ориентировано описание редупликации в «просодической морфологии». Возможно, однако, слоговую редупликацию правильнее рассматривать как частный случай повтора некоторого фрагмента мотивирующей основы (заданной в морфологических терминах), причем фрагмент этот не обязательно является слогом. Слоговое членение может быть неочевидным или прямо противоречить слоговому определению редупликации (об этом пишет, в частности, Ю.Х. Сирк [Сирк 2008: 264], приводя пример из филиппинского языка илокано: *silid* ‘комната’ ~ *sil-silid* ‘комнаты’, где *sil* не является слогом в исходной словоформе). Любопытно, что и сам Ф.И. Рожанский для одного анализируемого случая вводит редупликацию последовательности меньшей, чем слог (примечание на с. 51). Укажем на основную теоретическую альтернативу подходу, принятому в монографии Рожанского. В работе [Marantz 1982] редупликация описывается как копирование материала основы, соответствующего шаблону типа CV, (C)CVC и т. п. (какие-то сегменты могут иметь также частичную фонемную спецификацию или же быть полностью специфицированными фонемами). На самом деле, такое описание (без каких-либо теоретических обобщений) присутствует и в «традиционных» грамматиках, и у самого Ф.И. Рожанского (с. 198). Заметим, что описание с помощью подобных шаблонов («скелетных морфов») позволяет не только взять нужный сегмент основы, не апеллируя к слоговому членению, но и извлечь из основы нетривиальный фонетический материал, не прибегая к дополнительным операциям. Например, редупликация в санскрите (*bambhramyate* ‘бродит туда и сюда’ от *bhram* ‘бродить’) в рамках этого формализма может быть описана как элементарная; если же усматривать тут слоговую редупликацию, явление становится неэлементарным: кроме собственно повтора, оно включает операцию модификации инициали. Очевидно, что описание санскритской редупликации как морфонологически элементарной (неразложимой на разные операции) необязательно является оптимальным (и логически безупречным) решением, но по крайней мере кажется изящной возможностью.

Формальной классификации редупликации посвящен третий раздел («Формы редупликации»). Как уже говорилось, автор монографии избегает противопоставления полной и не-

полной редупликации. Понятие неточной редупликации несколько неожиданно появляется на с. 35, но далее заменяется на менее распространенный термин «д и в е р г е н ц и я» (с. 44). В монографии не вводится направление редупликации как независимый параметр; оно появляется на с. 47 лишь для описания неточной редупликации, причем автор использует относительно экзотические термины «регрессивная» и «прогрессивная» редупликация вместо более общепризнанных и прозрачных «левая» (англ. *leftward*) и «правая» (англ. *rightward*) – обычным терминам, как это принято в книге, находится место лишь в подстрочном примечании. Кроме того, не упоминается еще одна возможность позиционирования копии – инфиксальная редупликация (хотя автор и упоминает статью [Broselow, McCarthy 1984], специально посвященную этому необычному явлению).

На с. 47 автор отмечает следующую тенденцию: в редупликативной конструкции с «дивергенцией» гласных обычно первая часть содержит более узкий гласный, а вторая – более широкий. Заметим, что причины этой особенности, хорошо известной по европейским языкам, анализировались, в частности, в [Biese 1939; Thun 1963: 244; Minkova 2002]. Противоположная модель (с гласным [и] во втором слоге) известна из ряда тюркских языков, например непроизводные повторы в уйгурском (*вал-вул* ‘подражание блеску полированного металла’, *шалақ-шулуқ* ‘подражание плеску воды’ [Кайдаров 1958: 69–70]) и в узбекском (*шов-шув* ‘гомон’, *қасир-қусур* ‘треск’ [Кононов 1960: 138]).

На с. 56–59 автор рассматривает понятие «иконичности» применительно к редупликации. Думаю, полезно было бы упомянуть введенное Ч. Пирсом противопоставление «образной» (*imagic*) и диаграммной иконичности. Языковая иконичность чаще имеет диаграммную природу (см. прежде всего [Haiman 1985: 9 и сл.], те же мысли повторяются и в монографии [Hopper, Traugott 1993: 26], которую цитирует Ф.И. Рожанский). Одна из разновидностей иконической интерпретации (АА как «искажение» знака А) лучше всего подходит для неточной редупликации, особенно для значений вроде ‘Х и тому подобное’ с факультативным пейоративным компонентом, характерных для неточной редупликации вида ХХ’ в ряде языков Евразии, ср. казах. *жылкы* ‘лошадь’ ~ *жылкы-мылкы* ‘лошади и т. п.’. Следует отметить, что в некоторых языках документировано относительно независимое употребление неточной копии Х’ в значении ‘ненастоящий Х’, например, турецк. *Mtassen* ‘кто-то вроде Стассена’ [Lewis 1967: 237]. Иконизм формы *Mtassen* (как и конструкции *Stassen-Mtassen*)

не прямой (т. е. не «образный»), а основан на соотношении исходной формы *Stassen* и искаженной *Mtassen* – а это и есть типичный пример «диаграммного» иконизма.

Автор считает, что иконическую интерпретацию можно распространить почти на все случаи редупликации за счет усложнения понятия «иконический» (с. 238). Анализ такой возможности представляется, однако, недостаточно доказательным. В существующей литературе не без оснований доминирует другой подход: предполагается, что иконичность является обязательным компонентом лишь некоторых разновидностей повторов, например, трипликации [Blust 2001], «синтаксических повторов» [Gil 2002], а для обычной редупликации иконичность опциональна. В частности, едва ли автор убедит читателей, что редупликация, образующая отглагольные имена в африканских языках, может быть понята как иконическая (в каком бы то ни было разумном смысле этого термина).

Наблюдения над функционированием и семантикой редупликации в конкретных языках можно назвать, без сомнения, самой сильной стороной книги. Их нет нужды пересказывать – полезнее обратиться к самой монографии. Правда, изложение наблюдений следует подчас не вполне ясному плану. Так, на с. 69–70 проводится классификация словообразовательных типов редупликации, однако в сжатом виде содержательные утверждения об этих типах в обследованных африканских языках делаются только на с. 191 (при описании редупликации в канури).

Очень любопытно детальное исследование того, какие животные и растения обычно обозначаются в африканских языках редуплицированными формами. Этому исследованию, пожалуй, недостает лишь этимологического комментария. Некоторые факты, уже присутствующие в собранном материале, можно было бы подчеркнуть: например, наличие некоторых фонетически сходных названий в ряде языков (*menemene* ~ *minimini* ‘муравей’ в бамана, догон и нупе, *tolotolo* ‘индюк’ в нупе и були, *fofo* ‘овраг, место эрозии’ в киси и бамана) при несовпадении большинства других редуплицированных лексем, общность которых наблюдается только на структурном уровне. Вероятно, некоторые понятия, потенциально (по выделенным семантическим признакам) обозначаемые редупликацией, имеют унаследованные передупликативные обозначения и поэтому не попадают в эту лексическую подсистему. Очевидно, что полноценному исследованию этой области препятствует нынешнее состояние этимологических исследований языков Западной Африки.

Таким образом, следует сказать, что монография Ф.И. Рожанского имеет как сильные, так и слабые стороны и, пожалуй, не вполне соответствует своему обобщающему названию: она скорее представляет собой коллекцию заметок о редупликации. Однако эти заметки очень интересны, и знакомство с этими данными представляется весьма желательным как для специалистов по общей морфологии, так и для исследователей конкретных языков, описывающих редупликацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дурново 1902 - *И.И. Дурново*. Мелкие заметки по русской диалектологии. 4. Еще о парных словах // *ЖМНП*. 1902. VI.
- Кайдаров 1958 - *А. Кайдаров*. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958.
- Кононов 1960 - *А.И. Кононов*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Мельчук 2000 - *И.А. Мельчук*. Курс общей морфологии. Т. III. М.; Вена, 2000.
- Сирк 2008 - *Ю.Х. Сирк*. Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.
- Якобсон 1979 - *Р. Якобсон*. Новейшая русская поэзия // *R. Jakobson. Selected writings. V. The Hague; Paris; New York, 1979* (ср. также издание, где был изъят фольклорный текст с нецензурным словом: *Р. Якобсон. Работы по поэтике*. М., 1987).
- Biese 1939 - *У.М. Biese*. Neuenglish tick-tack und Verwandtes // *Neuphilologische Mitteilungen*. V. 40. Helsinki, 1939.

B. Demiraj (Hrsg.). Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte, dem Gedenken an Martin Camaj (1925–1992) gewidmet. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. 598 S. (Albanische Forschungen 29)

В 1917 г. в своем обзоре истории изучения албанского языка крупнейший албанист первой половины XX века Норберт Йокль написал, что «албанский язык... остается до сих пор пасынком индоевропейского языкознания» [Jokl 1917: 109]. В 1972 г. во вступлении к очерку «Албанский язык», помещенному в один из томов серии «Современные направления в языкознании», Эрик Хэмп был вынужден констатировать, что и по прошествии пятидесяти пяти лет албанистика «все еще находится на той же самой позиции относительно других языков и специализаций, как ее определил Йокль...» [Hamp 1972: 1628]. Далее Хэмп перечисляет

- Blust 2001 - *R. Blust*. Thao Reduplication // *Oceanic linguistics*. 2002. V. 40. № 2.
- Broselow, McCarthy 1984 - *E. Broselow, J. McCarthy*. A theory of internal reduplication // *The linguistic review*. 1984. № 3.
- Gil 2002 - *D. Gil*. From repetition to reduplication in Riau Indonesian // *B. Hurch, V. Mattes (eds.)*. Studies on reduplication. Berlin; New York, 2005.
- Haiman 1985 - *J. Haiman*. Natural syntax. Iconicity and erosion. Cambridge, 1985.
- Hopper, Traugott 1993 - *P.J. Hopper, E.C. Traugott*. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Lewis 1967 - *G.L. Lewis*. Turkish grammar. Oxford, 1967.
- Marantz 1982 - *A. Marantz*. Re Reduplication // *LIn*. 1982. V. 13. № 3.
- Minkova 2002 - *D. Minkova*. Ablaut reduplication in English: the criss-crossing of prosody and verbal art // *English language and linguistics*. 2002. № 6.
- Thun 1963 - *N. Thun*. Reduplicative words in English. Uppsala, 1963.
- Udoh 2007 - *I.I. Udoh*. Fortition and reduplication in Leggbo ideophones // *Journal of African languages and linguistics*. 2007. № 28.
- Zarka 2005 - *D. el Zarka*. On the borderline of reduplication: Gemination and other consonant doubling in Arabic morphology // *B. Hurch, V. Mattes (eds.)*. Studies on reduplication. Berlin; New York, 2005.

Ф.Р. Минлос

Сведения об авторе:

Минлос Филипп Робертович
Институт славяноведения РАН
f.minlos@gmail.com

то, чего недостает албанскому языкознанию: современных словарей разных типов, научного грамматического описания, серьезных исследований, посвященных отдельным аспектам албанской грамматической системы, подробных диалектных описаний и др. Со времени публикации работы Хэмпна прошло еще почти сорок лет. Прогресс в развитии албанистики налицо. За этот период¹ увидели свет два этимологи-

¹ О развитии албанистики в 70-80-е годы см. содержательный очерк Р. Кёдерича [Ködderitzsch 1994].

ческих словаря [B. Demiraj 1997a; Orel 1998]², описательная грамматика очень высокого научного уровня [Buchholz, Fiedler 1987], две исторические грамматики [Sh. Demiraj 1985; Orel 2000], несколько изданий толкового словаря албанского языка, многочисленные диалектные описания (подробную библиографию работ по лингвистической албанистике см. в [Bibliographic linguistique]). Ценнейшим вкладом в развитие албанской диалектологии стал опубликованный совсем недавно «Диалектологический атлас албанского языка» [Gjinari et al. 2007–2009]. И вместе с тем надо признать, что и сейчас утверждение Йокля – Хэмпла остается в основе своей верным. Несомненно, из «больших» индоевропейских языков албанский является одним из наименее изученных. Это отражается прежде всего в малом количестве работ, посвященных собственно албанской грамматике³. К сожалению, в данной рецензии нет возможности остановиться подробно на причинах возникновения такой ситуации, упомяну лишь пагубный отрыв от мировой лингвистической традиции, в которой лингвистика в Албании пребывала с окончания Второй мировой войны (а до этого времени она практически еще и не существовала) до самого начала 90-х годов⁴.

Следствием подобной ситуации является сохранение албанистикой до определенной степени – характера комплексной филологической дисциплины. Ярким образцом такого комплексного подхода к албанистике является и рецензируемый сборник.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о персонаже, которому посвящена книга. Это Мартин Цамай (1925–1992) – одна из крупнейших фигур албанской культуры и гуманитарной науки столетия. Во всех сферах своего чрезвычайно многогранного творчества Цамай представляет собой явление индивидуальное и даже уникальное, и вместе с тем и в его судьбе, и в самом типе устройства его творческой личности есть что-то глубоко ти-

² Подробный многотомный этимологический словарь, над которым работал крупнейший албанский лингвист Э. Чабей, так и остался недописанным (см. [Çabej 1976–2006]).

³ Несколько лучше дело обстоит с использованием албанского материала в типологических исследованиях, особенно в том, что касается достаточно своеобразного устройства албанской именной группы (см. [Plank 1995; Kortjevskaja-Tamm 2003] и др.).

⁴ Нельзя не сказать в этой связи о тяжелом положении, в котором находились лингвисты Косова в 1980–1990-е годы.

пическое для албанской и, шире, балканской культуры.

Сын пастуха из Северной Албании Цамай успел получить хорошее первоначальное образование в знаменитой итальянской иезуитской гимназии в Шкодре. Надо заметить, что при всей широте репрессивных ударов установившегося в конце 1944 г. в Албании коммунистического режима именно католическое общество и католическая культура албанского севера стали объектом особенно яростного и последовательного уничтожения. В 1949 г. совсем еще молодому Мартину Цамаю удалось бежать в титовскую Югославию, уже переставшую быть другом и патроном Албании, но еще не повернувшуюся в сторону либерализации режима. Впрочем, и в 1949 г. он был несколько более либеральным, нежели в Албании. В Югославии Цамай учится в Белградском университете, завязывает тесные отношения с кругами албанской интеллигенции в Приштине и выпускает первые два сборника лирики. В 1956 г. Цамай переезжает в Рим, а в 1961 г. – в Мюнхен. В Баварии он проводит оставшуюся часть своей жизни в качестве преподавателя албанского языка, а затем руководителя кафедры албанской филологии. Самой своей жизнью Цамай как бы соединяет три разъединенные в силу исторических перипетий части албанской интеллигенции – культурные круги Албании, Косова и эмиграции.

Переходя к сфере творческих интересов Мартина Цамая, следует отметить прежде всего их чрезвычайную широту. Цамай является одним из выдающихся албанских поэтов и прозаиков второй половины двадцатого столетия, а для гегской (северноалбанской) языковой области, по всей видимости, крупнейшим. В то же время Цамай был серьезным лингвистом. В сферу его интересов входило в первую очередь описание итало-албанских диалектов (см. [Çamaj 1971; 1972; 1977; 1991]) и исследование ранних памятников албанской письменности [Çamaj 1960]. Цамай написал также монографию [Çamaj 1966], посвященную албанскому именному словообразованию, которое он рассматривает прежде всего с исторической точки зрения (здесь представлен, в частности, подробный очерк развития в албанском индоевропейского аблаута). Кроме того, Цамай опубликовал два учебника албанского языка [Çamaj 1969; 1984], второй из которых представляет собой уникальную попытку совместить изложение материала литературного албанского и основных албанских диалектов (гегского, тоскского и итало-албанского)⁵.

⁵ Албанский как совокупность диалектов делится на две основные части – гегскую

Подобное сочетание литературной и филологической (в данном случае – лингвистической) деятельности было весьма характерно для албанских просветителей второй половины XIX – начала XX века, эпохи, которую в албанской историографии принято называть Национальным возрождением. Однако Цамай был все же человеком иного времени. Его литературное творчество представляет собой, пожалуй, самое яркое воплощение модернизма в современной албанской литературе. В своей научной работе Цамай смог преодолеть провинциальную узость, свойственную даже лучшим из немногочисленных лингвистических работ албанских филологов довоенного времени (лишь иногда в его исследованиях встречаются отдельные последствия своего рода лингвистического автодидактизма). В целом его научная деятельность развивалась на скрещении традиций классической индосвропеистики и европейского структурализма (понимаемого в самом широком смысле слова).

Рецензируемый сборник в полной мере отражает широту научных интересов Мартина Цамая. В нем представлено тридцать две статьи неравного объема (от 5 до 66 страниц) на английском, немецком, французском, итальянском и албанском языках (албаноязычные статьи снабжены английским или немецким резюме). Книга содержит пять разделов: «Библиография» (три статьи, посвященные научной, литературной и педагогической деятельности Цамая, а также список его работ), «Литературоведение» (четыре статьи), «Языкознание» (четырнадцать статей), «Филология и история албанской письменности» (три статьи), «Этнография и история культуры» (семь статей). Сборник вышел в серии «Албанские исследования» (основанной известным историком-балканистом Георгом Штадтмюллером в первой половине 1960-х годов, а сейчас руководимой Петером Бартлем) и представляет собой ее двадцать девятый том. Издателем тома является один из крупнейших современных балканистов Бардюль Демирай – автор уже упоминавшегося этимологического словаря, монографии об албанских числительных [B. Demiraj 1997b], издатель ряда важных памятников староалбанской письменности.

(северноалбанскую) и тоскскую (южноалбанскую). Современный албанский литературный язык базируется в целом на тоскских диалектах, но с ограниченным включением некоторых гегских элементов. Итало-албанские диалекты представляют собой филиацию тоскских, но демонстрируют особое диалектное развитие (албанцы переселились в Южную Италию в основном в XV–XVI веках).

В дальнейшем изложении я буду касаться лишь работ, непосредственно посвященных лингвистической проблематике либо имеющих к ней прямое отношение.

Как и весь сборник в целом, лингвистический его раздел отражает, с одной стороны, научные интересы Цамая, а с другой – саму структуру современной албанистики. Центральное место занимают статьи, которые разрабатывают диалектологическо-историческую проблематику, понимаемую в самом широком смысле – от описания современного состояния отдельных албанских диалектов до компаративистских исследований. Для албанского – языка со сравнительно поздней письменной традицией (начинающейся с XV века) и не имеющего близких «генетических» родственников – диалектология является зачастую единственным ключом к восстановлению языковой истории. Албанский диалектный материал крайне важен и для балканского языкознания в целом.

Невзирая на значительный прогресс албанской диалектологии, албанский диалектный ландшафт – как в том, что касается основного албаноязычного ареала, так и в плане изучения разнообразных и интересных диалектов албанской диаспоры – отнюдь не может считаться полностью описанным. Выполненные в Албании в основном в 1960–1980-е годы диалектологические описания с точки зрения современного языкознания являются достаточно устаревшими.

Ряд диалектологических статей сборника посвящены описанию конкретных говоров. Статья Дж. Блушо и М. Дженесин «Тет и его говор. Лингвистические и культурологические наблюдения на основе полевого исследования» («Thethi e la sua parlata. Osservazioni di carattere linguistico e culturale dopo un'indagine sul campo», с. 140–198) представляет собой тщательное описание говора горного села Тет (Theth), расположенного на крайнем севере Албании. В статье содержится интересное этнографическое введение, раздел, в котором на основании анализа данных «Албанского диалектологического атласа» утверждается принадлежность рассматриваемого говора к северозападногегскому диалектному типу (при наличии и некоторых северовостоноггских диалектных черт, в частности специфических форм имперфекта), транскрипция текстов, записанных от одного информанта, подробный анализ фонетического строя говора (с использованием инструментального анализа) и более краткий обзор некоторых важных морфосинтаксических черт. Из наблюдений, существенных для реконструкции албанской языковой истории, отметим зафиксированный в тексте единичный случай употребления формы ло-

катива. Современная диалектологическая литература и, в частности, «Атлас» фиксируют северную границу распространения этой формы значительно южнее. Таким образом, мы можем увидеть в приведенном материале подтверждение идеи об имевшем место ранее более широком и, возможно, общеалбанском – распространении этой формы. Весьма ценна и представляет самостоятельный интерес завершающая статью библиография, посвященная «крайнему» северу Албании и включающая не только лингвистическую, но и историческую, этнографическую и даже ботаническую и геологическую литературу.

В статье Л. Юсуфи «Центральногегский языковой остров в тоскском языковом ареале вблизи Манастира» («Eine zentralghegische Sprachinsel im toskischen Sprachareal von Manastir», с. 282–300) рассматривается говор села Острец (Ostrec), расположенного к югу от македонского города Битоля (Манастир). Албанские говоры северо-западной части Македонии относятся к гегской части основного албаноязычного ареала, в юго-западной Македонии распространены тоскские говоры. Таким образом, диалект рассматриваемого села представляет собой яркий образец переселенческого говора. В статье достаточно подробно анализируются фонетические особенности говора (в частности, свойственные среднегегской диалектной зоне дифтонгизации). Морфосинтаксис не рассматривается, но из приведенного в приложении текста (251 фраза в транскрипции) можно получить определенное представление и о некоторых грамматических особенностях говора.

Л.Н. Каминская в статье «Некоторые особенности фонологической системы албанского говора села Георгиевка (Украина)» («Disa veçori të sistemit fonologjik të së folmes shqipe të fshatit Gjeorgjevka (Ukrainë)», с. 312–324) отмечает, в частности, те моменты в фонетике периферийного албанского говора, которые существенны для реконструкции албанской диалектной истории. Принадлежа «генетически» к севернотоскской диалектной зоне, этот идиом демонстрирует некоторые черты, отсутствующие в «исходном» регионе (например, смещение согласных /d/ и /t/, монофтонгизацию дифтонгов), но сближающие его, с одной стороны, с гегскими, а с другой – с южнотоскскими (ляберийскими и чамерийскими) говорами. Это может служить косвенным подтверждением высказанному в свое время А.В. Десницкой предположению о том, что особенности севернотоскского, отделяющие его от гегского, с одной стороны, и ляберийского и чамерийского – с другой, могут быть объяснены массовым переходом на албанский славян (а возможно,

и арумын. А. Р.), проживавших на севернотоскских территориях [Десницкая 1976]. Говоры, предки носителей которых покинули этот ареал до того, как произошел переход, продолжали развивать некоторые общеалбанские фонетические тенденции, тогда как в собственно севернотоскской зоне произошла их консервация, обусловленная языковым сдвигом.

В своей статье «Самоназвание албанцев Украины и некоторые особенности их этнического самосознания» («Etnonimi i shqiptarëve të Ukrainës dhe disa veçori të vetëdijes së tyre etnike», с. 580–585) А. Новик на основании анализа этого самоназвания (nga tanët, букв. 'из наших') подтверждает предположение о том, что предки украинских албанцев покинули основной албаноязычный ареал до XVIII в., т. е. до повсеместного распространения современного обозначения албанцев shqipëtar. Отнюдь не опровергая этот тезис, хочу отметить, что, согласно традиционным представлениям, миграция предков албанцев Украины с территории их «первоначального» проживания должна была произойти значительно раньше, в XV или XVI веках, то есть еще в эпоху распространения старого албанского этнонима, образованного от корня *arb-*. Вообще говоря, потеря старых этнонимов и замена их новыми у носителей островных диалектов – явление весьма обычное.

Тема языковых контактов так или иначе затрагивается и в трех следующих публикациях.

Классик албанского языкознания Ш. Демирай в статье «Нарта» («Narta», с. 566–573), привлекая разнообразные исторические источники (прежде всего материалы османских переписей, относящиеся к XVI веку), пытается восстановить этническую историю одноименного грекофонного села в Южной Албании. Антропонимические материалы, демонстрирующие как греческие, так и албанские имена, свидетельствуют о чрезвычайно длительной истории албанско-греческих языковых и этнических контактов в этом регионе.

Небольшая заметка В. Фридмана «Адмиративность и модальность в албанско-македонских языковых контактах» («Admirativity and modality in Albanian-Macedonian language contact», с. 277–281) добавляет новые штрихи к его исследованиям эвиденциальности на Балканах. В албанских диалектах Македонии в выражениях со значением «будь то X, будь то Y», «или X, или Y» вместо третьего лица опатива бытийного глагола (*qoftë...*, *qoftë...*), как в других албанских диалектах, употребляется третье лицо адмиратива того же глагола (*qenka...*, *qenka...*). Фридман остроумно объясняет это нестандартное развитие македонским влиянием: в македонском «перфектные» формы на -t

употребляются как в оптативной, так и в адмиративной функции. При этом в албанском адмиративные формы значительно более распространены, нежели реликтовые оптативные. Соответственно, отождествление адмиративных албанских форм с македонскими л-формами приводит к вытеснению оптатива из данной конструкции.

В статье Э. Прифти «Некоторые предварительные замечания об албанских языковых элементах в итальянских диалектах» («*Alcuni cenni sugli elementi albanesi nei dialetti italiani*», с. 375–383) делается попытка классифицировать сравнительно немногочисленные албанизмы, вошедшие в итальянские диалекты. Выделяются а) лексемы, вошедшие в отдельные итальянские диалекты из уже не существующих албанских говоров, подвергшихся языковому сдвигу; б) слова, вошедшие в отдельные итальянские диалекты из албанских говоров, находящихся с ними в непосредственном контакте, и в) албанизмы, получившие более широкое, междиалектное распространение.

К диалектологическим работам примыкает публикация В. Броя и Э. Глазера «Голоса прошлого: старейшие албанские звукозаписи 1907, 1914 и 1918 годов из венских и берлинских архивов» («*Stimmen der Vergangenheit: Die ältesten albanischen Tonaufzeichnungen von 1907, 1914 und 1918 aus Wiener und Berliner Archiven*», с. 199–230). Статья содержит транскрипции и первичный лингвистический анализ первых образцов звукозаписи албанской речи. Первый из них (длительностью около трех минут) был записан в 1907 г. Миланом Решетаром в Молизе (Италия), второй – Норбертом Йоклем в 1914 г. в Вене (около пяти минут, этот текст доступен в звуковом виде и приблизительной транскрипции на сайте известного специалиста по албанской литературе и переводчика Роберта Элси: <http://www.albanianlanguage.net/en/jokl.html>), причем информантом выступал албанец из Западной Македонии (в записи отражается такая характерная особенность среднегегских говоров, как дифтонгизация *i*). Обе записи хранятся в Венском Фонограм-архиве. Третья группа записей (около 12 минут) была сделана в рамках работы Прусской фонографической комиссии, осуществлявшей во время Первой мировой войны запись образцов речи военнопленных, содержащихся в немецких лагерях. В их числе были записаны голоса пленных итало-албанцев (также из Молизе). В отличие от первых двух текстов, транскрибированных в статье полностью, из этой группы записей приводится лишь небольшой отрывок.

Следующая группа статей объединяет работы, в которых на основании анализа диалектного материала и материала ранних письмен-

ных памятников рассматриваются конкретные проблемы албанской языковой истории.

Ф. Альтимари в статье «Следы старого инфинитива в итало-албанском» («*Traces d'infinitifs anciens dans l'albanais d'Italie*», с. 127–139) обращается к одному из интереснейших вопросов албанской языковой истории, существенному для балканистики в целом, – проблеме албанского инфинитива. Как известно, в гегской языковой зоне имеется аналитическая глагольная форма типа *te bë* 'делать', этимологически представляющая собой сочетание предлога со значением 'с' с причастием и употребляющаяся в инфинитивной функции (хотя в гегских говорах и идет перманентный процесс ее вытеснения финитной «конъюнктивной» конструкцией). В тоскских диалектах форма, аналогичная гегскому «инфинитиву», отсутствует, что является одним из аргументов в пользу приписывания тоскским диалектам более «балканизированного» характера по сравнению с гегскими. Вопрос, вызывающий многочисленные споры, заключается в том, присутствовал ли когда-нибудь инфинитив гегского типа и в тоскских диалектах (см. [Габинский 1970; 2008; Joseph 1983] и др.). Важную роль для решения этого вопроса должны иметь итало-албанские диалекты: оторвавшиеся от основного албаноязычного ареала не позже XV столетия тоскские по своему происхождению «арбрешские» диалекты Италии могут демонстрировать архаичные черты, не сохранившиеся в «материковых» тоскских диалектах, подвергавшихся массивной балканизации со стороны окружающих языков (греческого, арумунского и македонского). Основную часть статьи Альтимари составляет обзор употребления в старых арбрешских текстах XVI–XVIII веков форм, параллельных гегскому инфинитиву. От подобных списков, приведенных в работах М.А. Габинского ([Габинский 1970: 58–59], см. также [Габинский 2008: 231; Sh. Demiraj 1985: 96]), работу Альтимари отличает ограничение строгим хронологическим диапазоном и использование последних филологически выверенных изданий. Как представляется, приведенный материал действительно является дополнительным аргументом в пользу гипотезы об общепалканском характере «гегского» инфинитива⁶. Интересно, что в тек-

⁶ Надо отметить все же, что приводимые примеры инфинитива гегского типа в арбрешских текстах достаточно немногочисленны (к сожалению, в статье отсутствуют данные о количественном соотношении инфинитива и конъюнктива в исследованных памятниках), а в ряде памятников (прежде всего в старейшем из них «Катехизисе» Л. Матранги 1592 г.) от-

стах старых арбрешских памятников (а также в некоторых арбрешских говорах) присутствует и контаминированная инфинитивная конструкция типа *për të punue* 'работать' ('для' + 'с' + инфинитив), представленная в настоящее время в ряде северо-восточных гегских говоров [Gjinari et al. I: карта 319].

Статья С. Мансаку «К типологии и хронологии форм будущего времени в албанском» («Sur la typologie et la chronologie des formes du futur en albanais», с. 330–355) посвящена еще одному известному албанскому грамматическому балканизму образованию будущего времени. В статье приводится подробный обзор форм будущего времени, зафиксированных в албанском на протяжении его доступной языковой истории (употребление конъюнктива в функции футурума и различные более или менее грамматикализованные конструкции, использующие в качестве служебного элемента формы глаголов обладания или желания). Для балканистики наибольший интерес представляют проблемы, связанные с возникновением и распространением де-волитивного футурума. Традиционно считается, что будущее де-волитивного типа *do të shkruaj* 'буду писать' (FUT CONJ писать.IS.PRES) является (наряду с отсутствием инфинитива) одним из тех балканизмов, наличие которых отличает тоскский от гегского и делает первый более балканским. Исторически это, по всей видимости, действительно так. Надо отметить, однако, что распространение формы будущего времени, образованной с помощью частицы *do*, было мощной инновацией, идущей из тоскской области и достаточно рано захватившей южногегские, а затем и северногегские диалекты (см., например [Жугра 1976]).

А. Омари в своей статье «Архаические черты языка Богдани: явления, общие с южными диалектами» («Tirane arkaike në gjuhën e Bogdanit: përkime me të folmet e Jugut», с. 356–374) проводит подробный лингвистический анализ одного из наиболее значительных памятников албанского языка XVI столетия – теологического трактата «Отряд пророков» албанского епископа Пьетера Богдани. Следует отметить, что исследовательница подготовила и последнее научное издание этого текста. Богдани происходил из области Хас, зоны распространения современных северо-восточных гегских говоров, некоторые особенности которых находят свое отражение в его языке.

сутствуют вовсе. Таким образом, распространенная идея о том, что инфинитивные формы в арбрешских литературных текстах могут быть вторичными «гегизмами», не может быть полностью отброшена.

Чрезвычайно интересны приводимые исследовательницей параллели между языком Богдани и южноалбанскими (прежде всего ляберийскими и чамерийскими) говорами. Большая часть этих совпадений – архаизмы, что подтверждает, с одной стороны, представления о большом единстве албанского языка в XVI веке, а с другой – о сохранении многочисленных архаизмов в Ляберии и Чамерии. При этом А. Омари отмечает и ряд инноваций, что еще раз подтверждает высказанные выше (в связи со статьей Л.Н. Каминской) соображения об особом пути развития севернотоскских говоров, эти инновации не разделяющих.

Небольшая статья К. Топалы «Время возникновения албанских артиклей» («The age of Albanian articles», с. 384–388) содержит ряд аргументов, подтверждающих представления о том, что агглютинация постпозитивного определенного артикля должна была произойти в период «контактов албанского с латинским языком, не раньше IV, но не позже VI века н. э.».

Две работы посвящены более частным историческим проблемам. М. де Фаан в заметке «Староалбанские *krautyrë* и *nautyrë*» («Old Albanian *krautyrë* and *nautyrë*», с. 231–237) рассматривает два албанских романизма (означающие, соответственно, 'создание' и 'природа'), звуковая форма которых демонстрирует в ряде албанских памятников определенные отклонения от закономерного развития. Автор доказывает, что оба слова являются не латинизмами, а заимствованиями из далматинского (или из венецианского диалекта). Наличие дифтонга в первом слове остается, впрочем, не вполне проясненным.

Статья Р. Кёдерича «*Iuppiter Menzanas*» (с. 325–329) посвящена знаменитому мессапскому «конскому» божеству, имя которого имеет параллели, в частности, в алб. *mëz*, *máz* 'жеребенок'. В статье подробно рассматриваются этимологические связи этого палеобалканского слова (засвидетельствованного и во фракийских памятниках), имеющего, вероятно, параллели в кельтских языках (а оттуда заимствованного в латинский). В культурно-историческом плане автор, анализируя особенности ландшафта Балкан и связанных с ним способов хозяйствования, приходит к выводу о том, что первоначально этимон обозначал небольшую лошадь и что «*Menzanas* был изначально не "богом жеребят", а "богом небольших балканских лошадок"» (с. 329). Говоря о том, что в албанском практически не отражаются следы культа лошади, автор – в качестве возможного реликта данного культа – приводит албанскую народную сказку «Шамакадия», в которой младшая дочь короля выходит замуж за коня,

наделенного магической силой. Однако, как представляется, для того чтобы делать определенные выводы в этом направлении, необходимо сравнить албанскую сказку со сказками других народов, в которых также представлен встречающийся в восточном фольклоре мотив бракосочетания с конем (в частности, имеется турецкая сказка с подобным началом).

Самая большая по объему работа, опубликованная в рецензируемом сборнике, имеет общефилологическую направленность, однако содержит и ценный лингвистический материал. Статья Й. Матцингера «Албанский язык в эпоху Скандербега, часть 2: Письменная передача албанского с особым вниманием к Паулюсу Ангелусу и Гьону Бузуку» («Die albanische Sprache im Zeitalter Skanderbegs, Teil 2: Verschriftung des Albanischen mit Schwerpunkt auf Paulus Angelus und Gjon Buzuku», с. 421–486) представляет собой вторую часть монографии, посвященной самой ранней засвидетельствованной стадии истории албанского языка – языку памятников XV–XVI вв. Основное внимание автор уделяет графическим особенностям двух первых памятников албанского языка – совсем краткой формулы крещения епископа Паулюса Ангелуса (1462) и монументального «Служебника» Гьона Бузука (1555). Чрезвычайно интересны соображения о месте печатания «Служебника»: Матцингер доказывает, что это могла быть только Венеция. Из попутных, но весьма важных лингвистических замечаний следует отметить новое толкование одного из двух случаев употребления в тексте Бузука аналитической глагольной формы с частицей *do* как риторического вопроса, а не как футуральной формы: *A nukë do të pi kelqinë qi më ordhenoi ati* (Евангелие от Иоанна, 18: 11). Матцингер убедительно показывает, что в до-тридентской версии латинского оригинала «Служебника» (которой мог и должен был пользоваться Гьон Бузук) стоит: *Calicem quem dedit michi pater, non uis ut bibam illum*. Таким образом, албанский текст значит: «Не хочешь ли, чтобы я выпил чашу, что дал мне отец». В предшествующей албанистической традиции этот текст Бузука сопоставляли с «канонической» версией Вульгаты-Клементины (1592): *Calicem qui dedit mihi pater non bibam illum*. Соответственно, текст Бузука переводился как: «Чашу, что дал мне отец, (неужели) не выпью» (об этом месте см. также [Жугра 1976: 229]). Вышеприведенное суждение Матцингера хотя и не решает полностью вопрос о присутствии или отсутствии в тексте Бузука футуральных форм «тоскского» типа (у Бузука имеется еще один пример, который можно интерпретировать как содержащий подобную форму, см. [Fiedler 2004: 532]),

вносит чрезвычайно важное дополнение в эту дискуссию.

Филологический в широком смысле слова – характер имеет и статья редактора сборника Б. Демирая «Shqiptar – генерализация этнонима в XVIII столетии» («Shqiptar – The generalization of this ethnic name in the XVIII century», с. 533–565). В ней в широком историческом контексте рассматривается процесс замены старого албанского этнонима новым (см. выше раздел о статье А. Новика). По всей вероятности, процесс смены этнонима был связан с глубокими изменениями, произошедшими в албанском этносе в период османского господства (т. е. со второй половины XV столетия): многочисленными миграциями, глубокими социальными сдвигами (в частности, усилением клановой структуры в северной Албании), исламизацией значительной части албанского населения и «ориентализацией» культурной жизни. Как результат этих изменений мы можем констатировать своего рода «фрагментаризацию» албанского этноса, представлявшего в этот период набор разнообразных (этно-)социальных групп с различной – прежде всего религиозной – самоидентификацией. Появление нового этнонима *shqiptar* (< *shqiptoj* ‘говорить ясно’, ранее ‘понимать’) реакция на подобную фрагментаризацию (см. [B. Demiraj 2010]).

Две статьи сборника посвящены статусу и будущему албанского литературного языка – вопросу, привлекающему обостренное внимание албанских и косовских лингвистов в период после падения коммунистической диктатуры. Как и во многих странах Юго-Восточной Европы, в Албании вопрос о диалектной базе литературного языка имеет очень сильную идеологическую и политическую составляющую. После прихода к власти в 1944 г. коммунистическое правительство Албании стало уделять большое внимание вопросам языковой политики. Главным шагом на пути разработки этой политики стало решение о развитии литературного языка на южноалбанской – тоскской диалектной базе, хотя и с включением некоторых гегских элементов, лексических и, в меньшей степени, грамматических⁷. У перехода на тоскскую норму было много причин, некоторые из которых имели выраженный политический характер: коммунисты в основном опирались на юг Албании; на севере, особенно

⁷ До 1944 г. «официальной» базой литературного языка был южногегский говор города Эльбасана, но широко использовались и другие разновидности относительно кодифицированной письменной речи – тоскская и северногегская.

в Шкодре, были сосредоточены пользующиеся авторитетом идеологические силы, крайне враждебно относившиеся к новой власти, прежде всего католическое духовенство, игравшее большую роль в культурном развитии Албании в период между мировыми войнами. Но были и весомые лингвистические причины: определенные языковые компоненты тоскского диалекта устроены проще, чем соответствующие компоненты гегского. В тоскском (по крайней мере в большинстве его говоров) отсутствуют характерные для гегского противопоставления гласных по долготе и назализации, система глагольных времен в тоскском устроена проще, чем в гегском, и т. д. Начиная со второй половины 60-х годов гегские тексты (за исключением произведений писателей-классиков предшествующей эпохи и записей фольклора) перестали печататься.

Особая ситуация имела место в Косове. В первые послевоенные десятилетия там использовалась литературная норма, практически идентичная южногегской официальной норме, принятой до войны в Албании, и достаточно сильно отличающаяся от реальных восточногегских косовских диалектов. Такая ситуация поощрялась в те годы югославскими властями, стремившимися оторвать косовских албанцев от их собратьев из «титовского» государства. Впоследствии в короткий период либерализации (с 1966 по 1981 год) в качестве официальной языковой нормы была принята форма литературного языка, используемая в Албании. Она отстояла еще дальше от косовской языковой реальности, зато служила своего рода мостом через пропасть, разделявшую в то время косоваров и албанцев Албании.

После падения коммунизма в Албании и эмансипации Косова положение изменилось. Северноалбанские интеллектуалы стали говорить о необходимости пересмотра статуса албанского языка и развитии параллельно с ним гегского литературного стандарта. Аналогичные идеи бытуют и в Косове. Спектр высказываемых мнений и предложений очень широк.

В статье «Вопрос о литературном албанском языке в 2009 году» («The question of Standard Albanian in 2009», с. 391–420) Э. Дерхеми, опираясь на современные работы по социолингвистике и языковому планированию, рассматривает проблему современного положения литературного языка в Албании и Косове. Основным выводом автора заключается в том, что несмотря на то, что современный литературный язык является «лингвистическим и политическим продуктом, относящимся к коммунистической фазе истории Албании» (с. 415), он, тем не менее, представляет собой

«единственный общий функциональный язык, обслуживающий всех албанцев» (там же). Как таковой он нуждается не в замене, а в поддержке и развитии.

Заметка Р. Мемушая «Балканы: две модели языковой политики» («Ballkani: dy modele politikash gjuhësore», с. 487–495) носит несколько политизированный характер. Первая модель языковой политики, по мнению автора, характерна для славянских стран Балканского полуострова, где, как он пишет, «работали раньше и еще более ожесточенно работают сейчас над созданием барьеров между народами одного и того же происхождения» (с. 495), имеется в виду, с одной стороны, ситуация с образованием болгарского и македонского литературных языков, а с другой – современное положение с литературными языками в республиках бывшей Югославии. Напротив, в Румынии, Греции (несмотря на сложную диглосийную ситуацию) и Албании господствует тенденция к созданию единой языковой нормы. Языковую политику, связанную с первой ситуацией, автор оценивает как «контрпродуктивную и регрессивную» (с. 495). Следует заметить, однако, что во всех упомянутых случаях языковая политика лишь следует (возможно, иногда слишком слепо и рьяно) за политикой в собственном смысле слова.

Наконец, в сборнике напечатаны две статьи, рассматривающие албанский с синхронной точки зрения.

Автором первой из них, «Аблатив у Мартина Цамая» («Der Ablativ bei Martin Camaj», с. 238–276), является соавтор упоминавшейся выше превосходной грамматики современного албанского языка В. Фидлер. Raison d'être этой статьи многочисленные сложности, возникающие у исследователей при попытках последовательного и непротиворечивого описания албанской падежной системы, которая демонстрирует практически все виды проблем, которые могут быть присущи флективному языку: наличие «слабодифференцированных» (по терминологии А.А. Зализняка) падежных граммем, разные конфигурации кумуляции грамматических категорий для разных падежных словоформ, наличие в парадигме как чисто синтетических, так и аналитических форм (по крайней мере при некоторых подходах к описанию этой системы). Одним из падежей, статус которого вызывает трудности при грамматическом описании, является аблатив. Будучи не так давно (такое положение фиксируется еще в первых албанских письменных памятниках) полноценным падежом, аблатив демонстрировал в последующий период тенденцию к слиянию с генитивом-дателью (см. об этом [Boretzky 2000]). В настоящее время формаль-

но дифференцировать аблатив позволяет лишь особое окончание, факультативно употребляющееся в составе аблативной формы множественного числа неопределенного склонения. Статья Фидлера состоит из трех больших разделов. В первом анализируются теоретические взгляды Цама на формальные особенности и функционирование аблатива, высказанные им в его «Албанской грамматике» [Camaj 1984]. Второй раздел содержит анализ употребления аблативных форм в одном из произведений самого Цама – романе «Карпа». Оказывается, что спектр этих употреблений значительно шире, чем это предписывается «Албанской грамматикой». Третий наиболее интересный раздел содержит взгляды Фидлера на устройство албанской падежной парадигмы вообще и на место в ней аблатива в частности. Фидлер разрабатывает особую процедуру, согласно которой статус падежа (или «падежного варианта»); разница между этими понятиями выражена в статье недостаточно эксплицитно) определяется с помощью многошагового алгоритма, в котором учитываются как формальные моменты (наличие специальных окончаний), так и синтаксическая роль, которую может играть та или иная падежная форма (прежде всего ее способность употребляться в атрибутивных конструкциях и маркироваться при глаголе с помощью клитических местоименных элементов). В результате на выходе мы имеем падежную систему, состоящую из двенадцати членов (Glieder), четыре из которых соответствуют аблативу традиционной грамматики⁸. В данной рецензии не представляется возможным заняться подробным анализом идей Фидлера. Замечу только, что в целом его подход не кажется удачным: некоторые из выделяемых им «членов» падежной системы формально-морфологически вообще не отличаются друг от друга, что, как кажется, подрывает представления об устройстве морфологической категории.

Б. Кабаши в статье «Некоторые замечания о романе “Круги” Мартина Цама» («Einige Notizen über den Roman *Rrathë* von Martin Camaj», с. 301–311) приводит результаты статистической обработки текста самого значительного романа Мартина Цама. Даны сведения о частотности словоформ (token frequency и type frequency) в зависимости от их длины в графемах, а также о частотном распределении

⁸ Фидлер иллюстрирует свою теорию с помощью таблицы, которая, к сожалению, является практически нечитаемой по полиграфическим причинам. Публикация [Fiedler 2008], где автор более подробно излагает свои взгляды, написана по-албански.

предложений в зависимости от их длины в словоформах.

Итак, можно констатировать, что рецензируемый сборник достаточно полно отражает современное состояние албанистики как лингвистической дисциплины. По-прежнему это наука, в большей степени ориентирующаяся на историческое изучение языка, нежели на его синхронное или типологически ориентированное описание.

Практически все опубликованные работы представляют читателю либо новый, неизвестный до этого науке материал, либо свежие и оригинальные научные интерпретации (а иногда и то и другое). Ряд статей, напечатанных в рецензируемом томе, значительно продвигают соответствующие исследовательские области. Я имею в виду в первую очередь работы Й. Матцингера и Б. Демирая. Вне всякого сомнения, мимо этого сборника не сможет пройти ни один исследователь, занимающийся албанистическими или – шире – балканистическими проблемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габинский 1970 – М.А. Габинский. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970.
- Габинский 2008 – М.А. Габинский. Балканский инфинитив очередной этап дискуссии. Антикритический обзор. Кишинев, 2008.
- Десницкая 1976 – А.В. Десницкая. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов) // В.Д. Королюк (ред.). Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- Жугра 1976 – А.В. Жугра. О происхождении албанского футурума тоскского типа // А.В. Десницкая (отв. ред.). Грамматический строй балканских языков. Л., 1976.
- Bibliographie linguistique Bibliographie linguistique. Leiden, 1949 .
- Boretzky 2000 – N. Boretzky. Natürlicher morphologischer Wandel: Der Rückzug des Ablativ im Albanischen // A. Bittner et al. (Hrsg.). Angemessene Strukturen: Systemorganisation in Phonologie, Morphologie und Syntax. Hildesheim, 2000.
- Buchholz, Fiedler 1986 – O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig, 1976.
- Camaj 1960 – M. Camaj. Il «Missale di Gjon Buzuku». Contributti linguistici allo studio della genesi. Roma, 1960.
- Camaj 1966 – M. Camaj. Albanische Wortbildung. Die Bildungsweise der älteren Nomina.

- Wiesbaden, 1966. (Albanische Forschungen 6.)
- Camaj 1969 – M. Camaj. Lehrbuch der albanischen Sprache. Wiesbaden, 1969.
- Camaj 1971 – M. Camaj. La parlata albanese di Greci in provincia di Avellino. Firenze, 1971.
- Camaj 1972 – M. Camaj. Racconti popolari di Greci (Katundi) in provincia di Avellino e di Barile (Barili) in provincia di Potenza. Roma, 1972.
- Camaj 1977 – M. Camaj. Die albanische Mundart von Falconara albanese in der Provinz Cosenza. München, 1977. (Albanische Forschungen 16.)
- Camaj 1984 – M. Camaj. Albanian grammar with exercises, chrestomathy and glossaries. Collaborated on and translated by Leonard Fox. Wiesbaden, 1984.
- Camaj 1991 – M. Camaj. La parlata arbëreshe di San Costantino Albanese in provincia di Potenza. Rende, 1991.
- Çabej 1976 2006 – E. Çabej. Studime etimologjike në fushë të shqipes. V. 1–4, 6 7. Tiranë, 1976 2006.
- B. Demiraj 1997a – B. Demiraj. Albanische Etymologien: Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz. Amsterdam; Atlanta, 1997. (Leiden studies in Indo-European 7.)
- B. Demiraj 1997b – B. Demiraj. Sistemi i numërimit të gjuhës shqipe: Vështrim diakronik. Tiranë, 1997.
- B. Demiraj 2010 – B. Demiraj. Albanian – Shqiptar. Tiranë, 2010.
- Sh. Demiraj 1985 – Sh. Demiraj. Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë, 1985.
- Fiedler 2004 – W. Fiedler. Das albanische Verbalsystem in der Sprache des Gjon Buzuku (1555). Prishtinë, 2004.
- Fiedler 2008 – W. Fiedler. Disa mendime rreth sistemit rasor të gjuhës shqipe // Studime filologjike shqiptare. Prishtinë, 2008.
- Gjinari et al. 2007 2009 – J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. V. I, II. Napoli, 2007 2009.
- Hamp 1972 – E. Hamp. Albanian // Th.A. Sebeok (ed.). Current trends in linguistics. V. 9. Linguistics in Western Europe. The Hague, 1972.
- Jokl 1917 – N. Jokl. Albanish // W. Streitberg (Hrsg.). Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft II. Bd. 3. Strassburg, 1917.
- Joseph 1983 – B. Joseph. The synchrony and diachrony of the Balkan infinitive: A study in areal, general, and historical linguistics. Cambridge, 1983.
- Ködderitzsch 1994 – R. Ködderitzsch. Albanische Forschungen (speziell ab 1968) // Kratylus. 1994. Bd. 39.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 – M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). Noun phrase structure in the languages of Europe. Berlin, 2003.
- Orel 1998 – V. Orel. Albanian etymological dictionary. Leiden, 1998.
- Orel 2000 – V. Orel. A concise historical grammar of the Albanian language: Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden, 2000.
- Plank 1995 – F. Plank. Double case. Agreement by Suffixaufnahme. Oxford, 1995.

A.Ю. Русаков

Сведения об авторе:

Александр Юрьевич Русаков
СПбГУ / ИЛИ РАН
ayurusakov@gmail.com

Новый большой немецко-русский словарь в трех томах. Около 500 000 лексических единиц / Под общ. рук. Д.О. Добровольского. Т. I. А–F. 1023 с. 2008 г. Т. II. G–Q. 1279 с. 2010 г. Т. III. R–Z. 1263 с. 2010 г. М.: АСТ.

Публикация «Нового большого немецко-русского словаря в трех томах» стала заметным событием в отечественной лексикографии первого десятилетия XXI века. В его создании воплотились результаты интенсивных усилий ведущих специалистов в области лексикографической теории и практики как в нашей стране, так и за рубежом, а также новые подходы к разработке двуязычной лексикографии, ее целей и задач на современном этапе развития лексиконов национальных языков [Апресян 1993: 6–17; Scharnhorst 2004].

В современной «словарной индустрии» (Л.П. Крысин), которая отличается обилием и

жанровым многообразием продукции, двуязычные словари представляют собой скорее традиционный тип лексикографических изданий, чем инновационный: они обращены к широкому кругу пользователей, имеют прикладное назначение и содержат оперативные данные для решения разнообразных задач. Авторитетные двуязычные переводные словари являются существенной частью национального корпуса источников лексикографической информации; в них наиболее полно отражается как историческая преемственность, так и новаторство в лексикографической практике отображения

межъязыковых соответствий на уровне слов [Теория 2008].

Изданный в «бумажном» варианте, Новый большой немецко-русский словарь в трех томах отличается от электронных словарей как нового вида лексикографической продукции глубокой разработкой теоретической концепции и высокой степенью надежности представленной в нем разнообразной системной информации о единицах лексикона современного немецкого языка и его русскоязычных соответствиях.

Новый Словарь включает около 500 000 лексических единиц. Тем самым он оказывается самым крупным по объему из всех имеющихся отечественных словарей подобного типа. Но это далеко не единственное преимущество Нового Словаря, выполненного под руководством профессора, доктора филологических наук Д.О. Добровольского авторским коллективом в составе почти 30 человек (среди них как российские германисты, так и немецкие и австрийские слависты): в отечественной лексикографии отсутствуют аналоги, которые обладали бы столь же большим набором ценных качеств, а также научных и прикладных достоинств, которые отвечали бы современным критериям представления обширной лексикографической информации.

Но таким критериям, как **надежность** лексикографической информации и **насыщенность** словарных статей разнообразными сведениями о слове, **адекватность** отражения современного состояния немецкого языка и русского в его реальном функционировании, **точность** и **полнота** представления словарных единиц разных разрядов, **дружественность** по отношению к пользователю, Новый Словарь в полной мере отвечает современным запросам, включая изучение немецкого языка как иностранного, а также переводческую и иную межкультурную деятельность специалистов в разных областях знания. Новый Словарь, который создавался в течение многих лет, разрабатывался именно с этих позиций, и теперь он надежно заполняет возникшую в двуязычной лексикографии лауну, связанную с отставанием лексикографической практики от стремительного обновления лексикона в условиях современного мира с его общественно-политическими преобразованиями и активизацией процессов в культуре, коммуникации и других сферах. Масштабы этих изменений и их влияния на язык таковы, что ни существующие большие двуязычные словари, ни словари малого объема, которые в последние годы представлены на словарном рынке множеством вариантов, но не вполне отвечают критериям высокого лексикографического качества, не в состоянии предложить адекватную

информацию, соответствующую реалиям нового времени и потребностям русскоязычных пользователей, которые ожидают от Словаря точных, надежных и исчерпывающих сведений о немецких словах и их переводах на русский язык.

Новый Словарь содержит довольно большой объем актуальной лексикографической информации из разных сфер современной жизни. Важность и своевременность этих сведений очевидна: авторы фиксируют развитие новых значений у слов, которые стали знаковыми в результате фундаментальных преобразований в разных областях современного мира. Однако эта информация представляется для некоторых случаев неполной. Так, одно из ключевых слов нового времени существительное *Wende* 'поворот' вошло в Новый Словарь с пометой *историческое* и толкуется как слово, имеющее в новейшей истории связь с «политическими событиями в ГДР конца 80-х гг., приведших к объединению Германии».

Другим характерным примером отражения в Словаре изменений в социально-политической ситуации в Германии может служить смысловая пара слов *Ossi* и *Wessi* как разговорное, стилистически маркированное обозначение жителей восточной и западной частей современной Германии.

В Новом Словаре существенно расширены статьи с вводными компонентами *Medien-*, *Wirtschaft-*, *Auto-* и др., которые входят в состав актуальных в современном немецком языке композитов, не регистрировавшихся в словарях ранее. Приводимые авторами русские соответствия для немецкоязычных композитов отличаются точностью передачи содержания и могут квалифицироваться как нормативные для переводческих целей – *Medienereignis* «сенсационная передача, сенсационная статья», *Medienlandschaft* «совокупность средств массовой информации (в их разнообразии)» и т. д.

Особого внимания и комментария заслуживает то обстоятельство, что Новый Словарь создавался на базе Большого немецко-русского словаря, разработанного под руководством О.И. Москальской, первое издание которого появилось в 1969 году и отражало состояние немецкого языка, а также знания и представления о нем на момент существования на территории Германии двух государств с разными экономическими, политическими и идеологическими системами. Кроме того, факты национального варьирования немецкого языка (в Австрии и Швейцарии) входили в Большой Словарь в очень ограниченном объеме. Как уникальный лексикографический источник прежней эпохи Большой Словарь О.И. Москальской принадле-

жит своему времени и уже представляет собой определенную историческую ценность, которая отчетливо осознается профессионалами в области немецкого языка.

Новый Словарь – это по существу совершенно самостоятельный лексикографический продукт, а не частично обновленное переиздание указанного словаря. Вместе с тем для поддержания преемственности авторы Нового Словаря сохранили общие лексикографические принципы, положенные в основу Большого Словаря О.И. Москальской. Такая «консервативная» позиция авторов заслуживает признания и понимания, поскольку позволяет сохранить с перспективой на будущее лучшие традиции отечественной двуязычной лексикографии, отражающей национальный опыт работы с немецкоязычным лексиконом и учитывающей потребности русскоязычных пользователей в содержании и объеме лексикографической информации, что, несомненно, имеет большое значение для успешного осуществления разных видов межъязыковой деятельности.

При сохранении прежней общей схемы словарной статьи Новый Словарь создавался в современном лексикографическом формате, для которого исполнители разработали единые принципы представления словарной информации. Структура словарной статьи в общем случае содержит несколько зон: заглавное слово, этимологическую характеристику и фонетическую транскрипцию (для иностранных слов), грамматические сведения, пометы, указывающие на область употребления слова, его стилистическую и социальную принадлежность, его временные и дискурсивные свойства, перевод, комментарий, примеры употребления, грамматическую фразеологию. Принципы выделения зон и их содержания представлены в обширной вводной части, которая предваряет каждый из трех томов Словаря. Ее материалы представляют собой нетривиальное, возникшее из конкретной словарной практики теоретическое обоснование системной, эксплицитной и непротиворечивой обработки данных немецкого и русского языков в формате полного общего переводного словаря. Авторам удалось преодолеть по целому ряду позиций сложившуюся ранее традицию формальной организации, что выводит двуязычную лексикографию на решение конкретных задач, связанных с адекватным словарным представлением двух языков в системно-сопоставительном плане. Своими новаторскими разработками некоторых аспектов словарной информации Новый Словарь, несомненно, содействует созданию общей теории двуязычной лексикографии, принципы которой могут быть пригодны для лексикогра-

фического представления любой пары языков [Belentschikow 2005].

Вводная часть, содержащая много разделов и довольно большой объем разнообразных сведений из области грамматики, может показаться излишне насыщенной лингвистическими проблемами и в отдельных моментах избыточной для массового пользователя. Для профессионалов же она представляет безусловную научную ценность, поскольку раскрывает довольно сложные, неизменно дискуссионные и весьма уязвимые моменты в немецко-русской лексикографической теории и практике. Особое внимание создатели Нового Словаря уделяют проблемам выбора и фиксации нерегулярных языковых образований – несвободной сочетаемости и идиоматики, в том числе и грамматической фразеологии, которая как особая категория впервые введена в двуязычный немецко-русский словарь для более четкого структурирования материала. Тем самым Новый Словарь содержит довольно значительные пласты грамматически релевантной информации, выделенной в отдельной зоне. При этом Новый Словарь заметно пополнился содержательными комментариями к единицам, отличающимся полифункциональностью, значение которых зависит от контекста, а также от просодических условий, создающих коммуникативную вариативность (например, *ja* <...> II *prtc* <...> 2. *prtc mod* (указывает на то, что обсуждаемое положение дел уже известно слушающему; не несет фразового ударения) *ведь, же; das glaubst du ja selbst nicht* ты ведь и сам не веришь этому). В отдельную морфосинтаксическую категорию выделяются и слова-предложения типа *ja, nein, bitte*, которые иллюстрируются контекстами их живого употребления.

В отличие от Большого Словаря О.И. Москальской в Новом Словаре самостоятельные входы образуют претеритальные формы сильных глаголов с указанием инфинитива, что для немецкого языка является принципиально важным моментом и существенно сокращает путь к необходимой информации. Вместе с тем в Новом Словаре, видимо, из соображений экономии места, сокращена важная грамматическая информация при сложных существительных на входе: приводится только род существительного, например, *Rückschlag m*, и не указывается форма множественного числа и родительного падежа. Это создает некоторое неудобство в пользовании словарем и удлиняет путь к информации. В то же время в Новом Словаре удачно решена проблема ввода сложных слов относительно вторых частотных элементов: *~muffel, ~müde*. Информация, которая полностью отсутствовала в Большом Словаре, дается для таких единиц в виде довольно

краткого комментария, но и этих сведений достаточно для полноценного перевода сложных слов по предлагаемым образцам, отражающим единицы живого лексикона.

Существенной новацией в Новом Словаре является введение в описание некоторых новых для немецко-русской лексикографии категорий и субкатегорий. Это касается прежде всего немецких частиц, довольно большого и очень разнородного класса слов, которые обеспечивают коммуникацию и вносят в нее важные нюансы, не имеющие прямых соответствий в русском языке. Данный класс слов вызывает очевидные трудности лексикографического представления. Нетривиальным выходом оказывается разграничение слов на модальные, дискурсивные и фокусирующие, что оформляется соответствующими пометами. Однако эта информация оказывается доступной для понимания лишь лингвистически образованными пользователями. Вместе с тем приводимые примеры употребления частиц в разных контекстах столь удачно подобраны и переведены, что трудности освоения этой информации пользователем заметно снижаются.

Рецензируемый Новый Словарь по целому ряду параметров существенно отличается от Большого Словаря О.И. Москальской. Авторами проделана колоссальная аналитическая работа по оценке адекватности лексикографической информации Большого Словаря современному состоянию лексической базы немецкого языка. Почти каждая словарная статья подверглась в Новом Словаре пересмотру в том или ином аспекте: в сторону сокращения информации о слове (правда, в отдельных случаях не всегда оправданной), ее уточнения, расширения, перегруппировки порядка следования значений слова, обновления иллюстративного материала, актуализации слова в формате разговорной речи, дополнения данными из австрийского и швейцарского вариантов немецкого языка и т. д. Из словника исключены (или помечены как таковые) устаревшие и неупотребительные слова, а также устаревшие значения слов и устаревшие словосочетания. Существенное внимание авторы словаря уделяют устаревшим политическим реалиям, особенно бывшей ГДР. Пометами и/или комментариями снабжены реалии, связанные с интеграционными процессами в современной Европе (например, обозначения национальных валют, перешедших с 2002 г. в разряд историзмов). Наряду с этим в Новом Словаре представлены элементы современной жаргонной политической лексики: *rechtslastig с правым уклоном*, *Rechtsdrall правые тенденции* и т. д.

Обновление словарных статей не стало в словаре тотальным; некоторые словарные

статьи сохранены без всяких изменений (например, для глагола *rechnen*). При этом в некоторых словарных статьях, сохранившихся в прежнем виде, явно не хватает уточнений в форме комментария, например, для активно используемого в современном немецком языке слова *Studie* уместным был бы при переводе на русский язык комментарий: «небольшая исследовательская работа с конкретными результатами». Существительное *Recherche* также активизировалось в современном немецком языке и требует уточнения в переводе: не только «розыск, поиск», но и «поисковое исследование».

Система помет в Новом Словаре многообразно дифференцирована: по стиливым регистрам, специальным областям, по отношению к дискурсивным, временным и территориальным характеристикам; введены дополнительные пометы, например, 'информатика', 'рекламное дело' и др., что связано с расширением лексикона в этих активных средах. В Новом Словаре введена помета *книжное*, которая частично совпадает с немецкой пометой *bildungssprachlich* ('слово из лексики, характерной для хорошо образованных носителей немецкого языка'), но помета *книжное* имеет в Новом Словаре более широкое применение, чем соответствующая помета в Толковых словарях немецкого языка. Данное нововведение служит важным ориентиром для пользователей и отражает высокий уровень расслоения лексики, свойственный современному стандарту немецкого языка. Существенным представляется и то обстоятельство, что информация о слове, передаваемая с помощью помет, значительно чаще вводится в Новом Словаре по сравнению с Большим Словарем. Многие слова получили уточнение в плане их принадлежности к разговорному языку; слов и выражений с этой пометой оказалось существенно больше, чем в Большом Словаре; данная помета дается нередко в сочетании с дискурсивной характеристикой – неодобрительное, жаргонное, шутовское и т. д.: *Halsabschneider разг. неодобр.* «ростовщик, живодер, обдирала».

Существенно расширена также информация о национально маркированных компонентах словарного состава немецкого языка. Особенно полно представлена австрийская ветвь в общенемецком лексиконе, а также швейцарская. Эта информация очень полезна и актуальна, внимание к ней особенно усилилось в связи с недавним изданием фундаментального лексикографического труда, отражающего лексический стандарт национальных вариантов немецкого языка [Variantenwörterbuch 2005]. Немаловажным аргументом в пользу расширения в Новом Словаре этой информации яв-

ляется ее ценность для целей обучения современному немецкому языку в его национальных разновидностях.

Сравнение материалов Большого Словаря с Новым Словарем на предмет различий между ними является само по себе увлекательным познавательным занятием, имеющим глубокий лингвистический смысл для понимания не только того, какие изменения произошли с отдельными словами по сравнению с состоянием языка на момент создания Большого Словаря О.И. Москальской, но и какой информацией о слове может быть пополнена словарная статья в результате применения современных методик категоризации значений лексических, синтаксических, коммуникативных и т. д.

Различия между словарями, на первый взгляд, имеют довольно стихийный, интуитивный характер. Однако в целом изменения в словарных статьях подчинены некоторым системным принципам: словарные статьи пересматриваются сообразно современным представлениям о значении и употреблении слова, и ощущается отчетливое стремление авторов усилить отдельные аспекты словарных данных, прежде всего за счет разного рода уточняющих комментариев к слову, введения разговорных употреблений с данным словом, а также указаний на территориальную или национальную специфику слова и его использования: *geh prtc disc* ю.-нем., австр.разг. 1. да ладно; да брось (ты) (выражение удивления, сомнения); ~, *das soll ich glauben?* и что же, я должен в это поверить? 2. (ну) давай!; ~ *erzähl schon!* ну давай, рассказывай [выкладывай]! Важным свойством Нового Словаря является то, что он содержит большой пласт выражений из разговорного языка, которые отражают элементы современного немецкоязычного коммуникативного пространства в его живом функционировании.

Расширены и обновлены за счет актуальных образований гнезда, включающие сложные слова с одним и тем же конститuentом, например, с существительным *Gehalt*, которое дает в современном немецком языке много новых сложных слов, относящихся к номинациям в сфере заработной платы: *Gehaltsabrechnung*, ~*abzug*, ~*anspruch*, ~*aufbesserung*, ~*auszahlung*, ~*bescheinigung*, ~*empfänger*, ~*erhöhung*, ~*exekution*, ~*forderung*, ~*gruppe*, ~*konto*, ~*kürzung*, ~*nachzahlung*, ~*ordnung*, ~*pfändung*, ~*stelle*, ~*streifen*, ~*stufe*, ~*tag*, ~*vorrückung*, ~*vorschuß*, ~*vorstellung*, ~*wunsch*, ~*zahlung*, ~*zulage* (2, 123). По сравнению с Большим Словарем О.И. Москальской количество слов не просто увеличилось численно за счет включения новых образований (с 19 до 26, новые образования выделены нами. - Н.Б.), но произошло изъятие из списка ряда сложных слов с

основой *Gehalt*, ставших неупотребительными, например, с такими элементами, как: ~*gefälle*, ~*satz*, ~*tüte*, ~*zuschlag*.

Многие новации Словаря представляются очень существенными, и хотя они остаются для широкого круга пользователей не вполне заметными, но их прикладное значение для успешного использования словарных материалов бесспорно. Очевидное преимущество Словаря в том, что он как практическое воплощение общих лексикографических принципов и приемов опирается на детально разработанную систему критериев для оптимального представления информации о свойствах немецкого языка, которая лежит за пределами зоны значения слов, но содержит знания о его базовых категориях, необходимых для адекватной характеристики единиц лексикона [Добровольский, Шарандин 2003].

В современном ключе более обоснованно и последовательно решаются в Новом Словаре практические вопросы полисемии слова для целей двуязычной лексикографии [Добровольский, Шарандин 2006]. В связи с этим структура некоторых словарных статей подверглась изменению, нередко в сторону большей дифференциации значений слова, которые представлены в наиболее типичных для современного немецкого языка контекстах. Вместе с тем для некоторых наиболее трудных слов переводческие «подсказки» возводятся в ранг самостоятельных значений слов, что представляется несколько преждевременным, ср. для существительного *Schwerpunkt* значение 'специализация'.

С применением четких критериев расширена и систематизирована информация о местоименных наречиях как особом субклассе слов немецкого языка (*davon*, *heraus*, *worauf* и т. д.). Для перевода этих образований как самостоятельных слов (*hin*) или элементов целого (*hinlegen*) в словаре выработана специальная методика, которая делает описание этого сложного участка лексики и грамматики немецкого языка в целом доступным для пользователей, но предполагает наличие у них некоторого запаса лингвистических знаний для понимания довольно содержательных комментариев относительно категориальных особенностей местоименных наречий.

Особая область лексикографирования в немецко-русском словаре — это слой включаемой в него англоязычной лексики. Количество слов англоязычного происхождения в Новом Словаре существенно увеличено — прежде всего за счет заимствований из разных сфер знания: *Download* (скачивание), *downloaden* (скачивать из Интернета), *Research* (исследование общественного мнения), *Digest* (дайджест, краткое

изложение, резюме), *Recycling* (вторичная переработка отходов), *recyceln* (утилизировать), *Recall* (перезагрузка), *Rebooten* (перезагрузка) и др. Вместе с тем критерии отбора слов английского происхождения представляются не вполне ясными, что объяснимо, ведь эта область лексикона находится в стадии постоянных преобразований, и даже словарь большого объема не может в полной мере отразить развитие нового ресурса современного немецкого языка. Данный аспект немецко-русской лексикографии будет, по всей видимости, разрабатываться дополнительно, и новые данные наряду с другими материалами будут по мере необходимости включаться в корпус Нового Словаря, который существует также в электронной версии, что значительно меняет сам модус существования фундаментального лексикографического труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1993 – Ю.Д. *Апресян*. Лексикографическая концепция Нового Большого англо-русского словаря // Новый Большой англо-русский словарь в 3-х т. М., 1993.

Добровольский, Шарандин 2003 – Д.О. *Добровольский*, А.В. *Шарандин*. Специфика лексикографического формата для общих двуязычных словарей (на примере «Нового большого немецко-русского словаря») // Ю.А. Сорокин, М.Р. Желтухина (ред.). *Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: Сб. научн. трудов*. М., 2003.

Добровольский, Шарандин 2006 – Д.О. *Добровольский*, А.В. *Шарандин*. Полисемия – артефакт лингвистического описания? (глаголы широкой семантики в двуязычном словаре) // В.Н. Скворцов (ред.). *Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки. Материалы конференции*. СПб., 2006.

Теория 2008 Теория и история славянской лексикографии. Научные материалы к XIV съезду славистов. М., 2008.

Belentschikow 2006 R. *Belentschikow* (Hrsg.). *Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern*. Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18.–22.05.2005. Frankfurt am Main, 2006. (–Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen, Bd. 13.)

Scharnhorst 2004 – J. *Scharnhorst* (Hrsg.). *Sprachkultur und Lexikographie*. Frankfurt am Main etc., 2004.

Variantenwörterbuch 2005 U. *Ammon*, H. *Bickel*, J. *Ehner* u.a. (Hrsg.). *Variantenwörterbuch des Deutschen*. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Lichtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin; New York, 2005.

Н.С. Бабенко

Сведения об авторе:

Наталья Сергеевна Бабенко
Институт языкознания РАН
babenkons(a)yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

VI Международная научная конференция «Фонетика сегодня»

7-10 октября 2010 г. в пансионате РАН «Звенигородский» прошла Международная научная конференция «Фонетика сегодня», проводимая Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН уже в шестой раз. На двух пленарных и шести секционных заседаниях было представлено и обсуждено более 60 докладов, прочитанных учеными представителями разных стран мира: Великобритании, Греции, Казахстана, Нидерландов, России, Франции. Конференция дала возможность научного общения фонетистам разных научных школ и поколений.

Первое пленарное заседание открыл доклад А.В. Венцова (Санкт-Петербург), в котором предлагается строить правила акцентной разметки корпусов устной речи с учетом физиологии речесоборазования. Так, по мнению А.В. Венцова, показателями просодического выделения следует считать не любые изменения частоты основного тона в речевом сигнале, а только происходящие на участках гласных и носовых сонантов, произнесение которых не сопровождается заметным повышением внутриротового давления.

Н.Д. Светозарова (Санкт-Петербург) в своем докладе «Фонетические особенности русских антропонимов» обращает внимание на расширение возможностей фонетического оформления личных наименований, связывая это с их высокой частотностью в устной речи, клишированностью и употреблением в различных интонационных контурах.

В докладе С.А. Мызникова (Санкт-Петербург) рассматриваются рефлексы прибалтийско-финской фонемы [h] в начале слова в севернорусских говорах. На взгляд автора, при анализе материала финно-угорского происхождения уместнее говорить не о фонетической

субституции, а об адаптации фонетически исконных моделей после перехода в славянскую речь.

А.М. Красовицкий (Великобритания) представил в своем докладе «Развитие нейтрализации гласных в севернорусском говоре» одну из возможных моделей перехода от полного различия к полному неразличию фонем /a/ и /o/ в безударных слогах на материале говора деревни Сафоново Мезенского района Архангельской области. В этом говоре наблюдается фонологическая перестройка, связанная со сменой моделей редукции.

В докладе А.А. Соколянского (Магадан) предпринята попытка объяснить нейтрализации русского вокализма через призму синтагмо-фонологии. Автор связывает понятия синтагмо-фонемы, которая получает свою характеристику в той позиции, в которой она функционирует, и архифонемы, через которую выявляется связь между разными позициями.

Особый ракурс зрения, избранный С. Гжибовским (Польша), взгляд на русскую фонетику сквозь польское «зеркало», позволяет сделать наблюдения, которые незаметны при одностороннем внутреннем анализе. Так, автор отмечает в русской речи наличие носового среднеязычного глайда, подтверждает дифтонгоидный характер русского ударного [o] и обращает внимание на особенности русского ударения.

На секции «Сегментная фонетика» было зачитано семь докладов. А.Д. Андреева (Москва) показывает в своем выступлении роль вокализма как конкретизатора функций клитических частиц. Е.Л. Арзиани (Москва) с позиций многофакторного анализа рассматривает особенности реализации фонемы /j/. Е.С. Скачедубова (Москва) исследует за-

кономерности распределения гласных звуков в приставке *вы-* во втором предударном слоге в словах с одним корнем. Новизной проблематики отличается доклад Е.М. Б о л ы ч е в о й (Москва), предложившей классификацию фонетических анекдотов, в основе которой лежит принцип значимости фонетической реалии для достижения комического эффекта. В докладах Е.Л. Б а р х у д а р о в о й (Москва) и Е.Ф. и Т.Б. Ж у р а в л е в ы х (Греция) русская фонетика рассматривается с точки зрения преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Е.Л. Бархударова подчеркивает необходимость исследования особенностей функционирования фонем в иноязычных системах в сопоставлении с русской при работе по устранению ошибок, связанных с планом функционирования фонем. Е.Ф. и Т.Б. Журавлевы обобщают опыт написания практической части учебного пособия по фонетике русского языка для греческой аудитории. Е.И. Л и т н е в с к а я (Москва) связывает в своем докладе распространение графических признаков «живой речи» в художественной литературе с появлением таких жанров письменной речи, как чат, смс-сообщения и др.

Секция «Просодия», на которой прозвучало семь докладов, начала свою работу с совместного доклада А.В. П а в л о в о й и Н.Д. С в е т о з а р о в о й (Санкт-Петербург), посвященного анализу акцентного контура фразеологических единиц. При изучении акцентной структуры устойчивых выражений авторы предложили различать идиомы-словосочетания и идиомы-высказывания. Ю.А. К л е й н е р (Санкт-Петербург) в своем докладе рассмотрел в диахроническом аспекте фонетические корреляты ударения, характерные для индоевропейских языков. Е.М. А л т а й с к а я (Москва) выявила основные закономерности изменения произносительной нормы энклиноменов. В докладе Р. К о н д ы б а с в о й (Казахстан) намечены проблемы, связанные с определением природы словесного ударения в казахском языке (в сопоставлении с русским). В докладе И. Ф у ж е р о н (Франция) представлены результаты эксперимента, в ходе которого информанты дважды прочитали текст, лишенный знаков препинания. Анализ данных позволяет понять, в каких местах высказывания возможна пауза. Т.Е. Я н к о (Москва) дает в своем докладе обзор различных принципов выбора словоформ-носителей акцентных пиков в звучащих текстах. А.В. Ц и м м е р л и н г (Москва) в своем докладе, разделяя тональный алфавит и интонационную грамматику русского языка, предлагает набор маркировок для синтаксически значимых преобразований, влияющих на акцентуацию составляющих.

В работе секции «Диалектная и региональная фонетика» приняли участие семь докладчиков. Открыл заседание доклад Л.Э. К а л ы н ь (Москва), в котором на материале славянских диалектов рассматривается проблема влияния уровня артикуляционного контраста на фонетические изменения. Автор рассматривает данную проблему в применении к изменению гласного *e по ряду и согласных по твердости/мягкости. Н.А. В о л к о в а (Череповец) в диахроническом аспекте рассматривает особенности произношения аффрикат в курских говорах, сопоставляя данные памятников деловой письменности и современные наблюдения над речью информантов. С.В. К о л з а с о в и Е.В. Щ и г е л ь (Москва), проанализировав просодические особенности русской региональной речи, пришли к выводу об унификации произносительной нормы на всей территории России. Как отмечают авторы, унификация затрагивает как сегментную, так и просодическую фонетику. С.В. Д ь я ч е н к о (Москва) рассмотрела в своем докладе особенности протекания процесса преобразования системы предударных гласных после отвердевших согласных в южнорусских говорах с архаическим типом вокализма. В докладе И.И. И с а е в а (Москва) обращается внимание на то, что для изучения диалектных различий в области вокализма принципиально важно «видеть» зону артикуляции. Для этого от схематического изображения системы гласных в виде треугольника нужно перейти к описанию формантной картины гласных. Именно такой подход будет представлен в альбоме русских диалектных систем. Г.И. М е ж е ц к а я (Череповец) доказала в своем докладе, что в говоре с. Рогатого, для которого раньше было характерно диссимилятивное аканье архаического типа, представлено недиссимилятивное аканье. В докладе Р.Э. К у л ь ш а р и н о в о й (Казань) проблемы русской фонетики в условиях межнационального общения рассматриваются с точки зрения Казанской лингвистической школы. Решению ряда проблем, характерных для современной языковой ситуации, может способствовать обращение к прикладной фонетике.

В рамках секции «Фонология» было заслушано шесть докладов. В докладе Д.Д. Б е л я е в а (Тула) представлены пять схем нейтрализации гласных фонем современного русского языка. Д.И. Э д е л ь м а н (Москва) рассмотрела в своем докладе некоторые результаты действия правила RUKI в ареальном и хронологическом аспектах. Исследование сделано на материале славянских, балтийских и арийских языков. В докладе И.Г. Д о б р о д о м о в а и Л.А. Щ е р б а к о в о й (Москва) отмечается двойственность облика пограничного сигнала

ла между предлогом и вокалическим началом следующего слова. С.В. Князев (Москва) в своем докладе приводит факты, свидетельствующие о том, что мягкие заднеязычные не являются фонемами. Однако, по мнению автора, их все же следует включать в инвентарь фонем современного русского литературного языка для удобства фонологического описания. М.Б. Попов (Санкт-Петербург), основываясь на случаях произнесения редуцированного [ъ] под дополнительным ударением, рассматривает в своем докладе возможность приобретения этим аллофоном фонемного статуса. Е.Ф. Киров (Москва) рассматривает проблемы, связанные с фонетической терминологией, ставит вопрос о ее усовершенствовании, обосновывает необходимость выстраивания терминосистемы фонетики русского языка с позиций говорящего, слушающего и наблюдателя.

Секцию «Орфоэпия», на которой прозвучало 12 докладов, открыло выступление Ж.В. Ганиева (Москва), в котором особое место уделено методике проведения орфоэпического эксперимента. Т.М. Григорьева (Красноярск) говорит в своем докладе о такой задаче лингвистов, как формирование лингвистической компетентности носителей языка вообще и в особенности журналистов, которые часто не имеют представления о законах языковой нормы и дезинформируют общество. В докладе С.К. Пожарицкой (Москва) рассматриваются эллиптические явления в устной речи, при этом подтверждается тезис о том, что эллипсис — лишь факультативное дополнение к описанию грамматической системы, на которой основана кодифицированная речь. В диалектной речи, в которой давление нормы ощущается менее жестко, эллиптические явления получают дальнейшее развитие, по сравнению с фактами литературного языка. М.А. Штудинер (Москва) отмечает, что речь, звучащая сегодня с экранов, в связи с частотностью в ней просторечных произносительных вариантов, может служить объектом для изучения фонетических процессов. Так, на материале речи журналистов автор рассматривает случаи произнесения [и] в окончаниях форм творительного падежа. Л.А. Карев (Франция) рассказал о проблемах, связанных с выбором орфоэпической нормы для русской вокальной музыки XIX века. Исследование было продиктовано усиливающимся стремлением к аутентичному исполнению произведений прошлого в большинстве европейских вокальных школ. В докладе О.В. Антоновой (Москва) в диахроническом аспекте анализируется произношение заднеязычных согласных в конце основы прилагательных на *-кий, -гий, -хий*. Произношение окончаний с твердым согласным, вероятно, не

знавшее исключений в начале XX века, в настоящее время практически исчезло из спонтанной речи говорящих москвичей. И.М. Логина (Москва) обращает внимание на особый статус согласного [j]. Автор рассматривает те случаи, когда орфоэпической норме не соответствуют правила графики и орфографии (произнесение сильной разновидности [j] на месте буквы *й*, произнесение обозначенного на письме [j] на месте букв *ьо, иа*). С.В. Зотова (Москва), определив факторы, которыми вызвана вариативность употребления предлога *О/ОБ/ОБО* (среди них — фонетические, лексические, грамматические), показала, что ни один из них нельзя считать доминирующим, так как, во-первых, часто действует совокупность факторов, а во-вторых, значимость их хронологически лабильна и меняется от «старшей» к «младшей» норме произношения. А.И. Рыко и С.Б. Степанова (Санкт-Петербург) в совместном докладе проанализировали фонетические реализации слов *что, чего* на материале звукового корпуса «Один речевой день». Авторы показали зависимость произнесения того или иного варианта ([sho], [ch'o], [shto], [ch'ivo]) от социальных характеристик информанта, фонетической позиции слова и его синтаксической роли во фразе. В докладе А.В. Венцова и Е.И. Рихакайнен (Санкт-Петербург), посвященном проблематике компьютерной обработки естественной речи, обсуждаются вопросы, связанные со стяжением звуков на стыке словоформ в спонтанной речи. В докладе В.В. Тимофеева (Москва) произносительная норма приставок рассматривается в диахроническом аспекте. Доклад М.Р. Ильиной (Москва) затрагивает проблемы акцентуации профессионализмов. На примере медицинской терминологии автор показывает, что основными факторами, влияющими на постановку ударения, являются ритмический рисунок слова, освоенность, историческое развитие слова и действие аналогии.

На секции «Современные методы фонетических исследований» было зачитано шесть докладов. А.В. Венцов и Н.А. Слепокурова (Санкт-Петербург) обобщили опыт создания просодически аннотированного корпуса русской спонтанной речи. Т.М. Николаева, М.В. Ослоп и С.Е. Шешенин (Москва) в совместном докладе «Новая лаборатория института славяноведения РАН и ее задачи» рассказали о том, как планируется исследовать словесную и фразовую просодию различных языков с применением современных компьютерных программ (например, при изучении системы словесных тонов в современном сербском языке). В докладе О.Ф. Кривновой (Москва) анализируется длительность дыха-

тельных пауз в зависимости от их текстовой локализации. Особое внимание уделяется также соотношению длительностей дыхательных пауз и чистых интонационных пауз с аналогичной текстовой локализацией. С.А. Воробьева, Е.В. Маркасова, С.Б. Степанова (Санкт-Петербург) представили в своем докладе результаты исследования, в ходе которого были проанализированы акустические характеристики слова *конечно* на материале расшифровок корпуса «Один речевой день». Затем был проведен перцептивный эксперимент: информанты слушали вырезанные из реплик слова *конечно* и пытались описать в произвольной форме все, что услышали. В докладе К.И. Долотина (Москва) на материале русского и китайского языков проанализированы инвариантные спектральные характеристики квазисегментной структуры речевого сигнала. В докладе Е.И. Ягуновой (Санкт-Петербург) представлены результаты эксперимента, в ходе которого информанты записывали на слух бессмысленный текст, членя его на слова и представляя ударение. По данным, представленным в докладе, словесная разборчивость составляет 44%.

Заключительное пленарное заседание открыл доклад Л.А. Вербицкой (Санкт-Петербург) «Основные тенденции развития произносительной нормы русского языка», в котором говорится о том, что влияние на языковые процессы могут оказывать как экстралингвистические факторы (изменения в политическом устройстве общества, экономических и социальных отношениях), так и собственно языковые. Среди последних автор называет законы аналогии и экономии. При этом в докладе подчеркивается, что нормативными становятся те варианты, которые не противоречат системе языка.

В докладе Е.А. Брызгуновой (Москва) рассматриваются проблемы, связанные с фонологическим методом в интонации, который, как показывает автор, имеет много специализаций, обусловленных структурой звучащей речи. Подробно анализируются различительные возможности интонации, а также подчеркивается, что общей чертой интонационной системы является полифункциональность какого-либо одного средства.

В докладе Р.Ф. Касаткиной (Москва) отмечается важность разграничения разных типов высказываний для классификации фразовых позиций. Так, идея контраста применительно к акцентному выделению наиболее ярко выражается в диалоге, а в нарративе преобладает интонационная сглаженность. Автор обращает внимание на то, что самыми слабыми, допускающими максимальную фонетическую

деформацию слов, являются предтопикальные и постфокальные позиции.

Л.Л. Касаткин (Москва) в своем докладе говорит об орфоэпии — основной единице орфоэпии, представленной варьирующимися в одной и той же фонетической позиции звуками или фонемами и варьирующимися в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова местом ударения. Обсуждается вопрос о том, какие явления должны включаться в орфоэпические словари и какие — нет.

Доклад Н.В. Богдановой (Санкт-Петербург) посвящен редуцированным формам в языке. Автор считает необходимым изменить взгляд на редуцированные формы как на свидетельство снижения общей культуры речи и признать их фактом эволюции языка. Целесообразным признается собрать полный корпус редуцированных форм, включить их в словарь, а также уделять им внимание в практике преподавания русского языка как иностранного.

М.Л. Каленчук (Москва) рассматривает в своем докладе вопрос о взаимодействии фонетики и грамматики, согласно которому фонетика отвечает потребностям грамматики, и все изменения, происходящие в фонетике, могут быть объяснены грамматическими процессами. Проанализировав ряд фонетических процессов, происходивших на протяжении XX века, автор приходит к выводу о том, что причина этих изменений не грамматическая.

Доклад Д.М. Савинова (Москва) посвящен гдовскому оканью на острове Пийриссаар (Эстония), которое, как показал автор, связывает исследуемый ареал с гдовской диалектной группой. Собранные данные существенно уточняют историю появления и развития неразличения предударных гласных в старобрядческих говорах Эстонии, а также свидетельствуют в пользу большей древности количественной диссимилиации.

В докладе И.А. Вещиковой (Москва) подчеркивается, что задача орфоэпии не сводится к ответам на вопросы: как правильно? что уместно? что запрещено? Орфоэпия должна также проанализировать, осмыслить данные науки и оптимально представить их в практических руководствах и справочниках.

Работа конференции не ограничилась заседаниями секций. С. О де (Нидерланды) провела для участников конференции мастер-класс по использованию программы PRAAT при изучении интонации на примере интонации русского языка. Н.В. Богданова (Санкт-Петербург) сделала презентацию звукового корпуса «Один речевой день», в основе которого лежат данные, полученные от информантов-волонтеров, носящих в течение дня на шею диктофон и таким образом записывающих свою речь. Кор-

пус «Один речевой день» даст богатый материал для исследователей русской повседневной речи на разных лингвистических уровнях, в том числе на фонетическом, позволяя перейти от инструментального анализа «лабораторной речи» и наблюдений над речью разговорной к инструментальному анализу материала, записанного в буквальном смысле слова «на улице».

При подведении итогов конференции многие участники отмечали важность подобных научных форумов для консолидации усилий фонетистов-русистов. Высокий уровень прочи-

танных докладов, острые дискуссии по различным аспектам современной науки о звучащей речи, объединение академической и университетской науки – все это позволяет говорить о несомненном успехе конференции «Фонетика сегодня».

В.В. Тимофеев

Сведения об авторе:

Виктор Владимирович Тимофеев
МГУ им. М.В. Ломоносова

ЯЗЫК В ОСНОВЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ (итоги конференции «Понимание в коммуникации-5»)

Начало двадцать первого века выдвинуло в центр внимания лингвистов такие сферы функционирования языка, где понять и описать собственно языковые характеристики невозможно без обращения к смежным – а нередко и весьма далеким – областям науки. Иногда такое междисциплинарное сотрудничество приводит к развитию нового направления, как это произошло с когнитивной наукой. Но часто задачи исследователей скромнее: необходимо добиться взаимодействия при решении конкретных проблем.

Такая вполне определенная задача – описание понимания между участниками письменной и устной коммуникации – была поставлена группой исследователей в 2003 г. Именно тогда состоялась первая конференция «Понимание в коммуникации», сразу же заявленная как междисциплинарная: в числе участников были не только лингвисты, но и педагоги, программисты, психологи, специалисты по массовым коммуникациям.

Конференции по проблеме понимания проводились раз в два года, и в феврале 2011 г. состоялась уже пятая конференция, прошедшая, как и предыдущая, на базе Московского городского педагогического университета. Конференция сохранила свой международный статус и даже расширила его: в числе участников оказались гости из Малайзии, Ирана, а также Германии, Польши, Болгарии, Финляндии, Украины, Литвы, Тайваня. В ряде случаев участие обеспечивалось техническими средствами: выступление А. Мустайоки из Хельсинки транслировалось при помощи интернет-конференции.

Расширение произошло не только в географическом, но и в тематическом плане: впервые были широко представлены проблемы, связанные с политическими коммуникациями. Причем на круглом столе, посвященном этой проблематике, выступали и политологи (засе-

дание было открыто докладом «Проблема понимания в контексте современных политических процессов» Ю.В. Ярмака (Москва)), и философы. В частности, Г.В. Сорина (Москва) рассказала о концептуальных основаниях проектной деятельности. Однако большинство докладов было сделано с позиций лингвистики и риторики. В поле зрения попали язык переговоров (М.В. Беляков, Корея), общественно-политический дискурс (М.В. Радовель, Ростов-на-Дону; А.Д. Плисецкая, Москва), политические коммуникации «местного значения» (И. Валуйцева, Москва), интерпретация пародийных блогов (А. Потсар, Санкт-Петербург), речевые явления, препятствующие пониманию политических сообщений (М.В. Гаврилова, Санкт-Петербург), и др. Особый интерес вызвало сообщение о роли интернет-коммуникаций, сделанное Е.И. Горошко (Украина). А в сообщении Е.Г. Борисовой (Москва) было показано, как данные социо- и психолингвистики могут помочь в политологии и даже сделана заявка о возникновении новой дисциплины лингвополитологии (о чем говорил и В.З. Демьянков, Москва).

Междисциплинарный подход сыграл заметную роль и в исследованиях массовых коммуникаций: СМИ, рекламы, PR. В последнее время делаются неоднократные попытки создать теории речевого воздействия или хотя бы приемлемые модели, позволяющие прогнозировать какие-либо аспекты воздействия. На конференциях «Понимание в коммуникации» такие проблемы стали постоянной темой. И на пятой встрече ученых разных направлений предлагалось немало способов отражения свойств медийных сообщений и рекламного дискурса в целом. Особое внимание слушателей привлекли доклады Л.Г. Антоновой (Ярославль), описывающей особенности PR-текста, выступление Э.И. Почтарь (Москва) о взаимоотно-

шениях лингвистов с другими специалистами в области рекламы, доклад Е.С. Кара-Мурзы (Москва), где рассматривались проблемы оскорбления адреса в рекламных текстах, что оказалось весьма эффективным приемом воздействия.

Интересным было сообщение О.И. Северской (Москва), которая проанализировала возможность воздействия радиотекста при фрагментарном восприятии. В докладе Ю.К. Пироговой (Москва) описывались стратегии брендинга, в сообщении Н.В. Аниськиной (Ярославль) рассматривалась оценочная лексика как средство воздействия, а ярославцы Т.Б. Колышкина и И.В. Шустина исследовали случаи непонимания, связанные с кодированием рекламной информации. Если учесть, что еще один из докладов коллеги из Ярославля был представлен на секции «Понимание в системе «Человек компьютер»» (Л.В. Ухова рассказала о демотиваторах), можно смело утверждать, что в Ярославле сложилась серьезная школа коммуникативных исследований, активно применяющая междисциплинарный подход.

Из других сообщений, посвященных рекламно-медийной тематике, можно отметить сообщения Н. Исаевой о стратегиях в объявлениях о вакансиях, А.М. Дружинина – о манипуляциях, связанных с полисемантикой, Е.С. Артюшиной о гендерных особенностях восприятия рекламы, М.Г. Мартыненко о информационных войнах и ряд других.

Понимание в системе «человек – компьютер» рассматривалось с разных позиций. Три сообщения касались проблем компьютерной лингвистики: С.Б. Потемкин, О.Е. Фролова (Москва) рассказывали об автоматическом аннотировании текста на основе анализа формальных понятий (FCA), Е.В. Ягунова, Л.М. Пивоварова, Э.С. Клышинский (Санкт-Петербург) – о коммуникативной функции глаголов в газетных и научных текстах, О.И. Бабина, Т.Ю. Мыларщикова, Н.Ю. Дюмин (Челябинск) – об автоматическом распознавании именных групп на испанском языке. Кроме того, прозвучало сообщение коллектива учителей из Москвы под руководством А.Г. Широкова и О.К. Королевой, занимающегося созданием обучающих программ для средней школы, и ряд других.

Среди собственно лингвистических проблем наибольшее внимание привлекли проблемы взаимодействия участников общения – то, что обычно рассматривается в рамках лингвопрагматики. Одной из важных отраслей этого направления – стратегиям вежливости – посвящен доклад гостя из Малайзии Т. Шан-

муганатан. Схожим по тематике оказался доклад И.Т. Венревой (Екатеринбург), где фамильярность рассматривалась как контактообразующее средство в СМИ. Интересным было и сообщение профессора университета штата Филадельфия Ф.М. Николса, который показал связь профессионализма одного из собеседников с выбираемыми им речевыми стратегиями.

Вопросы учета говорящим реакции собеседника затронул А. Мустайоки (Финляндия). Личностные параметры понимания рассмотрела О.В. Сахарова (Украина). А.А. Котов (Москва) привел в своем докладе анализ реальных диалогов с позиции соотношения рационального и эмоционального. Прагматические аспекты общения рассматривались в сообщениях С.Н. Семеновой (Москва), С.П. Лихачева (Москва). Большое впечатление произвел доклад Н. Ивановой (Болгария) об отношении к русскому языку молодежи. Некоторые сообщения, в частности, Н.С. Трухановской (Москва) о метонимии в коммуникациях, Е.Л. Вилинбаховой (Санкт-Петербург) о лексических маркерах стереотипов, П.Г. Чеботарева (Москва) о понимании как отсутствии сбоя были близки к когнитивному направлению, тогда как в других прагматический аспект явно связывался с социологическими проблемами – сообщение Е.В. Леоновой (Москва) о языковой ситуации в современном мегаполисе и Е.В. Корниловой (Москва) о визуализации коммуникаций. Следует отметить и анализ коммуникативного поведения пользователей российского ЖЖ, сделанный А.А. Качановой (Москва).

Интересные проблемы общения рассматривались на заседании, посвященном философским аспектам понимания. В большинстве выступлений рассматривалось непонимание, т.к. именно эти случаи, проанализированные в докладах О.Е. Фроловой (Москва), А. Явцакого (Москва), А. Дружинина (Москва), Е.В. Ягуновой (Санкт-Петербург), Е.Л. Григорьян (Ростов-на-Дону), позволяли выявлять языковые и речевые механизмы, нарушения которых и вызывают непонимание. А в докладе Е.С. Никитиной (Москва) анализировалась паралогика понимания.

Психологические и психолингвистические проблемы понимания рассматривались в докладах А. Павловой (Германия) и М.И. Абабковой (Санкт-Петербург) о ненамеренной интонационной двусмысленности письменных сообщений, И.С. Соколовой (Москва) о понимании в связи с редактированием, М.В. Алаевой (Саранск), В.Г. Малаховой (Волгоград), Л.А. Голдобиной (Ульяновск),

Ю.Н. Петровой (Москва), О. Лукошус (Москва) и др.

Немалое число исследований было посвящено описанию языковых структур безотносительно к прагматическим аспектам (хотя и с учетом моделирования понимания соответствующих единиц). В этом смысле привлек внимание лингвистов доклад З.М. Шалыпиной (Москва), которая показала, как модель де Соссюра, где учитывается не двоичное, а троичное противопоставление «язык – речь – речевая деятельность», может отражать деятельность говорящего и адресата. Возможность использования моделей, выработанных в рамках компьютерной лингвистики, для описания языка была продемонстрирована в докладе Н.Н. Леонтьевой (Москва). Описание значения языковых единиц было дано в докладах И.А. Шаронова (Москва) о когнитивных междометиях, П.К. Ониненко (Москва) об особых употреблениях ряда падежей, Г.Е. Крейдлина (Москва) о языковых средствах наименования тела, Г. Кундротаса (Литва) о заимствованиях в русском и литовском языках. Как и на прошлых встречах большое внимание было уделено фразеологии, причем преимущественно в межкультурном аспекте. Это прозвучало и в докладе Д.О. Добровольского (Москва), и в сообщениях М. Набири (Иран), Й. Русецкой (Литва), О.А. Казенновой (Москва), К.Н. Дубровиной (Москва). Особый интерес вызвало сообщение П.Б. Паршина (Москва), в котором предпринималась попытка классификации лингвистов-исследователей в рамках истории науки. Интересными были и другие лингвистические сообщения, сделанные Т.В. Белошапковой (Москва), по когнитивным проблемам аспектуальности, Е.Н. Никитиной (Москва), по взаимодействию грамматических категорий, Э.Б. Яковлевой (Самара) по аспектам звучания, влияющим на понимание, а также М.В. Беляевой (Москва), И.В. Труфановой (Москва), И.С. Папуша (Москва), А.А. Исаковой (Тюмень), Е.А. Ванчиковой (Москва), В.В. Шаповала (Москва) и др.

Проблемы межкультурных коммуникаций, преимущественно с позиций языковых особенностей, рассматривались в докладах и сообщениях Г.И. Хухуни и О.М. Ануровой, а также Н.А. Солуяновой, Ю.А. Мартысь и А.Ю. Бессалова, в докладе Н.Н. Беклемешевой, К.С. Кардановой и О.А. Сулеймановой (Москва), посвященном переводческой эвристике. Схожие проблемы вставали и при обсуждении проблем обучения пониманию, в частности, в докладе О.И. Максимова (Москва), в сообщениях Т.В. Кореньковой (Москва), С.А. Шаповал (Москва). Однако вопросы образования, связанные с коммуникацией на естественном языке, ставились и шире, затрагивая общие принципы обучения, в частности, в докладах Е.Н. Басовской (Москва) и Т.В. Базжиной (Москва), в которых анализировалось положение в образовании и взаимопонимание между педагогом и учащимися, в сообщениях Н.Ю. Киселевой (Москва), М.А. Богатырева (Тверь) и ряда других.

Аналогичные проблемы поднимались и в докладах Э. Йендрих, Х. Вишневской (Польша), которые были представлены в стендовой сессии.

Интересной презентацией сопровождалось выступление Р. Пишгдам и Л. Эстахбани (Иран), посвященное изучению фарси как иностранного языка.

К сожалению, нет возможности перечислить всех докладчиков. Помимо секций, так или иначе связанных с лингвистическими проблемами, вопросы понимания поднимались на встречах философов, историков, социологов. Материалы конференции предполагается опубликовать, а дальнейшие контакты участников осуществлять через сайт <http://efcomconf10.usoz.ru>.

Е.Г. Борисова

Сведения об авторе:

Елена Георгиевна Борисова
Московский городской педагогический университет

XI Балканские чтения «Балканский спектр: от света к цвету»

22–24 марта 2011 г. в Центре лингвокультурных исследований «Balcanica» Института славяноведения РАН при поддержке РФФИ (грант № 11-06-06022г) прошли очередные, XI Балканские чтения «Балканский спектр: от света к цвету». Уже с самых первых симпозиумов по балка-

нистике (60–70-е гг. XX в.), которые положили начало регулярным (раз в два года) Балканским чтениям в Институте славяноведения, была сделана установка, во-первых, на междисциплинарность обсуждаемой проблематики, во-вторых, на реконструкцию древнейших компонентов балканского культурного текста и, в-третьих, на главенствующую роль семи-

отических подходов в изучении и интерпретации материалов. Программным для научных встреч подобного рода стал текст В.Н. Топорова, опубликованный в качестве предисловия к сборнику «Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (23-24 мая 1972 г.). Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации.)». М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1972; републикация: (Мартеница. Mărtișor. ΜΑΡΤ'Σ. VERORE... Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года. М.: ИСЛ., 2009).

XI Балканские чтения были посвящены многостороннему анализу концептов света и тьмы, а также цветовой палитры в балканских текстах разного рода от древности до наших дней (в рамках балканской картины мира). К основной лингвокультурной теме была добавлена и собственно лингвистическая – «Актуальные проблемы балканского языкового союза (БЯС)». Однако «вариаций на заданную тему» оказалось намного больше, и даже в, казалось бы, чисто лингвистических докладах слышались отзвуки темы света и цвета.

Всего же на конференции прозвучало 30 докладов российских и зарубежных ученых. Гостями Института славяноведения стали видные иностранные лингвисты-балканисты, этнологи и мифологи из 8 стран. На конференции выступили и молодые исследователи – аспиранты из Москвы и Санкт-Петербурга.

«Цветоведение» сегодня – весьма разработанное направление в отечественной и зарубежной филологии и этнологии (см. на русском языке работы Р.М. Фрумкиной, Н.В. Серова, издания под ред. А.П. Василевича и др.). Добавление универсальной, базовой категории света, связанной со зрением и с жизнью, в проблематику конференции и сосредоточение на балканском ареале (с заходом в небалканские славянские земли) расширило и углубило задачи исследователей.

В первом докладе был поднят вопрос о неконвенциональности языка и о важности перво-человеческого опыта в кодировании окружающего мира, в том числе через понятия света и цвета и через зрение. Б. Джозеф (США) анализировал звуковой символизм лексики, обозначающей свет и горение в греческом и албанском языках. По мнению ученого, отдельные звуки и звукосочетания, не обладающие морфологическим статусом, несут в себе идеи света, огня, горения и пр. Если в английском такая семантика приписывается кластерам *gl-* (*gleam, glow, glisten, glitter*), то в балканских значения жжения, горения, блеска можно усмотреть в греческом сочетании (ts + V): *ταίικνα* ‘пахнуть паленым’, *τσουρουφλίζω* ‘жечь’ и в албанском

(dz + V): *xixëlloj* ‘искриться’.

Символическое развитие цветовой палитры в социальном плане с учетом эволюционных процессов на примере архаического треугольника «белый-красный-черный» рассмотрел в своем докладе В. Фридман (США). Противопоставление «белый – не белый» применительно к цвету кожи актуально не только для родной для ученого Америки (а сейчас сознательно нивелируется, особенно с современным развитием политкорректности), но и к Балканам, где, например, «белое лицо» служит в фольклоре устойчивым описанием красавицы, а «черный» относится к «чужому», «уродливому» и «опасному». Эта цветовая терминология имеет национальные лингвокультурные коннотации: так, в переводе на английский «белый» применительно к коже, лицу может передаваться как *fair* и *pale*, при этом первое будет иметь позитивную эстетическую оценку, а второе негативную (– больной, бледный). В. Фридман, рассуждая о стилистике заимствований в ЛСГ «Цвет» в словарях балканских языков, обратился к неисследованной теме обозначения породы голубей в Македонии (разведение голубей – традиционное занятие в балканских странах) и пришел к выводу, что самые ценные породы обозначаются заимствованиями, «не свои» цветовые термины (например, турецк. *beaz* ‘белый’ вместо макед. *бел*) более престижны.

Homo balcanicus в его отношении к категориям света и тьмы исследовался в совместном докладе П. А с е н о в о й (Болгария) и У. Д у к о в о й (Германия). Они рассмотрели: 1) развитие в балканских языках терминов эмоционального состояния человека (‘мрачный, угрюмый’), образованных по двум семантическим моделям (от ‘темный’, представленного в болгарском, румынском и албанском, и ‘покрытый облаками’, представленного в греческом, албанском и арумынском), и 2) ареалы пассивности-активности глаголов, условно соответствующих русск. ‘застать рассвет’ и ‘застать закат’ (болг. *осъмвам* и *замръквам*). Исследовательницы таким образом подтвердили наличие арсального континуума, в котором доминирует греческий, оказавший сильное влияние на албанский и арумынский.

Н.Н. К а з а н с к и й (Санкт-Петербург) сосредоточился на теме исторического изменения цветовой палитры (на примере Древней Греции и Древнего Рима) и связал древние греческие цветообозначения микенского периода с хозяйственной лексикой. Он представил также несколько этимологий, соотносящих астрономические объекты с идеями светозарности, блеска и цвета.

Э. Ц р в е н к о в с к а (Македония) проанализировала концепт «свет» и соответствующую

лексику в старославянской переводной гимнографии, представляющей на Балканах в основном византийские модели. Свет как ключевое понятие средневековых христианских текстов, важная часть этимологических фигур октоихов, триоди и др. сакральных текстов соотносится и со смежными понятиями блеска, светлого, сияния и эксплицируется в том числе и в «предметных» лексемах *свеча*, *светило* и под. Концентрация «световой» лексики служит ярким авторским стилистическим приемом Климента Охридского и помогает определить авторство перевода некоторых текстов.

Цветовая гамма была в центре исследования искусствоведов. Так, Л.И. Акимова (Москва) рассмотрела семантику раннегреческого хроматизма на примере крито-микенского памятника расписного саркофага 1400 г. до н.э., уделив особое внимание семиотике синего цвета в его соотношении с желтым как параллели более глубокой оппозиции «черное – белое». Н.Н. Злыднева (Москва), исследуя балканскую живопись как текст, обнаружила модели, общие для изобразительного и вербального искусства: переход цвета в свет, оксюморонное сближение противоположностей (черного и белого, черного и красного) и др. Доклады о художественных текстах во многом соприкасались с исследованиями цветообозначений в языке. Т.Ф. Теперик (Москва) проанализировала колористическую семантику у Вергилия в связи с психологическим состоянием, что важно для обозначения в языке невербальных жестов и состояний через изменения цвета.

А.А. Новохатко (Фрейбург) акцентировала типично балканское преломление света и мрака в семиотическом аспекте – развитую символическую полисемию и амбивалентность: так, аэды слепы, но тьма для них – это прозрение. На примере древней аттической комедии исследовательница показала, что в гомеровской космогонии тьма имела первостепенное значение как мрак потустороннего мира; тьма же в политических и социальных установках задавала другую оппозицию (полис – это культура света и порядка, противопоставленная тьме варварства).

Семиотика света и тьмы, колористика была рассмотрена И.А. Седаковой (Москва) на примере «эталонного» балканского романа современного македонского писателя П.М. Андриевского «Пырей», написанного в стилистике магического реализма. Лексика, связанная с идеями света и тьмы, выявляет балканизмы, противопоставляя македонский словарь другим славянским и сближая его с греческим. Амбивалентность световых и цветовых категорий (тьма как горе и тьма как радость и др.), светил (солнца, которое проклиняют и, наоборот, бла-

гословляют), снятие оппозиций (соединение белого и черного в традиционной обрядности по «изгнанию» из села эпидемии) – типичная черта балканской модели мира, которая нашла последовательное отражение в македонском романе.

Л. Попович (Сербия) на материале цветообозначений в сербском, русском и украинском фольклоре показала роль архаического противопоставления визуальных характеристик 'блестящий' и 'без блеска', которое предшествовало возникновению собственно колористических понятий, в развитии метафорических значений. Именно это противопоставление эксплицитно и имплицитно представлено в фольклоре и позволяет выстраивать синонимические и антонимические колористические ряды, которые в других дискурсах кажутся алогичными. Тему цветового символизма в фольклоре продолжил З. Шмитек (Словения). Он представил обзор цветовых коннотаций в словенском фольклоре, включив сюда и показатели «золотой» и «серебряный», столь важные для традиционной картины мира. Несмотря на кажущуюся однозначность символики основных цветов, в фольклоре и этнографии постоянно встречается противоречивая аксиология одного цвета (например, желтый у балканцев – это и цвет высшей эстетической ценности реалии, и признак болезни). О.В. Белова (Москва) суммировала представления о цветовом спектре в традиционной культуре, основываясь на материалах этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Т. 1–4. М., 1995–2009). Хроматические параметры охватывают все сферы народной жизни, служат маркером и типичного свойства, и наоборот, специфичности объекта (явления). Изменение цвета – значимый мотив в фольклорно-мифологическом контексте, он органично входит в эсхатологические и др. легенды. «Цветовые» статьи «Славянских древностей» показывают балканославянскую специфику народной колористики.

М. Менцей (Словения) и Л.Н. Виноградова (Москва) в своих докладах исследовали тему огня и света применительно к особым, «светящимся» ночным духам. Множественность «огоньков» и их постоянное движение («мерцание») находит и лексическое выражение ('огоньки', 'свечки', 'блуждающие лучики' пр.). Докладчицы пришли к выводу о том, что эти мифологические персонажи связаны с представлениями о загробном мире и символизируют души умерших, поскольку огненная стихия традиционно воспринимается как одна из ипостасей человеческой души.

Выступления, основывающиеся на этнографических материалах, выявили иные аспекты изучения балканского спектра, в частности,

возможности установления хронологии появления цветообозначений. Например, А.А. Н о в и к (Санкт-Петербург) в докладе об албанском национальном костюме объяснил позднее появление таких цветов как оранжевый и соответствующих терминов возможностью получения этого цвета только с помощью искусственных красителей, пришедших в Албанию сравнительно недавно. Он описал также историческое византийское и славянское влияние на албанский спектр, что нашло отражение в народной одежде.

А.П. Я к и м о в а (Москва) рассмотрела цвет как маркер возраста в болгарском национальном костюме и проследила развитие цветовой гаммы от «бесцветности» младенчества (белых пеленок) через апогей в развитии цветовой гаммы - доминирование красного и многоцветной вышивки в свадебном убранстве - к столь же «бесцветной» старости (темные одежды, отсутствие вышивки) и погребально-поминальной одежды (белый саван, черный и белый балканский траур). Белый и красный цвета как традиционные цвета-обереги, призванные также обеспечить здоровье («кровь с молоком») в румынской и болгарской календарной обрядности марта, были подробно описаны в докладе Н.Г. Г о л а н т (Санкт-Петербург).

А.А. П л о т н и к о в а (Москва) на примере поверий о «рожденном в цветной рубашке» обратилась к этнолингвистической географии и проблемам балканских взаимовлияний. Так, представления о том, что рождение ребенка в рубашке определенного цвета служит знаком демонических качеств, ограничиваются западной частью Южной Славии, что, по мнению докладчицы, возможно, объясняется известным в балканистике фактом наличия романского субстрата в этом регионе.

Л. Р а д е н к о в и ч (Сербия), анализируя красный цвет в погребальной обрядности и народной демонологии славян, напомнил, что красное соотносится прежде всего с кровью и с огнем, и это находит многоплановое выражение в лексике и обрядности. На сходном материале албанской традиции Приазовья Д.С. Е р м о л и н (Санкт-Петербург) показал, что архаическая цветовая триада является основной моделью формирования колористической символики. Белый цвет ассоциируется с чистотой, божественным и раем, черный - с грехами, трауром и адом. Красный цвет символизирует мир живых и образует оппозиции по этому признаку и с черным, и с белым.

Народная ботаника, активно разрабатываемая в последние годы в этнолингвистике, дала несколько направлений для исследований света и цвета. В когнитивном плане А.Б. И п п о л и т о в а (Москва) сравнивала вербальное описа-

ние цветовых характеристик растений с избирательностью и условностью их отображений в средневековых травниках. В.Б. К о л о с о в а (Санкт-Петербург) на примере «огненных» растений рассмотрела этимологические модели, схемы семантических переносов и южнославянскую специфику континуантов **gor-/*žer-* 'гореть'.

А.Е. Т у н и н (Москва) в сообщении о цветовом коде в новогреческих загадках, где цветовой эпитет всегда важен, затрагивал когнитивные аспекты цветовой окраски. Окраска как важное свойство загадываемого предмета может входить в текст загадки и эксплицироваться или передаваться имплицитно, через другие коды (например, пищевой: солнце как мед, масло и др.).

Отдельное заседание было посвящено балканской лингвистике и диалектологии, на котором ученые обсудили важнейшие аспекты БЯС, анализируя конкретные языковые данные в рамках осуществляемых ими научных проектов. Р. А л е к с а н д е р (США) показала, ссылаясь на проект А.Н. Соболева «Малый диалектологический атлас балканских языков», что даже небольшое исследование современных диалектов, в ее случае болгарских, несмотря на «модернизацию» быта и стандартизацию языков в наши дни, дает ясную картину сохранности «балканскости». Причем языковые данные, по мнению исследовательницы, отчетливо соотносятся с балканской моделью мира. К такому же выводу пришла и Е. А д а м у (Франция), которая на примере так называемых «помакских» говоров болгарского языка в Турции показала сохранение трехчленных форм определенного артикля и их корреляцию с категорией времени, что в свое время описывали Т.Н. Свешникова и Т.В. Цивьян.

А.Ю. Р у с а к о в (Санкт-Петербург) исследовал особенности диалектов албанского языка (с подробным экскурсом в историческую диалектологию) в районе Дибра, часть сел которого находится на территории Албании, а часть - Македонии. Политическая граница, однако, не стала границей языковой. Е. Б у ж а р о в с к а (Македония) рассмотрела семантику и прагматику македонского глагола *saka*, соединяющего в себе значения 'хотеть', 'нравиться' и 'любить', что нехарактерно для других южнославянских языков, но типично для албанского и арумунского.

Завершил это заседание доклад А.Н. С о б о л е в а (Санкт-Петербург / Марбург), который представил новое прочтение научно-исторических взглядов на балканский языковой союз (Т.М. Николаева после оживленной дискуссии предложила ему опубликовать этот доклад в «Вопросах языкознания» в разделе «Из

истории науки»). Созвучной этой теме стала презентация П. А с е н о в о й (Болгария), которая представила библиографию публикаций в болгарском журнале «Съпоставително езикознание» за 34 года его существования.

К конференции был выпущен сборник тезисов и материалов «Балканский спектр: от света к цвету» (М.: Пробел, 2011. 200 с.), в котором опубликовано 40 статей. Некоторые авторы, к сожалению, не смогли участвовать в этой встрече, но их статьи (например, Вяч. Вс. Ива-

нова «Семиотика и нейросемиотика цвета», Т. В. Цивьян «Балканский цвет в мозаиках Газанфера Байрама») цитировались и обсуждались в дискуссиях.

И. А. Седакова

Сведения об авторе:

Ирина Александровна Седакова
Институт славяноведения РАН

«Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»

24–26 марта 2011 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», организованная Институтом лингвистических исследований РАН¹; первая встреча в этой серии (круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы») состоялась весной 2009 г. в Санкт-Петербурге.

Большинство представленных докладов было посвящено рассмотрению взаимодействия семантических, прагматических и синтаксических аспектов различных явлений русского синтаксиса: как регулярных и частотных, так и периферийных. Во многих докладах и лекциях делалась попытка сравнения преимуществ и недостатков различных теоретических подходов, обсуждалась возможность совмещения лексико-семантического и конструкционного подходов при описании отдельных явлений русского языка.

Исследования, представленные на конференции, опирались на новые эмпирические данные, полученные путем обращения к корпусам русского и других славянских языков, в том числе к материалам Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru). Материалы докладов доступны на сайте ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011.html>).

В общей сложности состоялось 29 устных выступлений, включая лекции приглашенных докладчиков, а также было представлено 9 стендовых докладов. В работе конференции принимали участие как молодые, так и опытные исследователи из научных центров России, Финляндии, Эстонии, Норвегии, Швейцарии, Германии, США и Чехии.

В качестве приглашенных лекторов выступили семь известных исследователей синтакси-

ческих явлений русского и других славянских языков: Ю. П. Князев (Санкт-Петербург/Великий Новгород), А. Мустайоки (Финляндия), Дж. Николе (США), Д. Вайс (Швейцария), М. Фрид (Чехия/США), Б. Х. Парти (США/Москва), Т. Е. Янко (Москва). В жанровом отношении выступления всех этих лингвистов совмещали в себе черты теоретических лекций и исследовательских докладов: теоретические обобщения подавались в них в связи с новыми эмпирическими данными.

Выступления остальных участников, представлявших устные или стендовые доклады, были включены в программу на конкурсной основе.

В докладе С. С. С а я (Санкт-Петербург) ««Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции?» рассматривались предикативы на -о (*холодно, нужно, стыдно, приятно*), при которых возможно употребление дативного участника (*Мне стыдно признаться в этом*). Предикативы были разделены на несколько групп в зависимости от допустимости выражения дативного участника при соотносительных с ними кратких и полных прилагательных. Автор показал, что для наиболее адекватного описания природы аргументной структуры предикативов из разных групп приходится использовать различные модели (проецирование аргумента вследствие субкатегоризационных свойств адъективной лексемы, его появление в результате деривации, привнесение самой синтаксической конструкцией).

В докладе Л. В. В ы д р и н о й (Санкт-Петербург) «Препозиция и постпозиция дативного субъекта в конструкциях с глаголом *стоит* в русском языке» обсуждались бипропозиционные структуры с глаголом *стоит* (*Стоило мне только выйти на улицу, как пошел дождь*). Было показано, что линейное положение дативного участника в подобных употреблениях определяется рядом факторов (одушевленность участника, агентивность действия,

¹ Конференция была организована при содействии РФФИ (грант № 11-06-06023г).

тип связи между пропозициями); эти факторы играют роль как при синхронном выборе позиции дативного участника, так и в диахроническом развитии конструкции, в ходе которого глагол *стоит*, являясь изначально матричным глаголом, со временем приобретает сходство с союзом.

Н.М. Стойнова (Москва) представила доклад «*Опять вы со своими конструкциями!*: семантика и прагматика сочетания *вечно / опять кто-то с чем-то*». Анализ, проведенный автором, показывает, что указанная конструкция является некомпозиционной единицей со специфическими ограничениями на лексический состав и что она не может трактоваться как случай эллипсиса глаголов типа *приставать, надоедать*, поскольку конструкция охватывает более широкую семантическую зону и описывает более широкий круг ситуаций, чем предполагает семантика этих или каких бы то ни было иных отдельных глаголов.

Лекция Ю.П. Князева (Санкт-Петербург / Великий Новгород) «Русские возвратные глаголы: деривация, конструкции, списки» была посвящена возможностям теоретического осмысления связей между различными классами русских возвратных глаголов с привлечением типологических данных о семантических закономерностях развития рефлексивных конструкций. Анализируя некоторые сложные случаи соотношения возвратных и невозвратных глаголов и зависимость их интерпретации от контекста, автор приходит к выводу о том, что значительную часть структур с возвратными глаголами в русском языке целесообразнее считать конструкциями, а не результатом деривации.

С.Ю. Толдова (Москва) в докладе «Типология конструкций с возвратным местоимением *себя*» рассмотрела различные группы употреблений возвратного местоимения *себя* в НКРЯ, а также частотность каждой из групп. Исследование показало, что функция маркирования коиндексации участников, заполняющих различные валентности, т. е. собственно синтаксическая функция, зачастую по умолчанию считающаяся базовой для возвратного местоимения, не является наиболее типичной для местоимения *себя* в НКРЯ; при этом чрезвычайно распространено употребление *себя* в составе различных лексикализованных сочетаний, которые не описывают собственно рефлексивные ситуации (как в сочетаниях *представлять собой, привести себя в состояние*), что позволяет увидеть подобие между функциональным потенциалом этого местоимения и функциями, являющимися типичными для русского *-ся* (и типологически для «легких» рефлексивов вообще).

В лекции А. Мустайоки (Финляндия) «Является ли конструкция *Лодку унесло ветром* стихийной?» обсуждалась специфическая русская конструкция, в которой участник-каузатор оформляется творительным падежом, а участник-пацциенте является прямым объектом при глаголе. В лекции обсуждалось функционирование этой конструкции, исследованное на материале употреблений из корпуса Интегрум; выяснилось, что в качестве участника-каузатора могут выступать не только стихии, но и некоторые артефакты ('пуля', 'машина'), представляемые как не наделенные контролем силы. Детальное рассмотрение семантики конструкции и сопоставление с близкими ей конструкциями позволяют определить место «стихийной» конструкции среди других структур, выражающих сходную семантику с помощью других синтаксических средств.

В докладе А.Б. Летучего (Москва) и М.А. Холодиловой (Санкт-Петербург) «*Было пару человек*: об одной количественной конструкции в русском языке» рассматривались свойства и закономерности употребления квантификаторов типа *пару, кучу, массу* и др. в позициях, характерных для именительного падежа. Было показано, что в составе подобных конструкций квантификаторы приобретают ряд грамматических свойств числительных. Совпадение форм номинатива и аккузатива, являющееся морфологическим свойством числительных, для данных квантификаторов интерпретируется как синтаксическое, что позволяет трактовать конструкции с квантификаторами типа *пару* как неканоническое (аккузативное) подлежащее.

В докладе Я.Г. Тестельца (Москва) «Несклоняемые именные конструкции в русском языке и гипотеза "накладывающихся падежей"» обсуждались именные структуры, способные выступать только в позициях, доступных для именительного и винительного падежей: существительные с наречными кванторами типа *много, достаточно*, дистрибутивная группа с предлогом *по*, редуцированные существительные с *за* и др. Синтаксические свойства этих сочетаний рассматривались на фоне различных случаев конфликта падежей - ситуации, при которой «один и тот же склоняемый элемент подпадает под более чем одно правило выбора падежа».

Доклад М.А. Овсянниковой (Санкт-Петербург) «Оформление актантов глаголов "отрицательных эмоций" в русском языке в синхронии и диахронии» был посвящен синхронным и диахроническим аспектам кодирования участников при глаголах *сердиться, сетовать, обижаться* и при других глаголах этой группы, допускающих оформление участ-

ников с помощью предлога *на* (*сердиться на Петю, сердиться на ошибку Пети*) или предлогов *на* и *за* (*сердиться на Петю за ошибку*). Трактую вторую из возможных для этих глаголов аргументных структур как расщепление валентности на Стимул, автор предлагает совмещение этого подхода и конструкционно-анализа данных аргументных структур для описания функционирования глаголов «отрицательных эмоций» в синхронии и диахронии.

С.А. Оскольская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Конструкции со словом *помимо* в русском языке», в котором свойства предлога *помимо* рассматривались в сопоставлении с близким ему семантически предлогом *кроме*. Было установлено, что, хотя оба предлога имеют и значение 'за исключением', и значение 'в добавление', распределения частотности употребления в двух значениях в НКРЯ для этих предлогов различны: если предлог *помимо* употребляется в значении 'в добавление' в большей части примеров, то предлог *кроме* используется в значении 'за исключением' чаще. Различные употребления предлогов *кроме* и *помимо* автор рассматривает как своего рода конструкции с заданной семантической структурой и лексически фиксированным элементом – предлогом.

Лекция Дж. Николс (США) «Prefixed and unprefixated spray / load verbs in Russian: derivations or constructions?» была посвящена сопоставлению таких трехместных конструкций, в которых в позиции прямого дополнения оказывается перемещаемый объект (в одной из современных терминологических систем обозначаемый как «тема», ср. *загрузить сено на телегу*), и таких, где прямым дополнением оказывается конечная точка («цель», ср. *загрузить телегу сеном*). На материале нескольких словообразовательных гнезд русских глаголов, демонстрирующих такую конкуренцию, было показано, что префиксация глагола может блокировать одну из конкурирующих конструкций или менять их частотное соотношение. На основании различных свидетельств (синхронных и исторических) был сделан вывод о том, что конструкция с объектом-темой является лексически базовой для рассмотренной группы русских глаголов, при этом наиболее адекватный анализ структуры с объектом-целью – это трактовка ее как самостоятельной конструкции (в терминологическом смысле).

В докладе Н.Е. Шанявской (Санкт-Петербург) «Актуализация конструкции с предлогом *в* в поэтических текстах М. Крепса и И. Бродского» были проанализированы синтаксические функции структур с предлогом *в* и их связь с ситуациями и образами, характерными для творчества этих авторов. Были

показаны сходства и различия в употреблении данных конструкций в поэзии М. Крепса и И. Бродского.

В докладе «Что-то как-то непонятно: типология контекстов дискурсивного употребления местоимений» А.Б. Макарова и С.В. Соколова (Норвегия) на примере местоимений *такой* и *какой-то* показали возможные системы организации дискурсивных значений местоимений. Выяснилось, что в случае указательных и неопределенных местоимений возможны три степени функционального удаления от базовой конструкции. При этом чем дальше от базовой оказывается конструкция с указательным или неопределенным местоимением, тем менее регулярна эта конструкция и тем больше ограничений на типы предикатов у нее обнаруживается.

В.П. Щаднева и Ю.С. Кудрявцев (Эстония) в докладе «Структурно-семантические и дискурсивные особенности предложений с начальной частицей *куда*» рассмотрели четыре типа конструкций с начальной частицей *куда*. Классификация этих типов основывается на наличии в предложении инфинитива и существительного или местоимения в дательном падеже: к первому типу относятся предложения, в которых присутствуют оба элемента (*Куда тебе переплыть!*); в предложениях второго типа содержится только инфинитив (*Куда тут работать!*); в предложениях третьего типа — только существительное или местоимение в дательном падеже (*Куда им!*); в предложениях четвертого типа отсутствуют оба элемента (*Куда там!*). Во всех названных случаях допустимо наличие «факультативных усилителей» типа *уж, там* и др. Кроме того, обсуждались особенности употребления изучаемых структур в монологической и диалогической речи.

В лекции Д. Вайса (Швейцария) «Глагольная сериализация? Русские двойные (тройные, ...) глаголы» были подробно рассмотрены различные аспекты функционирования в русском языке таких цепочек глагольных словоформ, как, например, *ели-пили, били-не жалели, попробуй отбери, стоит смотрит*. Были выделены свойства прототипической «сериальной» конструкции: по синтаксическим и просодическим характеристикам цепочка глагольных форм обладает слитностью, а в семантическом отношении она обозначает одно действие. Автор показал, что в зависимости от степени фразеологической связанности конструкция может проявлять свойства сериальной в большей или меньшей степени. Так, для полных фразем (например, *жил-был*) оказывается невозможной инверсия (**был-жил*). Кроме того, обсуждалась гипотеза о том, что двойные глаголы возникли под влиянием финно-угор-

ских языков. Были приведены результаты исследования степени грамматикализации разных двойных глаголов в современном русском языке (ср., например, употребление глагола *ходить* как маркера дуративности: *весь день читает ходит*).

Обсуждение двойных глаголов продолжила А.В. Леонова (Новосибирск), представив доклад «Семантическая доминанта и модальные оттенки конструкции *взять сделать*». Было проанализировано пять разновидностей этой конструкции (*взял X-овал; взял, X-овал; взял и X-овал; взял да X-овал; взял да и X-овал*), а также ее употребления с квазиимперативом (*А он возьми и брякни*). На примере этих вариантов А.В. Леонова показывает разные этапы грамматикализации конструкции *взять сделать* и выявляет импликацию, общую для всех типов: действие, названное основным глаголом, противоречит ожиданиям говорящего.

Отдельное заседание конференции, посвященное обсуждению относительных предложений, открыла лекция М. Фрида (Чехия/США) «Slavic relative clauses: the case of absolutive relativization in Czech». Автором были детально рассмотрены свойства относительных конструкций чешского языка, вводимых элементом *co*. В отличие от основного маркера релятивизации (относительного местоимения *který*), *co* не имеет падежных форм. Подобные конструкции обычно упоминаются в грамматиках славянских языков как маргинальные структуры, находящиеся на периферии грамматической системы. На обширном корпусном материале было показано, что предполагаемые в литературе ограничения на использование этой стратегии релятивизации (рестриктивность, релятивизация только позиций подлежащего или прямого дополнения, одушевленность вершинного имени и т. д.) в действительности не являются грамматическими ограничениями в узком смысле слова, скорее оказываясь предпочтениями, следующими из дискурсивных характеристик этих конструкций. Также был рассмотрен вопрос о том, почему аналогичные стратегии релятивизации, не являясь центральными, все же систематически фиксируются, заполняя особую функциональную нишу, в самых разных славянских языках (ср. в русском *девушка, что я люблю*).

Доклад Е.А. Лютиковой (Москва) «Рестриктивные и аппозитивные относительные предложения в русском языке: структура и семантика» был посвящен различиям рестриктивных и аппозитивных относительных предложений. В первой части доклада подробно рассматривались структурные и просодические свойства рестриктивных и аппозитивных относительных предложений, а также интерпрета-

ция местоимения *который* в их составе. Во второй части доклада был предложен анализ относительных предложений разных типов, в соответствии с которым внутренняя структура рестриктивных и аппозитивных относительных предложений оказывается различной, относительные предложения в зависимости от типа занимают различные структурные позиции по отношению к главному, а союзное слово *который* выполняет в них различные функции.

О.В. Митренина (Санкт-Петербург) в докладе «Конструкции с местоимением *который* в русском языке XVII – нач. XVIII века» сравнивает конструкции с местоимением *который* в русском языке XVII – нач. XVIII века с коррелятивными конструкциями современного русского языка и выделяет несколько различий между ними. Так, например, в современном русском языке невозможно употребление личного местоимения или слов типа *многие* или *иные* вместо указательного местоимения в главном предложении, что было возможно в русском языке XVII – нач. XVIII века. Синтаксические свойства коррелятивных конструкций О.В. Митренина объясняет тем, что слово *который* первоначально функционировало как детерминатор или неопределенное местоимение, аналогичное современному русскому местоимению *кое-какой*.

В стендовой секции конференции было представлено девять докладов. Д.В. Герасимов (Санкт-Петербург) в докладе «Универсальные фокусные кванторы в русском языке: *по крайней мере* и *хотя бы*» обращает внимание на то, что единицы *по крайней мере* и *хотя бы* употребляются как фокусные кванторы, т. е. как «единицы, которые осуществляют квантификацию над множеством возможных альтернатив пропозиции, попадающей в их сферу действия». Автор уточняет и дополняет анализ этих единиц, сделанный В.Ю. Апресян, отмечая при этом, что для одного из употреблений единицы *хотя бы* существенную роль играют шкала вероятности и шкала желательности для говорящего.

И.В. Дубровина (Ульяновск) в докладе «Усвоение квазисинонимичных предложных конструкций: конструкционный подход» показывает, что квазисинонимичные предложные конструкции усваиваются ребенком целиком, как отдельные единицы языка, обладающие своей семантикой. Материалом для исследования служат данные изучения трех групп предложных конструкций русского языка: конструкций с предикатами речемыслительного действия (*говорить о/про X*), конструкций с предикатами «горестного чувства» (*скучать о/по X*) и конструкций с предикатами контактно-направленного действия (*бить в/по X*).

Е.В. Ягунова и Л.М. Пивоварова (Санкт-Петербург) в докладе «Коллокации и конструкции в исследовании структуры текста» представили результаты анализа сочетаний лексических единиц, полученных на основании статистических критериев и экспериментов с информантами. При этом оказалось, что набор сочетаний, выявленных путем вычислительных методов, сходен с набором сочетаний, выделяемых при помощи экспериментов с информантами.

Доклад Е.Н. Соколовой (Москва) «Нет в русском языке: разрешение неоднозначности при решении задач автоматической обработки текстов» был посвящен различным типам употребления слова *нет* в русском языке, выявленным благодаря опыту работы с лингвистическим процессором ЭТАП-3. Автор выделяет и подробно рассматривает четыре группы функций леммы *нет*: глагол, управляющий подлежащим в родительном падеже (*денег нет*); «местоимение», которое воспроизводит семантику упомянутого ранее глагола (*Я вчера помыл посуду, а сегодня нет*); «слово-предложение», которое целиком употребляется как клауза (*Вася купил книгу или нет?*); частица, которая употребляется при ответе на общий вопрос.

В.В. Баранова (Санкт-Петербург) в докладе «В чем считать? Конструкция счета X штук $N_{ген}$ в русском языке» рассматривает счетную конструкцию X штук $N_{ген}$, а также родственные ей конструкции X душ $N_{ген}$ и X человек $N_{ген}$. Выясняется, что употребление последних двух конструкций сокращается, а конструкция X штук $N_{ген}$, несмотря на свою распространенность, обнаруживает ограничения на сочетаемость с существительными некоторых типов в соответствии с иерархией одушевленности (так, эта конструкция никогда не употребляется с именами собственными).

М.А. Даниэль (Москва) в докладе «Второй родительный: a corpus study» проследил на материале НКРЯ динамику употребления второго родительного (*две бутылочки лимонаду, поел луку, ни шагу, из дому*) в текстах начиная с XIX века и поставил под сомнение адекватность его расхожей трактовки этой формы как партитивной. Выяснилось, что общая частотность употреблений второго родительного в рассмотренный период сокращается, однако происходит это преимущественно за счет уменьшения лексического разнообразия единиц, используемых в этой форме, при этом формы второго родительного некоторых отдельных существительных, особенно в составе устойчивых оборотов, в частотности не теряют. Делается вывод о тенденции к лексикализации этой формы. Помимо этого показано, что партитивные употребления составляют

лишь относительное большинство вхождений второго родительного в НКРЯ и что при этом их доля падает со временем.

А.А. Байдирирова и С.В. Соколова (Норвегия) представили доклад на тему «Роль конструкций в определении значений приставки: корпусное исследование приставки ЗА-». Было показано, что для определения значения приставки важен не только принцип центр-периферия, но и ряд других факторов, в частности, семантика глагольной основы (так, наиболее грамматикализованные значения приставки *за-* возникают из ее сочетания с глаголами непространственной семантики: *за-кричать*). Одним из определяющих факторов значения приставки оказывается тип синтаксической конструкции.

В докладе А.-Ю. Кюрёляйна (Финляндия) «Building conceptual spaces: modeling the Russian reflexive constructions (-sja) with random forests and clustering» был предложен новый статистический метод анализа предсказуемости семантических свойств единиц по характеристикам их окружения. В качестве материала использовалась выборка русских возвратных глаголов, разделенных по семантическому критерию на 17 классов (собственно рефлексивы, реципроки, пассивы и т.д.). Далее выборка естественных примеров была размечена по множеству из 29 морфосинтаксических переменных (наличие актантов в определенных формах, их онтологические характеристики, порядок слов и т.д.). В результате была получена модель, которая с высокой степенью надежности способна предсказать тип семантической интерпретации глагола по свойствам контекста. Полученные результаты вписываются в контекст достижений Грамматики конструкций: утверждается, что семантическая классификация рефлексивных глаголов – это по сути дела анализ не лексических единиц как таковых, а опознаваемых носителями языка конструкций, наделенных собственной типовой структурой и значением.

Ю.Л. Кузнецова (Норвегия) в докладе «Статистический профиль как отражение семантических ограничений» демонстрирует новый метод анализа конструкций – с помощью статистического профиля. Статистический профиль – «список лексем, наиболее частотных в заданном слоте». Автор показывает, как этот метод позволяет выявить семантические запреты и предпочтения той или иной конструкции, а также определить, является ли некоторое сочетание конструкцией.

В устном докладе Е.Л. Вилинбаховой (Санкт-Петербург) «О конструкции вида *муж такой муж* в русском языке (на материале интернет-источников)» были выявлены разновидности

ности употребления изучаемой конструкции, различающиеся как по семантике (от обозначения эталонного представителя некоторой группы до выражения значения интенсивности проявления признаков, ассоциирующихся с той или иной группой), так и по синтаксическому потенциалу (в одних случаях конструкция функционирует в качестве сложной именной группы, в других она используется предикативно). Было показано, что между этими двумя параметрами имеется систематическая связь. Свойства изучаемой конструкции рассматривались в контексте других «тавтологических» синтаксических идиом русского языка; также был выявлен вклад, привносимый в конструкцию лексической единицей *такой*.

В докладе А. Мёль (Швейцария) «Средства синтаксической аппроксимации в размерно-количественных конструкциях русского языка» были проанализированы различные структуры, при помощи которых в русском языке может быть выражена семантика приблизительного количества или приблизительного размера: инверсия в группе числительного (*дня три*), обозначение диапазона (*два-три дня*), предложно-падежные конструкции размера с эллипсисом параметрического имени (*дыра с ладонь*). При этом все они рассматривались как компоненты единой системы. В докладе были выявлены сходства и различия между анализируемыми структурами, при этом особое внимание уделялось мотивированности синтаксических средств выражения аппроксимации (инверсии и эллипсиса).

М.Д. Воейкова (Санкт-Петербург) в докладе «Формирование и распад конструкций в свете лингвистических теорий, основанных на употреблении, или почему *лицом к стене, но руки на затылок*» рассмотрела вопрос о факторах диахронического развития и консервации синтаксических конструкций на материале синтаксических идиом двух типов: конструкций типа *руки на затылок* и различных модификаций провербиального *Кесарю кесарево, а Божие Богу*. Было показано, что употребление синтаксической конструкции могут быть в большей или меньшей степени увязаны с описанием определенных ситуативных сценариев (инструкции при гимнастике, захват), а диахронические грамматические изменения могут отчасти следовать смене внеязыковых реалий. На примере рассмотренных конструкций также были поставлены некоторые методологические проблемы, возникающие при работе в НКРЯ, и намечены пути их решения. Кроме того, была проиллюстрирована возможность воздействия синтаксической структуры конструкции на появление словообразовательных инноваций, ср. *отдайте кесарю кесарево,*

пенсионеру пенсионеро, ветерану ветераново (НКРЯ) и т. п.

В своей лекции «Where lexicon, syntax, semantics and pragmatic implicatures meet: the genitive of negation and the genitive of intentionality in Russian» Б.Х. Парти (США/Москва) предложила унифицированный анализ конструкций с субъектным генитивом отрицания (*ответа не пришло*) и с объектным генитивом в интенциональных контекстах (*он ждал автобуса*). Особое внимание было уделено семантике предикатов в таких структурах; в частности, было показано, что в большинстве контекстов с субъектным генитивом отрицания наблюдается ситуативная синонимия лексического глагола экзистенциальному *быть* применительно к некоторой локализации (ср. *не белело парусов на горизонте*). Были выявлены случаи различий в семантической интерпретации предикатов в зависимости от выбора падежа (*Маша не видна* и *Машин не видно; они ждут начальницу* и *они ждут начальницы*). Во всех подобных случаях выбор генитива рассматривается как выбор диатезы с понижением актанта. Также была предложена модель формализации изучаемого выбора в терминах семантических типов, отражающая, среди прочего, и различия в референциальном статусе альтернирующих именных групп.

Е.В. Падучева (Москва) проанализировала в своем докладе «*Мало ли кто* и другие маргинальные предикативные конструкции» сеть конструкций русского языка, связанных с квантификацией (ср. *негде было спать, мало где можно спать, мало ли где можно спать*). Было показано, что параллелизм между этими структурами оказывается во многом мнимым; в частности, различаются наборы возможных в них вопросительных местоимений (ср. *мало чьим занятиям, но *нечьим занятиям*). Структуры с *ли* можно интерпретировать как результат взаимодействия семантики риторического вопроса и структуры типа *мало что: мало ли что* как риторический вопрос предсказуемо может приобретать антонимичное прочтение 'много чего было или могло быть'. Однако подобными предсказуемыми композиционными эффектами возможности результирующей конструкции не ограничиваются: так, конструкция *мало ли что* самостоятельно развивает семантические оттенки безразличия, эпистемической неуверенности, а также свойство синтаксической неподчинимости.

В лекции Т.Е. Янко (Москва) «Русские вокативные конструкции» было показано, что формальные и содержательные параметры русских вокативных конструкций (*Дорогой Вася, Эй на барже, Ва-ся-я, Подвисься*) связаны с условиями дискурсивного употребления об-

ращений. В частности, было показано, каким образом и лексическая семантика, и просодия, и некоторые элементы синтаксиса обращений выводятся или как минимум согласуются с иллюкутивной функцией и прагматической ситуацией, в которой обращение фигурирует. Рассматривались грамматические и просодические корреляты противопоставления первичной функции апелляции и других, не собственно апеллятивных, функций обращений. Была предложена иерархия имен, реферирующих к человеку, по степени выраженности их «вокативного потенциала». Особое внимание уделялось обсуждению некомпозиционных аспектов устройства вокативных конструкций, например, использованию в составе обращений согласованных прилагательных (*дорогой, уважаемый, милая*) с лексемами, имеющими слабый вокативный потенциал. Для интерпретации подобных некомпозиционных явлений было предложено использовать конструкционный подход.

И.В. Сердобольская (Москва) представила доклад «Критерии разграничения бессоюзных и вводных предложений с ментальными глаголами в русском языке». Было показано, что два названных типа структур, не будучи жестко противопоставленными, все же различаются по ряду параметров: морфологических, синтаксических, семантических (вводные конструкции демонстрируют ряд нетривиальных ограничений по этим параметрам). Особое внимание уделялось просодическим различиям: дело в том, что в литературе по рассматриваемой проблематике преимущественно изучались письменные тексты и зачастую конструкции разграничивались на основе пунктуационных критериев. Автор пришел к выводу, что в спонтанной речи можно найти определенные просодические корреляты «конструкций с запятой» (*я думаю, история изобретена для успокоения человечества*) и «конструкций с двосточием» (*а я вижу его и думаю: сейчас разревусь*).

В докладе С. Бирцер (Германия) «Мультифункциональность в дискурсе: вообще говоря» на корпусном материале рассматривалась система функций названной дискурсивной единицы в русском языке. Было продемонстрировано, каким образом из центрального употребления этой единицы в качестве «реформулирующего коннектива» могут развиваться другие функции, связанные с выражением оценок говорящего и, шире, с тематической организацией дискурса. В докладе также были сопоставлены функции, реализуемые в первичной для данной единицы устной речи и в письменных текстах, и намечена возможная

семантическая карта для подобных единиц в славянских идиомах.

Доклад М.В. Копотева (Финляндия) «Эволюция русских маркеров ренарратива. Часть 2: *как бы, якобы* и т. п.» представлял собой продолжение дискуссии, начатой тем же докладчиком в ходе конференции 2009 года. На этот раз в поле зрения попали маркеры эвиденциальной зоны, которые так или иначе связаны с выражением идеи сравнения, как существующие в современном русском языке, так и существовавшие на более ранних этапах его развития: *окопо, якобы, как бы, типа*. Было показано, что в своем развитии эти единицы проходят во многом подобные этапы, связанные с синтаксическим переразложением исходных сравнительных конструкций, при этом они в целом относительно быстро сменяют друг друга в составе системы маркеров ренарратива и близких эвиденциальных значений.

Завершил конференцию доклад А.Б. Летучего и Е.В. Рахилиной (Москва) «Значение конструкций в грамматике и грамматика в значении конструкций», в котором был отражен фрагмент большого проекта, посвященного изучению «квазиграмматических» конструкций русского языка, т. е. конструкций, выражающих значения, похожие на значения грамматических маркеров в других языках (время, аспект, модальность и т. п.). В данном выступлении речь шла о конструкциях предикатной множественности (повторяемости ситуации): *с него станется, нет-нет да и, направо и налево, на каждом шагу, то и дело, сплошь и рядом*. На этом материале обсуждался вопрос о том, как в принципе в русском языке функционируют подсистемы конструкций с близкими квазиграмматическими значениями, каким образом в диахронии меняется их частотность (было показано, что каждая из рассмотренных конструкций резко увеличивала свою частотность в определенный момент времени). В результате авторам удалось выявить черты, сближающие процессы развития конструкций с привычными явлениями грамматикализации, но в то же время и определить такие свойства, которые различают эти два типа диахронических процессов.

Большинство докладов и лекций вызывало живую продуктивную дискуссию, часто продолжавшуюся в кулуарах. Следует признать, что конференция соответствовала замыслу организаторов в «эмпирическом» аспекте: представленные исследования значительно углубляют наше понимание устройства синтаксических структур русского языка, в том числе и таких, которые ранее не попадали в полной мере в поле рассмотрения лингвистов. Что же касается теоретической задачи, заявлен-

ной в самом начале при организации конференции и отраженной в ее названии, то она во время дискуссий получила несколько неожиданное преломление. Как представляется, большинство докладчиков ушли от выбора между двумя, казалось бы, противоречащими друг другу подходами. Напротив, во многих случаях обнаруживалось, что исследователи осознанно совмещали в своей работе достижения композиционных синтаксических подходов (часто выводящих синтаксическую сочетаемость из лексическо-семантических свойств компонентов) и конструктивных подходов. Говорит ли такая картина о том, что исследователям русского синтаксиса в дальнейшем следует стремиться к большей методологической ясности интерпретаций языковых явлений, или о том, что сами обсуждаемые подходы в действитель-

ности не столько исключают, сколько дополняют друг друга, покажет время. Предварительно следующая конференция в серии запланирована на весну 2013 года.

*М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская,
С.С. Сай*

Сведения об авторах:

Институт лингвистических
исследований РАН

Мария Александровна Овсянникова

masha.ovsjannikova@gmail.com

Софья Алексеевна Оскольская

sonypolik@gmail.com

Сергей Сергеевич Сай

serjozhka@yahoo.com

CONTENTS

Nikolaj V. Percov, Igor' A. Pil'sčikov (Moscow). On the linguistic aspects of textology; Ekaterina R. Dobrušina (Moscow). On the problem of semantic integrity of Russian preverbs; Petr M. Arkad'jev (Moscow). On the syntax of «accusativus cum participio» constructions in Lithuanian; Ksenija V. Antonjan (Moscow). Verbal categories of Chinese adjectives; **Scientific heritage:** Mikhail L. Gasparov. The versification of I. Brodskij's last poems; **Reviews:** Svetlana A. Burlak, Il'ja B. Itkin (Moscow). *A. Carstairs-McCarthy*. The evolution of morphology; Valentina Yu. Apresjan (Moscow). *A.N. Gladkova*. Russian cultural semantics: Emotions, values, attitudes; Valentin Yu. Gusev (Moscow). *R. Benacchio*. Aspect and politeness in the Slavic imperative: A comparative study; Mikhail V. Osion (Moscow), Vytautas Rinkėvičius (Vilnius). *F. Kortlandt*. *Baltica & Balto-Slavica*; Filipp R. Minlos (Moscow). *F.I. Rožanskij*. Reduplication: A typological study; Aleksandr Yu. Rusakov (St. Petersburg). *B. Demiraj* (Hrsg.). *Wir sind die Deinen*. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte, dem Gedenken an Martin Camaj (1925–1992) gewidmet; Natalija S. Babenko (Moscow). New large German-Russian dictionary in three volumes. About 500 000 lexemes / Under the supervision of D.O. Dobrovol'skij; **Chronicle notes:** Viktor V. Timofeev (Moscow). VI International scientific conference «Phonetics today»; Elena G. Borisova (Moscow). Language as the basis of mutual understanding (on the «Understanding in communication 5» conference); Irina A. Sedakova (Moscow). XI Balkan conference «Balkan spectrum: From light to colour»; Marija A. Ovsjannikova, Sof'ja A. Oskol'skaja, Sergej S. Saj (St. Petersburg). «The Russian language: Constructionist and lexico-semantic approaches».